

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«ГОРНО-АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

Л.Н. МУКАЕВА

**ПОЛИТИКА КАБИНЕТА В ГОРНОМ АЛТАЕ
В ДОСОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ**

Монография

Горно-Алтайск
РИО Горно-Алтайского государственного университета
2014

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Горно-Алтайского госуниверситета

**ББК63.3(2Рос=Алт)
М90**

Мукаева, Л.Н.

Политика Кабинета в Горном Алтае в досоветское время: монография
/ Л.Н. Мукаева. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2014. – 112 с.

ISBN 978-5-91425-114-4

Рецензенты:

Колоткин М.Н., д.и.н., профессор Сибирской государственной
геодезической академии

Паклин М.И., к.и.н., доцент Горно-Алтайского государственного университета

Монография представляет собой исследование на основе документально-го и научно-исследовательского материала основных направлений политики Кабинета Его (Ее) Императорского Величества в Горном Алтае с середины XVIII в. до 1917 г. Охарактеризован круг проблем, с которыми сталкивалась кабинетская администрация в своих попытках изучения и хозяйственного освоения горного региона.

Монография адресована научным работникам, преподавателям, аспирантам, а также студентам исторических факультетов вузов.

ISBN 978-5-91425-114-4

© Мукаева Л.Н., 2014

© Горно-Алтайский государственный университет, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Глава 1. Попытки экономического освоения Горного Алтая Кабинетом в XVII – XVIII вв.	13
1. Горный Алтай: его социально-экономическое положение в XVII – XVIII в. 13	
2. Научно-практическое изучение и попытки горнопромышленного освоения Кабинетом Горного Алтая во второй половине XVIII в.	20
3. Появление русского населения в Горном Алтае во второй половине XVIII в.	30
Глава 2. Хозяйственное освоение Кабинетом Горного Алтая в первой половине XIX в.	32
1. Научно-практическое изучение Горного Алтая Кабинетом в первой половине XIX в.	32
2. Земельно-переселенческая политика Кабинета в Горном Алтае в первой половине XIX в.	39
3. Социально-экономическое развитие Горного Алтая в первой половине XIX в.	50
Глава 3. Кабинетская политика в Горном Алтае во второй половине XIX – начале XX вв.	61
1. Переселенческая политика в Горном Алтае во второй половине XIX в.	61
2. Хозяйственное освоение русским населением Горного Алтая в досоветское время.	79
3. Горнопромышленное освоение Горного Алтая во второй половине XIX- начале XX вв.	96
4. Земельная политика и землеустроительная политика Кабинета в Горном Алтае в конце XIX –начале XX вв.	101
Заключение	111

Введение

Изучение региональной политики в национальных окраинах России является актуальной проблемой в отечественной исторической науке, особенно, таких как Горный Алтай, представляющий собой особый регион в связи с существованием на его земли, недра, природные ресурсы владельческих прав правящего монарха. Изучение истории кабинетской политики в Горном Алтае в досоветское время подразумевает обширный ряд вопросов. В первую очередь, это вопросы заселения и освоения русским населением данной местности в четко ограниченных пространственно-временных рамках. Во-вторых, это вопросы правительственной политики, в полной мере распространяющейся на изучаемый район. И, наконец, это вопросы, связанные с исследованием переселенческого движения на кабинетские земли. Значение темы определяется тем, что Горный Алтай, входящий в состав кабинетского хозяйства, представлял собой специфический район с рядом льгот и ограничений, на территории которого существовали свои порядки и обычаи и как следствие этого, определенный уровень социально-экономического развития, отличный не только от других регионов империи, но и даже от сопредельных районов Алтайского округа, составной частью которого в досоветское время являлась горная часть Бийского округа (уезда).

Отечественные историки единодушны во мнении о более медленном развитии Сибири, следовательно, и Алтая по сравнению с Европейской Россией. Технично-экономическая отсталость края была обусловлена отдаленностью от западноевропейских и российских рынков, огромными пространствами Сибири, плохим состоянием средств коммуникации. Специфические особенности Горного Алтая: его отдаленность, малонаселенность, природно-климатические условия, феодально-родовые отношения, сохранившиеся среди местного населения, наложили отпечаток на уровень социально-экономического развития, определяя тем самым его замедленность и отсталость по сравнению со степными районами Алтайского округа. Существование и переплетение различных форм хозяйственных укладов местного алтайского, русского, казахского населения, его социальная пестрота – все это вызывает особый интерес к изучению комплекса проблем по истории региональной политики, осуществляемой в национальной окраине – Горном Алтае помимо правительственных учреждений особым ведомством – Кабинетом Его (Ее) Императорского Величества (далее по тексту – Кабинет). На Алтае Кабинет ведал вопросами административно-экономического и правового управления царским хозяйством.

Актуальность предпринятого исследования вызвана тем, что данная тема остается на сегодняшний день неизученной. До настоящего времени среди ученых, занимающихся исследованием истории Горного Алтая рассматриваемого периода, нет единого мнения о реальном положении региона в составе России. Отсутствуют конкретные исторические работы, посвященные анализу сущности и особенностей экономической политики Российского государства и Кабинета в XVIII – начале XX вв. в Горном Алтае. Незаработанность данной темы

связана и с тем, что Горный Алтай не представлял собой особого исследовательского интереса в качестве самостоятельного региона в контексте анализа экономической и социальной политики кабинетского ведомства в XVIII – начале XX вв.

Важность темы обусловлена и тем, что до недавнего времени Горный Алтай входил в состав Алтайского края, и лишь недавно, получив статус самостоятельной республики, вышел из его состава. В настоящее время в связи с обострившимся интересом к национальным проблемам и межэтническим отношениям это исследование становится необходимым. Несмотря на воздействие данного фактора, не следует забывать про экономические, хозяйственные, культурные отношения, связывающие Горный Алтай с историей Алтайского округа и России в целом.

Цель данного исследования заключается в анализе сущности и особенностей кабинетской политики в Горном Алтае в XVIII – начале XX вв. Для этого необходимо решить следующие задачи:

- проанализировать предпосылки освоения в рассматриваемый период данной территории и степень ее заселенности;
- выяснить особенности изученности Горного Алтая в досоветское время кабинетской администрацией;
- дать оценку социально-экономическому развитию Горного Алтая в поставленных исторических рамках;
- проанализировать особенности правительственной политики в регионе;
- раскрыть особенности переселенческой политики Кабинета в Горном Алтае в рассматриваемый период;
- выявить специфику земельной политики Кабинета в Горном Алтае в досоветское время;

Хронологические рамки исследования охватывают период с XVIII по начало XX вв. В территориальные границы исследования включена современная территория Республики Алтай, бывшей Горно-Алтайской автономной области, входившей в состав Алтайского края. Здесь следует отметить то, что в данных конкретных исторических рамках территория Горного Алтая определилась только в 1920-х гг. Установление пространственных границ Горного Алтая было важным моментом правительственной политики в регионе.

В историографии Горного Алтая можно выделить два этапа: дореволюционный и современный. Первые сведения о природных ресурсах, населении, хозяйственных занятиях Горного Алтая доставляли служилые люди, зверопромышленники, отдельные экспедиции П. Собанского, П.И. Шелегина, П.Дорофеева и других землепроходцев. Научное изучение Горного Алтая началось с момента его вхождения в состав России и в кабинетское хозяйство. В 1771 г. Алтай посетил известный российский ученый-натуралист П.С. Паллас, который собрал много сведений о кабинетском округе, включая его горную часть. Итогом его многолетнего путешествия было пятитомное сочинение под названием «Путешествие по разным местам Российского государства». Горному Алтаю в этом труде тоже было уделено внимание. В сочинении П.С. Палла-

са имеются довольно обширные сведения о природных ландшафтах, геологии, животного и растительного мира, приведены данные и о населении горного края¹.

В конце XVIII – начале XIX вв. детальным исследованием Горного Алтая занимался видный представитель официального направления сибирской и российской историографии Г.И. Спасский. После нескольких поездок по Горному Алтаю он написал исторические очерки, в которых дал подробную характеристику, описание местности, хозяйственных занятий, облика и быта староверческого населения Бухтарминской и Уймонской долин и алтайского населения. Г.И. Спасский был первым, кто сообщил научной общественности ценные и достоверные сведения о раскольничьих общинах Южного и Горного Алтая. Исторической науке ученый был еще интересен как публицист, много сделавший для развития исторической журналистики. Перебравшись с Алтая в Петербург, он наладил издание журнала «Сибирский вестник». Журнал выходил с 1818 по 1824 гг., затем был реорганизован в «Азиатский вестник», последний издавался с 1825 по 1827 г. В выпусках этих журналов печатались исследовательские статьи, очерки, заметки о природе, истории и освоении природных ресурсов Алтая².

В 1826 г. на юге Сибири побывали ученые-натуралисты К.Ф. Ледебур и А.А. Бунге. В своем труде «Путешествие по Алтайским горам» они дали подробную характеристику природы Горного Алтая, его растительного и животного мира, а также уклада, образа жизни русского и коренного населения края, описали личные впечатления от встреч с местными жителями, охарактеризовали миграционные процессы в горном крае этого времени, кабинетскую политику. Обширный фактологический материал по социально-экономической истории Горного Алтая и политике Кабинета в Алтайских горах, собранный К.Ф. Ледебуром и А.А. Бунге, до сих пор представляет большой исторический интерес³. Фундаментальный труд видного ученого К. Риттера «Землеведение Азии» содержит довольно много сведений географического, исторического экономического и этнографического характера о Горном Алтае. К. Риттер привел много данных о различных видах хозяйственной жизни алтайских племен и местных староверов-каменщиков. Заслуживает внимания и его характеристика природных условий Горного Алтая, способствующих возникновению особых видов хозяйствования, таких как мараловодство, пчеловодство, охота, скотоводство, земледелие и рыболовство⁴.

Исследователи первой половины XIX в., отмечая малолюдность горного края и обилие в нем природных ресурсов, писали о необходимости активного хозяйственного освоения и развития здесь культуры. Ученые областного

¹ Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства по повелению Санкт-Петербургской Императорской Академии наук. /Пер. с немецкого Ф. Томанского. – СПб., 1786. – 571 с.

² Спасский Г.И. Путешествие к алтайским калмыкам//Сибирский вестник. – СПб., 18234. Т. 3 – 4.

³ Путешествие по Алтайским горам и джунгарской Киргизской степи / К.Ф. Ледебур А.А. Бунге, К.А. Мейер: Пер с нем./ В.В. Завалишин, Ю.П. Бубенков. – Новосибирск: ВО «Наука», Сибирская издательская фирма, 1993 – 415 с.

⁴ Риттер К. Землеведение Азии.– СПб., 1859. Т. 2. – 350 с.; 1877. Т. IV – 695 с.

направления второй половины XIX в., больше обращали внимание на негативные, по их мнению, стороны заселения русским элементом края и правительственной политики, в которой они усматривали колониальные моменты по отношению к аборигенному населению Алтая. Дореволюционные исследователи из числа прогрессивной интеллигенции воспринимали Сибирь как колонию Российской империи, поэтому они внутривластный курс Российского правительства оценивали только негативно, выделяя при этом различного рода нарушения, злоупотребления местной администрации и русских переселенцев¹. В противовес им исследователь А. Михайлович писал о необходимости заселения национальных регионов юга Западной Сибири русским населением в целях обеспечения безопасности российского государства на границе с Китаем².

Особо следует выделить труды исследователей второй половины XIX века, качественно отличавшихся от предшествующих работ. В это время значительно расширилась исследовательская тематика. В поле зрения исследователей попали вопросы численности населения в рассматриваемый период, переселенческого движения, земельной политики. В этот же период стали собираться статистические данные. Досоветская литература пореформенного периода содержит обширный круг работ, освещавших вопросы хозяйственной деятельности алтайского и русского населения Горного Алтая. Одна из причин, вызвавшая интерес исследователей к данной теме, была связана с массовым переселением европейских крестьян на Алтай. Заселение края мигрантами привело к необходимости проведения исследований по вопросам быта и устройства переселенцев и их влияния на экономику края. Значительный вклад в изучение региональной политики в Горном Алтае внес известный сибирский областник Н.М. Ядринцев. Он по поручению Западно-Сибирского отдела Русского географического общества дважды (в 1878, и 1880 гг.) ездил по Горному Алтаю. Результаты экспедиций им были опубликованы в двух крупных статьях, где также в обобщающих трудах, в которых ученый дал характеристику хозяйства (скотоводства, земледелия, охоты), жизненного уклада алтайцев, привел важные данные о народонаселении и хозяйственном освоении, особенностях политики Кабинета³.

Значительная роль в изучении Горного Алтая принадлежит «Обществу любителей исследования Алтая», возникшему в 1880-х гг. в Барнауле. Члены общества занимались исследованием геологии, географии, истории и этнографии края. Ими было собрано много статистических сведений по землеустройству, межеванию и переселенческому движению по Алтаю и Горному Алтаю. Силами общества было проведено несколько экспедиций археологического,

¹ Ядринцев Н.М. Сочинения: Т. 1. Сибирь как колония: Современное положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее. /Под ред. С.Г. Пархимовича. – Тюмень. 2000. – 480 с.; Он же. Сочинения: Т. 2. Сибирские инородцы. Их быт и современное положение. /Под ред. С.Г. Пархимовича. – Тюмень. 2000. – 336 с.; Потанин, Г.Н. Полгода на Алтае [Текст]: / Г.Н. Потанин // Русское слово. – М., 1859. – Отд. 1. – С. 90 – 275.

² Михайлович А. Русская колонизация Горного округа Алтая. – Тобольск. 1896. – 96 с.

³ Ядринцев Н.М. Поездка по Западной Сибири и в Горный Алтайский округ (1878) //Записки ЗСОРГО. 1880. Кн. 2. – С. 1 – 147.; Он же. Об алтайских и черневых татарах //Известия РГО. Т. 17. Вып. 4. СПб., 1881. – С. 228 – 254.; Он же. Алтай и его инородческое царство //Исторический вестник. Т. 20. СПб., 1885. – С. 607 – 644.

экономического, этнографического характера по Горному Алтаю, материалы которых до сих пор не потеряли научной ценности. Совет общества собирал научно-исследовательский и краеведческий материалы, издавал периодические издание «Алтайский сборник» и отдельные научные публикации своих сотрудников. Так, вопросу о переселенческом движении в Горном Алтае были посвящены труды активного члена общества Н.С. Гуляева, занимавшегося сбором и анализом данных по земельной колонизации Алтая и другим проблемам социально-экономической истории края¹.

Важные сведения по хозяйственной колонизации Горного Алтая дают отчеты ЗСоИРГО за 1878 г., материалы экспедиций И.Ф. Бабкова и других ученых-исследователей². Официальная историография второй половины XIX – начала XX вв. представлена работами правительственных и кабинетских чиновников, ежегодными отчетами начальника Алтайского округа и статистическими данными, приложенными к отчетам. Эти отчеты интересны, прежде всего, своей постоянной статистикой. По ним можно проследить динамику заселения не только Алтайского округа, но и тех волостей, которые входили в состав Горного Алтая. Статистика позволяет изучать демографические процессы внутри коренного населения Горного Алтая³. Опыт земельно-переселенческой политики Кабинета в Горном Алтае изучали исследователи С.П. Шевцов, Е.Ф. Шмурло, С.Л. Чудновский, М.А. Шкунов, В.П. Михайлов и другие авторы⁴. Интересной работой, освещающей различные вопросы освоения полезных ископаемых Алтайских гор в досоветское время, является сочинение историка Л.Г. Малеева⁵.

В советский период не было обобщающих трудов по истории кабинетской политики в Горном Алтае. Но в различных работах советских авторов рассматривались отдельные аспекты данной проблемы. В этом смысле интересна книга алтайского краеведа Н.И. Камбалова «Исследователи Алтая (XVII – начало XX вв.)», изданная в 1950-х гг., а также другие труды автора⁶ Заслуживают

¹ Алтай: Историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа / Под ред. П.А. Голубева. – Томск, 1890. – 436 с.

² Бабков И.Ф. Сведения о географических работах, произведенных в 1869 г. на границе Западной Сибири с Китаем // Известия РГО. 1870. Т. 6. №3 – С. 89 – 95.; Он же. Сведения о горных проходах в Южном и пограничном Алтае // Известия РГО. 1871. Т. 7. №2 – С. 97 – 103.

³ Алтай: Историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития алтайского горного округа.

⁴ Чудновский, С.Л. Переселенческое дело на Алтае / С.Л. Чудновский // Записки ЗСоРГО Т. 1. Вып. 1. / Под ред. Г.Н. Потанина. – Иркутск, 1889. – С. 1 – 154.; Шмурло, Е.Ф. Описание пути между Алтайской станицей и Кош-Агачем в Южном Алтае / Е.Ф. Шмурло // Записки ЗСоИРГО. Кн. XXIII. – Омск, 1898 – С.1 – 48.; Швецов С.П. Чуйский торговый путь в Монголию и его значение для Горного Алтая / С.П.Швецов – Барнаул, 1898. – 76 с.; Шкунов М.А. Заселение Алтайского округа / М.А. Шкунов // Вопросы колонизации. – 1911. – №9. –101. – С. 91 – 127.; Михайлов, В.П. Отчет начальника Алтайского округа В.П. Михайлова по ознакомлению с Горным Алтаем в лето 1910 г. / В.П. Михайлов – Барнаул. 1910. – 225 с.

⁵ Малеев Л.Г. Алтайский горный округ. – СПб., 1909. – 22 с.

⁶ Камбалов Н.А. Исследователи Алтая (XVIII – первая половина XIX века). – Барнаул, 1956., - 94 с. Он же. Природа и природные богатства Алтайского края. – Барнаул: Алтайское краевое издательство. 1952. –170 с.; Камбалов, Н.А. Первооткрыватели и исследователи Алтая [Текст]: научно-популярное издание / Н.А. Камбалов, А.Д. Сергеев. – Барнаул: Алтайское книжное изд-во, 1968. – 72 с.; Сергеев А.Д. Тайны алтайских крепостей. – Барнаул, 1975. – с.

внимания сочинения известного краеведа и геолога М.Ф. Розена, Н.Я. Савельева, В.Н. Богданова¹. Вопросы переселенческого движения на юге Западной Сибири досоветского времени рассмотрела в своей монографии «Хозяйственное освоение южной Сибири: механизм формирования и функционирования агропромышленной структуры» новосибирская исследовательница Т.С. Мамсик. В ее работе детально изучены причины колонизации и сам процесс освоения земель Юго-Западного Алтая бухтарминскими и уймонскими староверами. Т.С. Мамсик дала полную характеристику социально-экономического положения крестьян-старообрядцев, их быта и культуры². Во 1980 – 1990-х гг. появились первые учебные пособия по истории Горного Алтая и научные статьи, в которых содержится интересный материал по отдельным сюжетам экономической истории горного региона³. Проблемы земельной и переселенческой политики Кабинета в Горном Алтае нашли свое отражение в ряде работ исследовательницы Н.Ф. Иванцовой, в которых рассматриваются земельные отношения русского и инородческого населения Горного Алтая, земельная реформа начала XX в., а также в трудах Г.Х. Жидкова, А.Н. Садовой и других авторов⁴. Современные авторы интересуют различные аспекты экономической истории Горного Алтая, правительственной политики в трансграничном регионе в историческом прошлом и настоящем⁵.

¹ Розен, М.Ф. Очерки об исследованиях Алтая (XVII - начало XX века): // Ком. Адм. Алт. Края по образованию, Упр. архивного дела Адм. Алт. края. учебное пособие / М. Ф. Розен. // - Барнаул: «День», 1996. – 191 с.; Он же. Библиография Алтая: географические, геологические и прочие исследования досоветского периода / М.Ф. Розен. – Барнаул. 1992. – 165 с.; Савельев, Н.Я. Крестьянская реформа 1861 г. на Алтае. / Н.Я. Савельев. – Барнаул: Алтайгиз. 1950. – 62 с.; Сергеев А.Д. Тайны алтайских крепостей. - Барнаул, 1975. - С. 10. Богданов, В.Н. Из истории заселения русскими Чарышской долины Горного Алтая / В.Н. Богданов // Записки Горно-Алтайского НИИЯиЛ. Вып. 7. – Горно-Алтайск, 1967. – С. 92 – 108.

² Мамсик, Т.С. Хозяйственное освоение Южной Сибири. Механизмы формирования и функционирования агропромышленной структуры [Текст] / Т.С. Мамсик. – Новосибирск, 1989. – 240 с.

³ Мукаева, Л.Н. Заселение и хозяйственное освоение русским населением Горного Алтая [Текст] / Л.Н. Мукаева // История Горного Алтая. Часть 1. Горный Алтай в досоветский период. – Горно-Алтайск, 1995. – С. 18–61. Она же. Из опыта переселенческой политики Кабинета в Горном Алтае во второй половине XIX в. [Текст]: / Л.Н. Мукаева // Актуальные вопросы истории Сибири. Научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина: Материалы конф. / Под ред. Ю.Ф. Кирюшина; В.А. Скубневского. Барнаул. 1998. С. 71 – 77.

⁴ Иванцова Н.Ф. Западно-Сибирское крестьянство в 1917 – первой половине 1918 гг. – М.; Издательство «Прометей» МПГУ им. В.И. Ленина, 1993. – 452 с.; Жидков, Г.П. Кабинетское землевладение (1747 – 1917 гг.) / Г.Х. Жидков – Новосибирск: – Наука, 1973. – 264 с.; Садовой, А.Н. К проблеме определения правового статуса автохтонного населения Южной Сибири (XVIII – XX вв.) [Текст] / А.Н. Садовой // История освоения юга Сибири: экономика, политика, культура: Материалы межрегиональной конференции (г. Бийск, 14 – 15 мая 1999 г.) / Ред.-сост. А.Э. Городецкий, Н.Ф. Иванцова. – Бийск: НИЦ БГПИ. 1999. – С. 72 – 77.; Сатлаев Ф.А. Земельная политика царизма в Горном Алтае в пореформенный период (1861-1913 гг.) / Ф.А. Сатлаев // Проблемы истории Горного Алтая. – Горно-Алтайск. 1987. – С. 73 – 110.; Бородавкин А.П. Реформа 1861 г. на Алтае. / А.П. Бородавкин – Томск: Изд-во ТГУ, 1972. – 284 с.; Кыдыева В.Я. Земельный вопрос в Горном Алтае и ак жан: история и современность // Движение Ак жан (белая вера) – бурханизм: взгляд через столетие. Материалы научной конференции, посвященной 100-летию событий в долине Теренг. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайская республиканская типография, 2004 – С. 110 – 122.; Кыдыева, В.Я. Поземельные отношения в Горном Алтае в 20 веке [Текст]: монография / В. Я. Кыдыева; ред. С. Ю. Вайнштейн. – Горно-Алтайск: Предприниматель А. Орехов: издательство и типография, 2008. – 136 с.; Екеев Н.В. Аграрная политика царизма и землеустройства в Горном Алтае XX в. / Н.В. Екеев // Материалы по истории и этнографии Горного Алтая / Под ред. Сатлаева Ф.А. Горно-Алтайск. 1993. – С. 110 – 127.; Мукаева Л.Н. Из истории Горного Алтая // Республика Алтай в цифрах. Юбилейный статистический сборник / Алтайстат. – Горно-Алтайск, 2006. – С. 10 – 21.

⁵ Боронин, О.В. Двоедланничество в Сибири. XVII – 60-е гг. XIX вв. Научная монография. Издание второе, исправленное / Под ред. В.А. Моисеева. / О.В. Боронин – Барнаул, 2004. – 216 с.; Моисеев, В.А. Цинская империя и народы Саяно-Алтая в XVIII в. / В.А. Моисеев – М.: Наука, 1983. – 150 с.

Вопросы хозяйственного освоения природных ресурсов Горного Алтая различными группами населения, Кабинетом и правительственными ведомствами, а также земельной и переселенческой политики нашли отражение в монографии Л.Н. Мукаевой «Горно-поисковое дело Кабинета на Алтае в досоветское время» и в других работах автора¹.

Источниковедческая база исследования является многообразной. Основные материалы по проблемам заселения освоения Горного Алтая в досоветское время отложились в фондах Томской области, Алтайского края, Санкт-Петербурга. Первые работы о природных ландшафтах, быте и образе жизни промысловых, других хозяйственных занятиях коренного и русского населения Горного Алтая появились в XVIII в. после нескольких изыскательских экспедициях. Отчеты и дневники экспедиций дают первые сведения об этом заповедном уголке кабинетского хозяйства. Так, в «Журнальной записке» и рапортах горно-алтайской экспедиции 1745 г. П. И. Шелегина, являющихся важными историческими источниками, имеются сведения об «удобных» местах, пригодных для заселения, о состоянии почв, коренных жителях Алтайских гор. Ценность данных источников заключается еще и в том, что к ним, как правило, прилагались карты тех мест, по которым следовали изыскательские партии и путешественники².

Ценнейшими историческими источниками по различным аспектам экономической истории являются законодательные акты. Это, в первую очередь, «Устав об инородцах» 1822 г., «Положение об инородцах» 1892 г, отразившие различные стороны жизни алтайского населения, советское и современное законодательство. Миграционные процессы на территории Горного Алтая в досоветское время регулировались законами 1865 г. и 1879 г. Для анализа земельных реформ важны указы 1899 г., 1904 г. и последующих лет.

Важная информация содержится в трудах путешественников, среди которых выделяются отчеты и дневники уже упоминавшихся К.Ф. Ледебура, А.А. Бунге, Ф.В. Геблера, а также А.А. Принтца, В.В. Радлова³. Ценные сведе-

Модоров, Н.С. Россия и Горный Алтай: Политические, социально-экономические и культурные отношения (XVII – XIX вв.). [Текст]./Н.С. Модоров. – Горно-Алтайск, 1996. – 400 с.

¹ Мукаева, Л.Н. Горно-поисковое дело Кабинета на Алтае в досоветское время: монография. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2008. – 344 с. Она же. Из старообрядческого опыта освоения природных ресурсов Южного Алтая в XVIII – начале XX вв. [Текст]./Л.Н. Мукаева //Вопросы истории. Вып. 2./Под ред. Н.Ф.Иванцовой. Бийск. 1999. – С. 46 – 58.; Она же. Историография социально-экономической истории Горного Алтая досоветского времени [Текст]: /Л.Н. Мукаева //Билим. Науч. журнал /НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова. Горно-Алтайск. 2009. – №5. – С. 109 – 114.

² Шангин, П.И. Дневные записки г. обергиттенфервалтера Петра Шангина, деланное им при описании рек Ини, Чарыша, Коксуна, Катуня, Большого Хаир-Кумына и Бухтармы со всеми впадающими в них речками / П.И. Шангин // Новые ежемесячные сочинения. – СПб., 1796. Ч.118. С.3 – 16.; Ч.119. – С.24 – 38.; Ч. 120. – С.68 – 84. Ч. 121. – С.17 – 42.

³ Геблер Ф.В. Замечания о Катунских горах, составляющих высочайший хребет в Русском Алтае //Гортный журнал. 1836. Т. 2. Кн. 6. С. 408 – 439.; Путешествие по Алтайским горам и джунгарской Киргизской степи.; Принтц А. Каменщики, ясачные крестьяне Бухтарминской волости Томской губернии и поездка в их селения и в Бухтарминский край в 1863 г.//Записки ИРГО. – СПб., 1864.; Радлов, В.В. Из Сибири: Страницы дневника [Текст]. /В.В. Радлов / Пер. с немецкого К.Д. Цивиной, Б.Е. Чистовой; Примечание и послесловие С.И. Вайнштейна. – М., 1989. – 420 с.

ния по многим сюжетам региональной политики в Горном Алтае во второй половине XIX – начале XX вв. отложились в ведомственных изданиях Кабинета, Переселенческого управления и в статистических сборниках¹. Важные материалы по истории населения Горного Алтая содержит труд миссионера В.И. Вербицкого, посвятившего непосредственному изучению народонаселения горного региона алтайцев несколько десятков своей жизни, «Алтайские инородцы», который является сборником статей исследователя, и до сих пор служит историческим источником по изучению досоветской истории края².

В 1897 г. в Горном Алтае работала статистико-экономическая экспедиция под руководством видного сибирского исследователя-экономиста С.П. Швецова. Экспедиция исследовала состояние переселенческих поселков, заимок русского и оседлого алтайского населения, основательно изучила быт и хозяйство кочевников. Исследователи собрали уникальный статистический и экономический материал по разным сферам жизни алтайского, старожильского, казахского, переселенческого населения и их взаимодействия и влияния друг на друга, который лег в основу многотомного сочинения «Горный Алтай и его население». Этот труд ценен тем, что представляет собой первую солидную работу по экономике горного региона. Тогда же С.П. Швецовым был изучен опыт переселенческой политики правительства и императорского Кабинета по хозяйственной колонизации Алтайских гор³. Работы С.П. Швецова и его сотрудников внесли огромный вклад в исследование экономических процессов и хозяйственного освоения Горного Алтая в досоветское время. Ценные материалы о хозяйственно-практической деятельности населения Северного Алтая имеются в публикациях других дореволюционных исследователей Н.Б. Шерра и Н. Богатырева⁴.

О попытках горнопромышленного освоения Кабинетом и частным капиталом полезных ископаемых Горного Алтая в конце XIX – начале XX писали горные инженеры, геологи, экономисты. Они публиковались в журналах и других периодических изданиях таких, как «Горный журнал», «Труды Геологической части Кабинета». В работах такого рода содержатся сведения о разведке и поисках полезных ископаемых, в первую очередь золота, на территории Алтайских гор в конце XIX – XX вв., проводимой кабинетским ведомством⁵

¹ Краткий исторический очерк Алтайского округа 1747 – 1897 гг. – СПб., 1897. – 137 с.; Струков М.И. Краткий очерк Алтайского округа. СПб., 1896. – 76 с.; Щеглов, И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032 – 1882 гг. / И.В. Щеглов – Сургут, Акционерный Информационно-Издательский Концерн «Северный дом». 1993. – 463 с.; Обзор деятельности Кабинета Е.И.В. за 1906 – 1915 годы. [Текст]. – Пг. 1916. – 78 с.; Обзор деятельности Алтайского округа за пятилетие (1911 – 1915 гг.). [Текст]. – Барнаул, 1916. – 115 с.

² Вербицкий В.И. Алтайские инородцы: сборник этнографических статей и исследований Алтайского миссионера протоиерея В. И. Вербицкого / под ред. А. А. Ивановского. – М., 1893. – 270 с.

³ Горный Алтай и его население: в 3-х т. Т. 1. Вып. 1: Кочевники Бийского уезда / сост. С.П.Швецов – Барнаул: Статистический отдел Главного управления Алтайского округа, 1900. – 360 с

⁴ Богатырев, Н. Об ореховом и зверовом промыслах кумандинских инородцев Бийского уезда [Текст]: /Н. Богатырев // Алтайский сборник. Т. IX. – Барнаул, 1908. – 267 с.; Шерр, Н.Б. Из поездки к кумандинцам в 1898 г. [Текст]. /Н.Б. Шерр // Алтайский сборник. Т.V. – Барнаул, 1903.С. 81 – 114.

⁵ Кольванская шлифовальная фабрика на Алтае. Краткий исторический очерк. – Барнаул, 1902. – 70 с.; Труды Геологической части Кабинета. – СПб., 1894 – 1915.

Большим подспорьем стали опубликованные сборники архивных документов, извлеченных их архивов Барнаула, Томска. Так, в сборнике «Святогогорье» опубликованы документы, извлеченные из фондов Государственного архива Алтайского края, в которых содержатся ценные сведения об экономическом развитии горного региона с XVII по начало XX вв. Важный материал содержится в сборнике документов «От уезда к республике», изданного в 2001 г. Государственной архивной службой Республики Алтай. Настоящее издание является продолжением вышедшей в 2000 г. в г. Горно-Алтайске книги «Святогогорье»¹. Большое количество документальных материалов отложилось в совместном издании Государственной архивной службы Республики Алтай (Комитет по делам архивов Республики Алтай) и Государственного архива Томской области (ГАТО): «В составе Томской губернии», изданного в 2004 г. Документы этого сборника раскрывают картину экономического развития Горного Алтая в досоветское время².

Важными справочными изданиями по теме предпринятого исследования являются «Исследователи Алтайского края. XVIII – начало XX века», опубликованный в 2000 г. и «Краткая энциклопедия Республики Алтай», изданная в 2010 г., которая представляет собой сжатый свод базовых знаний о Республике Алтай, в том числе и по различным вопросам досоветской истории Горного Алтая³.

Таким образом, исторической наукой накоплен определенный материал по изучению проблем истории Горного Алтая досоветского времени. Но многие вопросы кабинетской политики до настоящего времени являются недостаточно изученными. Нуждаются в дальнейшей разработке вопросы, связанные с изучением местных особенностей русской колонизации Алтайских гор. До сих пор не выяснена статистика переселенческого движения в Горном Алтае в XIX – начале XX вв. Историография темы показывает, что история кабинетской политики нуждается в специальном изучении с привлечением широкого круга различных источников. Анализ исследовательской литературы и исторических источников позволяет заполнить отдельные пробелы в истории политики Кабинета в Горном Алтае в XVIII – XX вв.

¹ Святогогорье. История Республики Алтай в документах Центра хранения Архивного фонда Алтайского края. XVII – начало XX вв. – Горно-Алтайск, 2000. – 231 с.

² В составе Томской губернии. История Республики Алтай в документах издания Государственной архивной службы РА и Государственного архива Томской области XIX – начала XX вв. [Текст]: / сост. В.И. Марков, Г.Д. Мартынова, Л.Н. Шарабура. – Горно-Алтайск, 2004. – 528 с.

³ Исследователи Алтайского края. XVIII – начало XX века: биобиблиогр. слов. – Барнаул: изд-во Алтайский полиграфический комбинат, 2000. – 280 с.; Республика Алтай. Краткая энциклопедия. [Текст]. – Новосибирск: Изд-во «Арта», 2010. – 366 с.

Глава 1. Попытки экономического освоения Горного Алтая Кабинетом в XVII – XVIII вв.

Горный Алтай, расположенный в южной части Западной Сибири, в гидрографическом плане представляет бассейн Телецкого озера, р. Чуи, верхнего, среднего и частично нижнего течения рр. Катунь, Бий, Кумира, Чарыша. В географическом отношении – это горно-таежный район Алтая. Горный Алтай отличается от других районов Сибири своими природно-климатическими условиями. Это наиболее высокогорный регион Азиатской России, здесь расположены самые высокие горы Сибири – г. Белуха высотой 4506 м. над уровнем моря и вершины Катунского, Холзунского, Северо-Чуйского, Южно-Чуйского и других горных хребтов, которые пересекают территорию Горного Алтая. Значительная часть их вершин покрыта ледниками и снежниками. Сложный горный рельеф местности определил поясную зональность местных природных ландшафтов, представленных горно-таежной зоной, речными долинами, альпийскими, субальпийскими лугами, Чуйской, Курайской, Уймонской, Катандинской и другими высокогорными степями, зоной вечных снегов и льдов. В летнее время происходят разливы рек вследствие сильных дождей и таяния льда и снега в горах. В досоветское время Горный Алтай являлся южной частью Бийского округа Алтайского горного округа Томской губернии, в настоящее время представляет самостоятельный регион РФ – Республику Алтай.

1. Горный Алтай: его социально-экономическое положение в XVII – XVIII в.

Горный Алтай издавна был контактной зоной, в которой встречались разные народы Западной и Южной Сибири, Центральной и Средней Азии. В Новое время здесь стали завязываться политические, дипломатические, экономические контакты русского, южно-сибирских и центрально-азиатских народов, на фоне которых складывалась непростая история русско-алтайских отношений, начиная с первого официального контакта русских властей с телеутским князем Абаком в 1605 г. Россия проводила очень осторожную политику по вопросам присоединения народов юга Западной Сибири¹.

Отсутствие конкретных сведений о Сибири заставляло отечественных и зарубежных ученых верить самым баснословным свидетельствам, мифам, легендам и слухам об этом крае, принимая их на веру. Достаточно долго в отечественной и зарубежной картографии продержались ошибочные представления о существовании в верховьях Оби огромного озера («Китайского»), горной стране Лукомории и горного хребта между Уральскими и Алтайскими горами. Легенды и мифы о Лукомории, Лукоморских горах, Китайском озере, утвердившиеся в западноевропейской историографии исчезли только с приходом в Сибирь русского населения. По мере освоения русскими людьми сибирских пространств постепенно накапливались знания и об Алтае и его природных ре-

¹ Мукаева Л.Н. Из истории Горного Алтая. – С. 10.

сурсах, горах, реках и озерах. В исследовательской и картографической литературе утвердилось новое название озера: Телесское по наименованию народа телесов, проживавшего на его берегах, или Тележское, впоследствии превратившееся в Телецкое. Но представления о больших размерах Телецкого озера на долгое время закрепились в картографической и исследовательской литературе. Русские картографы на чертежах Сибири второй половины XVII в. и начала XVIII в. озеро в верховьях Оби изображали большим, в 2 – 3 раза меньше Байкала. Достаточно долго в отечественной и зарубежной картографии продержалась ошибка, связанная с существованием горного хребта между Уралом и Алтаем. В российских картах эта неточность, исчезла к концу XVIII в. Но иностранные картографы еще в первой половине XIX в. продолжали изображать несуществующий хребет¹.

В дальнейшем, знания о далеком алтайском крае пополнялись данными картографов, дипломатов, путешественников и других лиц. Отрывочные и фрагментарные сведения по Алтаю имеются в дневниках и путевых записках российских послов, проезжавших через Сибирь в Китай. Территория Алтая с реками Обью и Иртышом была изображена в чертежной книге Сибири, составленной тобольским картографом С.У. Ремезовым в 1701 г. Чертежи этих сибирских рек имеются и в других его картографических работах.

По мере продвижения русских людей по территории Сибири российское правительство все более интересуется вопросом о природных богатствах края и возможных способах их освоения. Насущные потребности русского государства в драгоценных, цветных и черных металлах заставляли сибирскую администрацию заниматься выяснением вопросов наличия полезных ископаемых, в первую очередь железных, медных и драгоценных руд, на новых территориях.

Первые русские люди появились на современной территории Горного Алтая в XVII в. Это были землепроходцы, зверопромышленники, казаки и другие служилые люди, проникавшие в самые глухие места Сибири. Уже в это время русские сибиряки были хорошо осведомлены о р. Бии и Телецком озере. Практическому освоению предгорных районов Алтая способствовало строительство в Западной Сибири городков, крепостей, казачьих линий. В 1604 г. был построен Томский городок, в 1618 г. – Кузнецкий острог. Томские и кузнецкие казаки в 1630 – 1640 гг. неоднократно доходили до берегов Телецкого озера. Со временем для них посещение Алтайских гор стало привычным занятием. В 1642 г. томские власти вознамерились построить укрепленную крепость на Телецком озере, что было поручено начальнику казачьего отряда боярскому сыну П. Собанскому. Казаки П. Собанского воздвигли временные укрепления, в которых провели зиму, но строить постоянную крепость на скалистых, изрезанных берегах озера они не решились. Это была первая серьезная попытка сибирской администрации укрепиться в Алтайских горах.

¹ Розен М.Ф. Очерки об исследованиях Алтая (XVII - начало XX века). – 191 с. Он же. Библиография Алтая: географические, геологические и прочие исследования досоветского периода. – 165 с.;

Не обходили вниманием Горный Алтай и сибирские рудоискатели. В краеведческой литературе есть сведения, что в 1673 г. русские рудознаты побывали на берегах Телецкого озера и доставили в Москву образцы серебряной руды. По мнению многих авторов, эти сообщения исходили от казаков. Посылаемые своим начальством на разведку мест под строительство острогов и крепостей, казаки и служилые люди в глухих местах алтайской тайги невольно и случайно наталкивались на выходы руд на поверхность земли. Сведения о своих находках они доставляли местным сибирским воеводам, а те информировали правительство о рудных залежах, затерянных в сибирских горах, предгорьях и урочищах¹.

В работе дореволюционного историка Л. Г. Малеева «Алтайский горный округ», основанной на архивных данных Уральского и Алтайского горных управлений, приведена переписка томского, кузнецкого и тобольского воевод от 1673 г. Как видно из анализа использованных автором данных, поводом к переписке послужила письменная просьба тобольского воеводы боярина П. Салтыкова и его помощников кузнецкому воеводе Г. Волкову о содействии в организации рудо-искательной экспедиции на Телецкое озеро, возле которого имеются серебряные руды, слюда, хрусталь и другие минералы. По предположению Л.Г. Малеева, П.Салтыков получил информацию об алтайских «чудских капищах» с серебряными рудами. В частности, от кузнецких казаков Андрея Федорова и Михаила Попова стало известно, что они доставили с берегов Телецкого озера куски рудной породы с примесью серебра. Для проверки слухов Салтыков и организовал поисковую экспедицию в алтайские горы. Тобольцы просили обеспечить их людей снаряжением, подводами и опытными проводниками-рудознателями.

Не зная как поступить в данном случае, Г. Волков обратился с официальным запросом от 11 октября 1673 г. к томскому воеводе князю Д. Барятинскому, которому непосредственно подчинялся. Последний в ответном письме от 10 ноября в категорической форме запретил оказывать какую-либо помощь посланцам из Тобольска, мотивируя свой отказ тем, что «Кузнецк Тобольску не ведом ... ведом Томску ... ежели бы какой государев указ был серебряные руды и ревеню, и хрусталу, и слюды взять, то Салтыкову довелось бы в Томск отписать, а он не отписал ... без указу великих государей и без отписки его (то есть Д. Барятинского) присланным из Тобольска никаких пособий и людей не давать».¹¹ Последнее и было исполнено Г. Волковым. В свою очередь, Д. Барятинский приказал кузнецкому воеводе, что ежели ... где есть серебряная руда, ... слюда и хрусталь, то послать в те места, добыть руды для опыта и прислать их» в Томск. Неизвестно, предпринял ли Г. Волков поиски руды и минералов в Алтайских горах. Л.Г. Малееву не удалось обнаружить в архивах источников, подтверждающих данный факт. Но одно несомненно, что тобольская поисковая экспедиция к берегам Телецкого озера из-за противодействия Барятинского так и не состоялась².

¹ Мукаева Л.Н. Горно-поисковое дело Кабинета на Алтае в досоветское время. – С. 46.

² Малеев Л.Г. Алтайский горный округ. – С. 8.; Мукаева Л.Н. Горно-поисковое дело Кабинета на Алтае в досоветское время. – С. 46 – 47.

Таким образом, круг знаний о Горном Алтае постоянно расширялся. От казаков, рудоискателей, зверопромышленников становилось известно о природе, климатических условиях горного края, местах пригодных для земледелия, рудных месторождениях и населении. Заселение и хозяйственное освоение русскими людьми Степного и Предгорного Алтая в XVII – первой половине XVIII вв. проходило последовательно и постепенно. Русское государство в этом регионе создавало опорные пункты в виде крепостей и острогов, городков, строило укрепленные линии. Северные алтайцы: кумандинцы, тубалары, челканцы стали подданными Русского государства уже в конце XVII в. Южные алтайцы в это время находились под непосредственной властью Джунгарского ханства, оставаясь подданными Джунгарии вплоть до 1756 г.

К этому времени относится появление первых отечественных картографических сведений об Алтайских горах. На картах сибирских картографов С.У. Ремезова и И. Унковского были обозначены реки Бия, Катунь, Телецкое озеро и другие места горного региона. Географический и исторический материалы об Алтайских горах вошли в сочинение русского историка XVIII в. В.Н. Татищева «Общее географическое описание всей Сибири», изданное в 1736 г. В.Н. Татищев считал Телецкое озеро третьим по величине из всех известных сибирских озер. В 1734 г. на Алтае побывала академическая экспедиция, в состав которой входили известные ученые Г.Ф. Миллер, И.Г. Гмелин. Особенно интересны сведения, собранные Г.Ф. Миллером. Он собрал письменные исторические источники по истории освоения Сибири русским населением, включения сибирских тюрок в состав России, о взаимоотношениях русского и инородческого населения. Значение экспедиции 1734 г. заключается в том, что она положила начало академическому изучению Алтая, в том числе и Горного Алтая.

Промышленное освоение уральским горнозаводчиком А.Н. Демидовым юго-западной части Алтая в 1720-х гг. расширило возможности для практического освоения предгорий и последующего русского проникновения в Алтайские горы¹. А.Н. Демидов, получив от правительства ряд льгот по разведке и добыче алтайской меди, заложил несколько рудников и стал строить медеплавильные заводы. Первый основанный на Алтае металлургический завод именовался Колывано-Воскресенским в честь открытия месторождения медных руд возле озера Колывань в воскресный день. Впоследствии это название распространилось на новые демидовские заводы: Барнаульский и Шульбинский, но последний так и остался недостроенным, и на сам округ. Алтай до 1834 г. именовался Колывано-Воскресенским округом. Для охраны горных заводов и рудников была создана линия военных укреплений, соединившая Иртыш и Обь. Укрепления от Омска до Иртыша назывались Иртышской линией. Несколько ранее в нижнем течении Бии была основана Бийская крепость (1709 г.).

¹ Мукаева Л.Н. Заселение и хозяйственное освоение русским населением Горного Алтая в досоветское время. – С. 19.

Официально за А. Демидовым числились алтайские медные рудники, расположенные в западной части Алтая. Но поскольку алтайские руды были полиметаллическими и содержали помимо меди серебро, о наличии которого в своих владениях промышленнику стало известно в 1740-х гг. В это же время на Алтае было обнаружено золото. Поскольку частный промысел драгоценных металлов был запрещен петровским указом 10 декабря 1719 г., то рано или поздно А.Н. Демидов должен был расстаться со своими алтайскими предприятиями, ставшими для него, по словам барнаульского исследователя А.М. Родионова любимым детищем. В 1744 г. А.Н. Демидов подал прошение императрице Елизавете Петровне. В нем он сообщил, что в его владениях на Алтае рудоискатели нашли серебро. Заводчик сопроводил свое прошение подарком в виде слитка из чистого серебра, выплавленного на Колыванском заводе¹.

Непосредственным следствием демидовского прошения явилось издание императорского именного указа от 17 марта 1744 г. на имя бригадира А.В. Беэра, назначенного председателем комиссии по проверке демидовского заявления. Летом 1744 г. на Алтай прибыла правительственная комиссия под руководством бригадира А.В. Беэра с самыми широкими полномочиями по поиску различных руд, золота, минералов, цветных камней и других полезных ископаемых. В Предгорном Алтае комиссия А.В. Беэра обнаружила огромные запасы серебра, меди, золота и других полезных ископаемых. В 1745 г. А. В. Беэр организовал две широкомасштабные поисковые экспедиции в Алтайских горах, одну из которых он отправил в Горный Алтай: к берегам Телецкого озера и на р. Башкаус. Возглавил горно-алтайскую экспедицию известный алтайский рудознатец, житель Усть-Чарышской деревни старообрядец П.И. Шелегин. По заданию А.В. Беэра он набрал из различных алтайских селений 96 человек, желающих «поискать руды» в Алтайских горах. Это были рудоискатели из Томска, Кузнецка, Белоярской, Бикатунской крепостей, Сосновского, Чаусского, Бердского острогов, Малышевой слободы. Проводниками были местные жители Тауш и Кузьма Чемонов, которые знали, где располагаются медные руды на Чулышмане, южном истоке Телецкого озера. Шелегинская экспедиция вышла в горы 5 мая 1745 г. из Бикатунской крепости. Во время путешествия П.И. Шелегин вел «Путевой журнал рудоискателя Шелегина об исследовании территории от дер. Иконниковой до Телецкого озера», в настоящее время хранящийся в архиве Алтайского края. Из анализа путевого журнала видно, что на всем протяжении пути «угодных мест, лесов, боров, сосняков, березняков, скотных выпусков, сенных покосов и к хлебопашеству было довольно число, а жилищ никаких не имеется». При устье р. Иши, отмечал он, можно построить крепость. Весь бассейн нижней Бии, по мнению рудоискателя, был пригодным для заселения². По пути следования рудоискатели встречали жителей гор, некоторые из них помогали экспедиции продвигаться по незнакомой местности. Экспедиция поднялась в верховья Малой Иши, оттуда перешла в бассейн Бии. Переправившись через крупный Уймень и перейдя в брод Каракочшу, рудоискатели вышли

¹ Сергеев А.Д. Тайны алтайских крепостей. - Барнаул, 1975. - С.10.

на берег Бии. Путь по высоким скалистым берегам реки, заросших тайгой, оказался крайне сложным. Транспортные средства, в основном – это, телеги, взятые в Бикатунской крепости, пришлось оставить в тайге, после чего пробирались только на лошадях. 20 мая 1745 г. поисковики прибыли к истокам р. Бии. Здесь экспедиция разделилась на две партии. Одна из них двинулась западным берегом озера, другая продолжала путь на лодках по воде. Обеим партиям пришлось нелегко. На озере рудоискатели попали в сильный шторм. В итоге, потеряли шесть лодок, а вместе с ними провиант и снаряжение. Не менее трудным был путь горами, где погибло 15 лошадей. Но, несмотря на все трудности, экспедиция 30 мая 1745 г. достигла Чулышманской долины, затем прошла до верхнего течения Башкауса и, встретив здесь вооруженных джунгар, вернулась к Телецкому озеру¹. До истоков Бии рудоискатели возвращались водным путем вдоль восточного берега озера. У истоков Бии экспедиция вновь разделилась на две партии. Одна из них вернулась в Бикатунскую крепость конным ходом по правому берегу Бии, другая под руководством П.И. Шелегина спустилась по реке на лодках.

Образцы обнаруженных П.И. Шелегиным пород были исследованы. Их анализ показал очень низкое содержание черных металлов. Но, несмотря на то, что результаты поисковых работ в 1745 г. на территории Горного Алтая оказались неудачными, значение этой экспедиции было велико. Шелегинские рудоискатели собрали ценные сведения о геологических и географических особенностях этого горного края, обнаружили много сенокосных и земельных угодий, пригодных для хозяйственного освоения. Находившийся в составе экспедиции картограф П. Старцов составил первую карту Горного Алтая.

Тогда же впервые А.В. Беэром были произведены изыскания минералов и цветных поделочных камней, о которых сообщали крестьяне, зверопромышленники, мастеровые и служилые люди. Особенно А. Беэра заинтересовал один камень, который солдатом Заливиным, знавшим о нем понаслышке от томского жителя Ивана Степного, был описан следующим образом. «В Камне (в горах), в Караколе есть такие вещи, чем стекла режут, да и там камень таков, что как против его человек станет на коне, то оный в камне видится весь». Сам Степной в это время содержался в томском остроге. На все просьбы Беэра отпустить его проводником поисковой партии томский воевода Б. Шаховский отвечал отказом. Заинтересованный А.В. Беэр все же отправил рудоискателей в Алтайские горы на поиски такого диковинного камня. Но без знающих проводников посланная поисковая партия указанный камень не обнаружила².

На основании полученных комиссией А. Беэра данных о наличии огромных запасов серебра меди и других полезных ископаемых на территории Алтая императрица Елизавета Петровна указом от 12 мая 1747 г. распорядилась передать богатый рудный район с заводами, рудниками и со всеми землями под

¹ Камбалов Н.А. Исследователи Алтая (XVIII – первая половина XIX века). – С. 9.

² Кольванская шлифовальная фабрика. Краткий исторический очерк. – С. 6.; Мукаева Л.Н. Горно-поисковое дело Кабинета на Алтае в досоветское время. – С. 95 – 96.

управление Кабинета Ее Императорского Величества, который стал осуществлять общее руководство всем Алтаем. Так было положено начало формированию огромного кабинетского хозяйства, включавшего огромную территорию получившей название Колывано-Воскресенского (с 1834 г. – Алтайского) горного округа.

В Высочайшем именном указе на имя бригадира А.В. Безра говорилось, что ехать ему «на земли Иртыш и Оби реки, ранее принадлежавшие статскому советнику А. Демидову и приписать на имя Ее Императорского Величества»¹.

Для управления на месте горными предприятиями и населением была учреждена канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства. Местом ее пребывания был определен в 1749 г. г. Барнаул. Общее руководство алтайскими заведениями и землями стал осуществлять Кабинет Ее императорского величества, превратившийся в главное учреждение по управлению кабинетским хозяйством. Впоследствии, уже в XIX в. Кабинет вошел составной частью в Министерство императорского двора. Колывано-Воскресенская администрация во главе с начальником заводов наряду с чисто хозяйственными выполняла административные, военные, судебные функции. Так, в процессе упрочения позиций Русского государства в первой половине XVIII в. на Алтае были созданы условия для его заселения и хозяйственного освоения. Это предопределило дальнейшую судьбу Алтая в целом, включая и его горную часть.

В Горном Алтае, являвшемся объектом территориальных притязаний Джунгарии и Китая, Российское государство проводило очень осторожную политику. В середине XVIII в. в южно-сибирском пограничье сложилась крайне обостренная геополитическая ситуация, связанная с противостоянием цинского Китая и кочевого Джунгарского ханства. Между двумя империями разразилась кровопролитная война на уничтожение, закончившаяся победой Китая. Полностью разгромленное Джунгарское государство исчезло с карты Центральной Азии. Преследуя остатки джунгар, цинские войска оказались на территории Горного Алтая, где они взялись за методичное уничтожение местного населения. Алтайские племена оказали китайцам сопротивление, но силы были неравны. Спасаясь от истребления, алтайцы с боями прорывались к русским крепостям. Летом и осенью 1756 г. часть алтайцев во главе со своими зайсанами оказалась на Колывано-Кузнецкой военно-пограничной линии, состоявшей из крепостей и других укреплений¹. Китайско-джунгарская война стала самым драматическим явлением в истории Горного Алтая. Десятки тысяч людей погибли, оставшиеся в живых были уведены в плен, целые области обезлюдели, материальные ресурсы были разрушены. Сумев возвыситься над трагедией времени и дальновидно предвидеть историческую перспективу, зайсаны алтайских родов в 1756 г. приняли судьбоносное решение о вхождении Горного Алтая в состав России².

¹ Моисеев, В.А. Цинская империя и народы Саяно-Алтая в XVIII в. [Текст]/ В.А. Моисеев. – М.: Наука, 1983. – 150 с.

² Мукаева Л.Н. Из истории Горного Алтая. – С. 10.

Присоединение Алтая к России не было единовременным актом, хотя основные события приходятся на 1756 г. Документом, на основании которого большинство алтайцев было принято в российское подданство, является Указ Коллегии иностранных дел от 2 мая 1756 г. С вхождением населения Горного Алтая в 1756 г. в состав России, южные границы Колывано-Воскресенского (Алтайского с 1834 г.) округа отодвинулись до границ с Китаем. Горный Алтай стал составной частью кабинетского округа на Алтае. После того, как Российское государство взяло алтайские земли под свою защиту, алтайцы стали возвращаться в родные места.

Население Горного Алтая, сильно сократившееся в результате кровопролитной китайско-джунгарской войны, было определено в статус ясачного населения с рядом социальных и экономических льгот. На алтайцев не распространялась дорожная, рекрутская, заводская повинности. Их не приписывали как крестьян округа к горным предприятиям для отбывания заводских повинностей, не заставляли заниматься извозом. Вместо подушной подати они вносили ясак в особую ясачную комиссию Кабинета, в которую поступал ясак с нерусского населения Сибири. В общей сумме кабинетских доходов ясачные платежи были невелики и составляли по подсчетам сибирского исследователя Л.М. Дамешека менее 1%¹. Основной доход Кабинету приносило горное дело, главной отраслью которого являлось сереброплавильное производство. Налоговая политика Кабинета и правительства в Горном Алтае была максимально щадящей, ясачные платежи были необременительными, о чем говорят факты того, что сами зайсаны предлагали увеличить объем выплат в государственную казну.

Став подданным Российской империи, население Алтая оградило себя от посягательств извне, а главное, оно избежало физического уничтожения со стороны Китая. Под надежной защитой России у него появились условия для дальнейшего своего социально-экономического развития на качественно новой основе. Но население современных Улаганского и Кош-Агачского районов осталось на положении двоеданцев до 1864 г.

2. Научно-практическое изучение и попытки горнопромышленного освоения Кабинетом Горного Алтая во второй половине XVIII в.

Так императорский Кабинет стал управляющим горных предприятий, недр, лесов земли, находившихся в собственности правящего монарха на всей территории Алтайского округа. Только Кабинету принадлежало право производить разведку, добывать полезные ископаемые, строить заводы и закладывать рудники.

В исторической литературе никогда не было единого мнения о досоветской правительственной политике в национальных регионах Сибири, таких как

¹ Дамешек Л.М. О социально-экономической сущности ясака //Экономическая политика царизма в Сибири в XIX – начале XX в. Иркутск, 1984. – С. 100.

Горный Алтай. Так, дореволюционные исследователи-областники оценивали правительственный политический курс в Горном Алтае только с негативных позиций, выделяя при этом всякого рода нарушения местных властей, русское переселенческое движение на алтайские земли, деятельность Алтайской духовной миссии по христианизации языческого населения. Горный Алтай они считали колонией. В советской и современной историографии после ряда дискуссий закрепилось положение, что регионы подобные Горному Алтаю не были колониями России, как и последняя не была для них метрополией. Об этом писал крупный специалист по истории Горного Алтая Л. П. Потапов, подобной точки зрения придерживается исследователь Н. С. Модоров¹. В настоящее время в исторической литературе широко распространен взгляд на Сибирь как на окраину и колонию, но только в экономическом смысле, что предполагает изучение экономики края как неразрывной части всего хозяйственного организма страны и исследование во взаимосвязи и взаимодействии процессов экономического развития. Эти положения, по мнению исследовательницы Н.Ф.Иванцовой, могут служить исходной базой для понимания сущности правительственной политики в Горном Алтае²

Современные исследователи больше обращают внимание на патерналистский, охранительный характер политики правительства и Кабинета по отношению к коренному населению юга Западной Сибири, заложенный еще манифестами императрицы Екатерины II. Особенностью правительственной политики было ее достаточно щадящее воздействие на аборигенное население. Решающую роль при этом сыграла стратегия российской государственной власти в «национальном» вопросе, направленная не на растворение малых народов Алтая в русском этносе, а тем более, уничтожение, а, наоборот, на сохранение привычного им образа жизни, хозяйства и социального устройства. Принципиальная позиция Российского государства в отношении нерусского населения Алтая строилась на том, чтобы свести к минимуму разрушающее воздействие российской цивилизации на традиционный образ жизни коренных народов, систему хозяйствования и землепользования. Этим же принципам впоследствии придерживалась и Алтайская духовная миссия³. Не опасаясь многообразия форм социально-экономической жизни, российское правительство не хотело унифицировать хозяйство и быт коренных жителей, удовлетворяясь политической и финансовой лояльностью местного населения. Разумеется, идеализировать эту политику не стоит, но не нужно и забывать, что правительство относилось к «иногородцам» в любом случае не хуже, чем к русскому населению, о чем убедительно свидетельствует вся дореволюционная история Российской империи⁴.

¹ Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. М.-Л., 1953. 442 с.; Модоров, Н.С. Россия и Горный Алтай: Политические, социально-экономические и культурные отношения (XVII – XIX вв.). [Текст]/Н.С. Модоров. – Горно-Алтайск, 1996. – 400 с.

² Иванцова Н.Ф. Западносибирское крестьянство в 1917– первой половине 1918 гг. – С. 35 – 36.

³ Мукаева Л.Н. Правительственная политика освоения Горного Алтая во второй половине XVIII в.//История Горного Алтая учебное пособие. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2014. – С. 35.

⁴ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) В 2 т. Т. 1. 2-е изд. – СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин». Т. 1. 2000. – С. 30 – 36.

Основываясь на положениях петербургского историка Б.Н. Миронова можно прийти к следующим выводам. Региональная политика российского государства в своем южно-сибирском пограничье была основана на следующих принципах. Первым основным принципом правительственной политики в Горном Алтае, как и в других национальных районах страны, являлось сохранение существовавшего до присоединения к России административного строя, норм обычного права, религиозных верований, языка и в целом культуры. Проходило много десятилетий, прежде чем на присоединенной территории вводились общероссийские порядки. Но в Горном Алтае вплоть до 1917 г. не произошло полной административной, правовой и общественной унификации. Другим важным принципом региональной политики в Горном Алтае являлось широкое сотрудничество гражданских и горных властей с местной элитой. Третий основной принцип заключался в создании определенных социальных, правовых и налоговых преимуществ ясачных людей по сравнению с русскими, что придавало территории горного края заповедный характер в течение почти всего досоветского времени¹.

Итак, досоветская российская правительственная политика способствовала добрососедским отношениям между русским и нерусским населением Алтая. Кабинет практически не вмешивался во внутренние дела алтайских родов.

Одной из важнейших задач правительственной политики на юге Западной Сибири являлось административное устройство горного региона. Первоначально земли алтайских кочевников были включены в состав Кузнецкого уезда. В 1799 г. коменданту Бийской крепости было предписано разбирать все дела южных алтайцев согласно их нормам обычного права. Включив алтайцев в состав России, правительство не вмешивалось в систему внутреннего управления. Здесь по-прежнему существовал порядок, предшествующий времени до перехода в российское подданство².

В заселении и хозяйственном освоении Горного Алтая русским населением можно выделить две формы: Кабинетскую (отчасти и правительственную) и народную. Кабинетская политика хозяйственного освоения осуществлялась через разведку полезных ископаемых и научное изучение края и попыток горно-промышленного освоения края. Правительственное освоение предусматривало общее изучение естественных ресурсов и попытки создания линий казачьих укреплений. Для защиты горных заводов и рудников по императорскому указу 1747 г. предусматривалось создание целой системы укреплений по Убе, Шульбе, Аную, Катуню и другим рекам. Бийская казачья линия представляла сложную разветвленную сеть укреплений, состоявшей из крепостей, форпостов, маяков, полумаяков, построенных в Предгорном Алтае. Казачьи укрепления, как правило, впоследствии разрастались и дополнялись обычными крестьянскими селениями³.

¹ Там же.

² Мукаева Л. Н. Из истории Горного Алтая – С. 11.

³ Мукаева Л.Н. Заселение и хозяйственное освоение русским населением Горного Алтая в досоветское время – С. 22.

С вхождением Горного Алтая в состав кабинетского хозяйства горные власти проявили интерес к данной территории. К этому времени в Колывано-Воскресенском округе была создана развитая горнорудная промышленность с хорошо налаженным производством по добыче и обработке различных металлов. В связи с этим на близлежащих землях постоянно велись изыскательские работы по разведке серебряных, медных, железных руд, золота, минералов, цветных камней. Эти сведения, собранные различными экспедициями и поисковыми партиями, геологами, рудоискателями-одиночками поступали в главное управление Колывано-Воскресенских заводов, где подвергались тщательной обработке и анализу. Имея такой мозговой центр, Кабинет и окружное начальство стремилось изучить геологию Колывано-Воскресенского округа. Кабинет попытался приступить к горнопромышленному освоению Алтайских гор, в которых, как считали кабинетские геологи, таились рудные богатства. Алтайские горы стали объектом пристального внимания со стороны высших чинов Кабинета. Горный Алтай стали посещать исследовательские экспедиции во главе с опытными геологами и рудоискателями. Они стали первыми исследователями водного мира, флоры и фауны Горного Алтая. Наряду с этим геологи-исследователи подробно описывали хозяйственные занятия, быт и культуру алтайских племен, историю заселения и хозяйственное освоение русским населением Алтайских предгорий и гор¹.

Российское правительство тоже проявляло особый интерес к освоению горно-алтайской территории, обусловленный геополитическими и чисто хозяйственными причинами. Региональная геополитическая позиция России в этом регионе определялась соображениями государственной безопасности. Первоочередной задачей правительственной политики на Алтае стало укрепление российских границ. Так, 1 марта 1760 г. сибирский губернатор Ф.И. Соймонов совместно с командующими войсками в Сибири генералами Фрауендорфом и Г. Веймарном представил в Петербург проект «О занятии в предупреждение китайцев и в закрытие Колывано-Воскресенских заводов с нынешними и впредь чаямыми рудниками, также и двоеданцев, которые по большей части кочевье свое имеют по рекам Ануе, Катуне, да и по прочим в Телецкое озеро впадающим, лежащих недалеко от Усть-Каменогорской крепости по реке Бахтурме удобных к поселению и хлебопашеству мест, и о построении на оных крепостей линиєю начиная от Усть-Каменогорской крепости до реки Бахтурмы, а от оной и до Телецкого озера и о заведении там разных поселений»². Данный проект был одобрен Коллегией иностранных дел и Сенатом. Так как угроза захвата Алтайских гор Китаем в глазах Российского государства представлялась вполне реальной, то в качестве превентивной меры в сентябре 1760 г. был издан правительственный указ о заселении местности от Усть-Каменогорской крепости до Телецкого озера. Для защиты Горного Алтая от цинских вторжений предполагалось строительство единой линии укреплений, которая связала

¹ Мукаева Л.Н. Горно-поисковое дело – С. 126 – 127.

² Щеглов И.В. Указ. соч. – С. 168.; Моисеев В.А. Указ. соч.;

бы р. Бухтарму с Телецким озером и расселение на этой территории 2000 человек, добровольцев из Тобольской, Устюжской, Вятской, Архангельской местностей¹. Создание новой линии крепостей и устройство поселений возлагалось на сибирского губернатора Ф.И. Соймонова. Последний до издания указа летом того же года отправил в Алтайские горы две экспедиции для изыскания мест, пригодных под поселение и строительство крепостей: одну под управлением майора Г. Шанского в Рудный Алтай, другую под руководством майора К. Эйдена и инженер-капитана Плутова в Горный Алтай. Г. Шанскому поручалось исследование верховий Бухтармы. Задачи второго отряда были более сложными². Отряд К. Эйдена должен был изучить западный берег Телецкого озера, долину р. Башкаус вплоть до истоков, Чуйскую степь, а затем перейти через южные горные хребты, и встретиться с отрядом Г. Шанского в верховьях Бухтармы. Но выполнить задание смог только Г. Шанский. Он полностью исследовал свой участок, прошел до истоков Бухтармы и по ее притокам реки Черновой, где наметил пункты под строительство крепостей. Экспедиция К. Эйдена оказалась неудачной, его отряд не смог без опытных проводников пройти крайне сложный маршрут в условиях высокогорной страны. В итоге, экспедиция 1760 г. не смогла дать канцелярии сибирской администрации и Колывано-Воскресенскому начальству точных данных о возможностях строительства линии укреплений между Бухтармой и Телецким озером, и, следовательно, заселения и хозяйственного освоения данной территории. Не получилось переселить в горную местность 2000 крестьян. Добровольцев для заселения Алтайских гор не нашлось, а приписанных к кабинетским предприятиям крестьян Колывано-Воскресенское руководство не желало отпускать от заводов. Единственное, что было сделано, – это была построена Бухтарминская крепость, но уже на территории Рудного Алтая. В итоге, первый правительственный проект организованного заселения северной части Горного Алтая остался неосуществленным. В дальнейшем, фактор присутствия императорского Кабинета в горном регионе во второй половине XVIII в. ограничился его геологическим и научным изучением. Алтайские горы в 1761, 1786, 1796 гг. посетили разведывательные экспедиции во главе с опытными геологами и рудоискателями.

Поскольку по предположениям специалистов и чиновников в горах таились рудные богатства, то по этой причине Алтайские горы стали объектом пристального внимания со стороны высших чинов Кабинета. Императорский указ от 12 января 1761 г. обязал Колывано-Воскресенскую горную канцелярию для большего распространения горного промысла «сделать поиски в Алтайских горах ... учинить в те Алтайские горы для разведки богатых металлов, изыскать для этого надежных переводчиков, взять знающих, знакомых с рудами людей, обнадеежив их вознаграждением»³.

¹ Щеглов И.В., Указ. соч. – С. 167. . Сергеев А.Д. Тайны алтайских крепостей. – С. 33.

² Камбалов Н.А. Указ. соч. – С. 67.; Боронин О.В. Указ. соч. – 164.; Моисеев В.А. Указ. соч. – С. 105-106.

³ 1-е ПЗСРИ. Т.15. №11185.

Во исполнение указа Колывано-Воскресенская администрация весной 1761 г. снарядила в Рудный и Горный Алтай большую экспедицию с охраной в 500 человек. Экспедиции предстояло выполнить большую программу: отыскать полезные ископаемые: медь, серебро, золото, минералы, наметить удобные места для строительства новых горных заводов и крепостей, провести геогностические (геологические) и исследования и картографические съемки местности. Изучению подлежала огромная территория от р. Бухтармы до восточной части Горного Алтая – Телецкого озера. Для удобства экспедицию разделили на три партии. Первая под управлением генерал-майора Н. Петрулина и горного офицера И. Денисова исследовала Рудный Алтай, поисковые работы второй и третьей партии происходили в Горном Алтае. Первой партии не повезло с погодой. Из-за неблагоприятных природно-климатических условий изыскатели не смогли подняться в высокогорные районы, их поисковая деятельность сосредоточилась на поиске руд и геологической съемке местности по Бухтарме и ее притокам, а также по р. Черневой, долго считавшейся истоком Бухтармы.

Вторая партия во главе с майором С. Поливановым и рудознатцем Д. Головиным провела изыскания в западной части Горного Алтая – в бассейнах Чарыша, Кана, Ябогана, Коксу и их притоков. С. Поливанов и Д. Головин исследовали высокогорные степи, плоскогорья, и другие места западной части горного края. Состав второй партии был укомплектован опытными геологическими кадрами. Один из руководителей второй партии Д. Головин был опытным рудоискателем еще с демидовского периода. Известным знатоком алтайских руд был И. Чупоршнев, открывший к этому времени несколько богатых месторождений полуметаллов. Обследовав горные степи и окружающие их горные хребты, бассейны Кана, Ябогана, партия Д. Головина исследовала оба берега полноводной Коксу. Осмотрев эти места и совершив глазомерные съемки, 10 июля 1761 г. Д. Головин повернул назад. В поисках полезных ископаемых Д. Головин совершил ряд небольших маршрутов в стороны от основного пути следования.

Третья партия под командованием майора К. Эйдена и рудоискателя П. Попова прошла маршрут от Катунской крепости до устья р. Черги. В устье Черги, левого притока Семы экспедиция Эйдена и Попова встретила с поселениями алтайцев, занимавшихся земледелием. На плодородных почвах этой местности местные алтайцы выращивали ячмень.

В этом районе, богатым лесом и плодородной землей К. Эйден наметил место под строительство горной крепости. Изыскатели даже построили временные укрепления, в которых осталась большая часть поискового отряда, лишний провиант и телеги. Остальные самые опытные участники экспедиции пошли вглубь гор. Партия К. Эйдена и П. Попова исследовала большую территорию от р. Семы до Холзунского хребта и Бухтармы. Маршрут партии пролегал по следующим местам Семинский перевал, истоки Песчаной, Теньгинское озеро, Теньгинская степь, Терехтинский хребет, верховья Большого Сугаша, система р. Коксу, Холзунский хребет, Тургусун, приток Бухтармы. Отсюда партия повернула в обратный путь. Несмотря на предпринятые масштабные исследования, поисковикам удалось обнаружить только рудопроявления.

Хотя результаты горно-поисковых работ оказались мало обещающим, значение экспедиций 1760 – 1761 гг. было исключительно велико. Кабинетским геологам удалось собрать большой геологический, географический материал. На основе новых данных была уточнена гидрография и картография края. Картограф П. Попов и другие опытные геодезисты составили карты маршрутов горно-алтайских экспедиций. Рудоискатели отыскивали много мест, богатых земельными, сенокосными, лесными угодьями, пригодными для хозяйственного освоения. В ходе исследования были намечены пункты под строительство крепостей на берегу р. Черги и металлургических заводов на берегу Чарыша. Так, К. Эйден нашел удобное место на берегу р. Черги под строительство военной крепости, впоследствии, уже в начале XIX в., здесь возникла деревня «заводских» крестьян. Рудоискатель Д. Головин предлагал построить горные заводы на левом берегу Чарыша. Подробное обоснование своих предложений Д. Головин и К. Эйден изложили в рапорте Колывано-Воскресенскому начальству. Но так как эти места были далеки от заводских центров Алтая, то все предложения Д. Головина и К. Эйдена по хозяйственному освоению Горного Алтая остались на бумаге.

Из всех горно-алтайских экспедиций наиболее удачной оказалась экспедиция П.И. Шангина, предпринятая в 1786 г. по рекам Центрального и Южного Алтая¹. Он в 1786 г. по специальному заданию Кабинета возглавил поисковую экспедицию по рекам Северного, Центрального Алтая, и Южного Алтая: Чарышу, Коргону и их притокам. Исследователь прошел по Сугашу, Коксу, затем от устья последней спустился по Катуню до впадения Аргута, исследовал Бухтарму вниз от устья Хаир-Кумина до рчк. Селезневки. В состав экспедиции П.И. Шангина входили опытные рудоискатели, имевшие большой стаж горно-поисковых работ, такие как его брат, чертежник Н.И. Шангин, В.С. Ваганов и другие. За несколько месяцев, проведенных в горах, изыскатели открыли много различных пород цветного камня: яшм, порфиоров, брекчии.

Всего экспедицией П.И. Шангиным было открыто 145 проявлений подделочного камня: порфиоров, яшм, брекчий и других пород цветных камней. Из них наиболее ценными оказались 24 яшмовых и порфиоровых месторождений, обнаруженные им в ущельях Коргона и его притоков. Яшмовые и порфиоровые месторождения Коргона стали сырьевой базой для закладки камнерезного дела Кабинета. Возникший при Коргонской каменоломне одноименный поселок, основание которого датируется примерно 1786 или 1787 г., стал первым русским населенным пунктом Горного Алтая².

Кроме этого, к числу открытий П.И. Шангина принадлежат: большая гора из кораллового мрамора по Коргону, порфиоровый кряж фиолетового цвета длиной в 7 км. по р. Сугаш и огромные горы цветного мрамора по правой стороне Катуню, неподалеку от устья р. Аргута. Помимо этого, партия П.И. Шангина обнаружила запасы больших прозрачных кристаллов горного хрусталя вы-

¹ Шангин П.И. Указ. соч.

² Богданов В.Н. Указ. соч. – С. 104.

сокого качества на правом берегу Талицы и целую гору белой полупрозрачной яшмы на Хаир-Кумине. Что касается последней находки, то хаир-куминская яшма представляла собой очень редкую породу. Ее основная масса была белого цвета с вкраплениями красноватых зерен кварца. На территории Горного Алтая в верховьях Ануя и Песчаной удачливый геолог открыл довольно значительное месторождение крупных аквамарин в розовом и белом кварцах.

П.И. Шангин и его команда произвели тщательные картографические съемки рек и тех мест, где им удалось побывать. Они нанесли на карту округа весь маршрут путешествия, включающий бассейн р. Чарыша, Катуня до устья Аргута, нижнюю часть Бухтармы до Иртыша с обозначением руд, минералов и других полезных ископаемых. На карте П.И. Шангина указаны кабинетские рудники, военные укрепления, многие реки и речки с названиями. Он первым дал описание и нанес на карту от устья до истоков левые притоки р. Чарыша Сентелек и Коргон. По утверждению М.Ф. Розена, это была первая геологическая карта, относительно правильно изображавшая верхнее течение р. Катуня. Ему удалось установить, что карта П.И. Шангина, в окончательном варианте составленная к 1797 г., не вошла ни в одно печатное издание. По этой причине она осталась малоизвестной геологической науке. Но, тем не менее, составленная исследователем карта дала возможность заполнить многие белые пятна в горно-алтайской картографии¹.

В 1796 г. П.И. Шангин по заданию канцелярии Колывано-Воскресенских заводов совершил второе крупное путешествие по Горному Алтаю. Целью второй экспедиции были поиски новых месторождений цветных камней, руд, минералов, а также сбор растений для Ботанического сада. П.И. Шангин, ставший за свои научные заслуги членом-корреспондентом Академии наук, в своих трудах первый дал геологическое, минералогическое, географическое, гидрографическое и ботаническое описание Горного Алтая. В сибирской литературе его называют первым ботаником и почвоведом Горного Алтая. Собранные им гербарии алтайских растений до сих пор не потеряли научной ценности и хранятся в Петербургском Ботаническом саду. Научными трудами П.И. Шангина пользовались все путешественники, посещавшие после него Алтайский округ и Горный Алтай. Он же оставил много рекомендаций о необходимости сбора археологических и этнографических материалов.

Большую роль в изучении природных богатств Горного Алтая сыграла поисковая партия Б. Ключе, тоже прекрасного знатока горного дела и к тому времени неплохо изучившего северо-восточную часть Алтая и Телецкое озеро. В 1786 г. он обследовал таежный участок Северо-Восточного Алтая в районе Телецкого озера и Бии. Свои исследования Б. Ключе начал с Бийска. Левым берегом Бии экспедиция без особого труда дошла до устья р. Лебедя, затем до северной оконечности озера. Дальнейший маршрут пролегал вдоль Телецкого озера по горным тропам, по которым геологическую партию вели опытные проводники из местных жителей. Успехи экспедиции Б. Ключе были меньше по

¹ Розен М.Ф. Указ. соч.

сравнению результатами партии П.И. Шангина, но, тем не менее, в научном плане тоже значительны. Партия Б. Ключе прошла более полутора тысяч километров. По пути следования он открыл несколько проявлений гранита, мрамора, брекчий, выяснил, что берега Телецкого озера сложены из красивого мрамора. По сведениям биобиблиографического словаря «Исследователи Алтайского края» в этом районе партия Б. Ключе открыла еще и месторождения порфира¹. Образцы камней из разведанных месторождений были доставлены и изучены на Локтевской шлифовальной мельнице. Но поскольку телецкие месторождения от Локтя находились на огромном расстоянии, то разрабатывать их в промышленном отношении не представлялось возможным. Большую научную и практическое значение для горного начальства имела карта, которую составил находящийся в составе партии Ключе чертежник Н. Корелин. На карте показан весь бассейн р. Бии, Телецкого озера, р. Чулышмана, с наиболее большими притоками, средний и нижний участки р. Чуи и Катунь без верховий, которые по-прежнему оставались неизученными. На его карте впервые были изображены главные горные хребты и высокогорные степи. Заслуживает внимания то, что он нанес на карту конную тропу, по которой впоследствии пролег Чуйский тракт. В целом, научно-практическое значение корелинской карты было велико. Другой член экспедиции, гидрограф П.И. Шевангин описал рр. Бию и Катунь.

Исторический и историографический интерес представляют данные партии 1786 г., возглавляемой кабинетским специалистом Л. Линденталем. Его экспедиции было поручено провести полное обследование гор, расположенных к югу от Кузнецкой котловины. Основной маршрут экспедиции проходил по р. Кондоме. Прекрасно знавший геологию и минералогию, Л. Линденталь дал подробное описание всего путешествия. В его дневниках отложились ценные сведения по описанию бассейна Лебеди, главного притока Бии, рудных пород и проявлений этого района².

Кроме названных геологов заслуживают внимания обследования Северо-Западного Алтая Ф. Риддером. С него собственно началось изучение месторождений Тигирецкого хребта, позже продолженное минерологом И.М. Ренованцем.

Открытые месторождения цветных поделочных камней стали сырьевой базой для закладки камнерезного дела Кабинета. Развивающаяся камнерезная промышленность сыграла важную роль камнерезного дела в освоении западной части Горного Алтая.

Несмотря на то, что поисковым отрядам и рудоискательским партиям не удавалось обнаружить значительных запасов меди, серебра, железа кабинетская администрация вплоть до 1917 г. не теряла надежды отыскать в Горном Алтае богатые месторождения. Но поскольку рудоискательские и научные экспедиции в XVIII в. были достаточно редким явлением, то до конца столетия Горный Алтай оставался наименее изученным из всех регионов Алтайского горного ок-

¹ Исследователи Алтайского края. – С. 106.

² Там же. – С. 132.

руга. Этому в немалой степени способствовали: большая удаленность от основных центров округа, труднодоступный горно-таежный рельеф местности, пересеченной бурными реками, высокими горными хребтами. К тому же в горном крае отсутствовали какие-либо пути сообщения и речные переправы. Все маршруты следования приходилось совершать на лошадях. Горно-поисковые работы в таких условиях требовали больших денежных и материальных затрат на необходимое снаряжение, питание, провиант. Исследователи, отправляясь в горы, вынуждены были брать с собой лодки и другие средства передвижения¹.

Размах и масштабы поисковых работ в Горном Алтае в XVIII в. да и в последующее время сдерживались еще и тем, что в это время в западной части Алтайского округа было открыто много рудных месторождений. Самыми богатыми в округе по запасам и содержанию металлов были Зырянковский, Змеиногорский, Риддерский рудники. Горной администрации не хватало ни сил, ни людей, чтобы разрабатывать все рудные месторождения. Только два рудника – Змеиногорский и Зырянковский в течение 150 лет давали около 90% серебра добываемого в стране. Поэтому императорский Кабинет мог оставить Горный Алтай на положении своей промышленной кладовой, намереваясь вернуться к нему, когда иссякнут известные действующие рудники².

Для изучения Горного Алтая Кабинет охотно привлекал ученых и путешественников, оставивших ценные сведения об этой части горного округа. Так, сочинение известное известного российского ученого П.С. Палласа, побывавшего в 1771 г. в горах Западного Алтая, содержит интересный материал об истории возникновения здесь первых русских поселений, хозяйственной деятельности и быте русского населения³. Исторические сведения о Северо-Западном Алтае имеются в трудах минеролога И.М. Ренованца и других исследователей. Администрация обеспечивала исследователей их всем необходимым. Недаром, все видные путешественники XVIII – XIX вв. оставили лестные отзывы о горной администрации края. Из сочинений путешественников известно, что окружное начальство всегда выделяло казаков для сопровождения ученых по горному краю, где встречались вооруженные отряды с китайской стороны. О таких случаях есть упоминания в трудах П.С. Палласа и П.И. Шангина.

Итак, по мере развития горного дела на территории округа усиливался интерес Кабинета к его горной части в целях потенциального хозяйственного освоения запасов полезных ископаемых, если таковые были бы обнаружены. Но поскольку богатых месторождения так и не были открыты, то фактор присутствия императорского Кабинета в горном регионе во второй половине XVIII в. ограничился его геологическим и общим научным изучением Горного Алтая.

¹ Мукаева Л.Н. Заселение и хозяйственное освоение русским населением Горного Алтая. – С. 25.

² Там же.

³ Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства по повелению Санкт-Петербургской Императорской Академии наук. /Пер. с немецкого Ф. Томанского. – СПб., 1786. – 571 с.

3. Появление русского населения в Горном Алтае во второй половине XVIII в.

Другой фактор хозяйственного освоения Горного Алтая был связан с появлением во второй половине XVIII в. в его юго-западной части русского старообрядческого населения, которое историко-краеведческая и этнографическая литература XIX – начала XX вв. именовала каменщиками. Этот этноним произошел от слова «Камень» – гора¹. Именно каменщики первыми стали обживать Алтайские горы с юго-западной стороны. По мнению сибирской исследовательницы Т.С. Мамсик, начало хозяйственного освоения бассейна Убы относится к 1720-м гг., несколько позже беглые староверы приступили к заселению юго-западной части Алтайских гор². Сообщества каменщиков исследователи назвали Алтайской Сечью, сложившейся из вольнолюбивых людей: староверов, бежавших от религиозных преследований, мастеровых-бергалов, спасавшихся от заводских и рудничных работ на горных предприятиях Кабинета, солдат, не желавших отбывать рекрутскую повинность. Основную массу каменщиков составляли староверы беспоповского согласия, то есть не признававшие институт священства. Каменщики заселили притоки Верхней Бухтармы и верховья Катуня³.

Таким образом, в то время, когда российское правительство всеми силами старалось всеми силами заселить предгорья Северного Алтая, по южному склону гор и притокам Бухтармы и Уймоны шла основательная стихийная колонизация. Под защитой неприступного Камня нашли свое убежище, убежавшие от власти в силу разных причин те, кому в пределах Российского государства не хотелось жить. Вдали от всех государственных отношений эта разнородная толпа сложилась в своеобразное общество каменщиков с особыми порядками и собственными правилами поведения, основанных на нормах обычного права. Эта Алтайская Сечь, удачно отражая в случаях нужды нападения казачьих разъездов и китайских команд, жила обычными занятиями сибирского крестьянства. По берегам верх-катунских притоков и притоков Верхней Бухтармы староверы организовали свои раскольничьи общины с определенным типом хозяйства. Как правило, они проживали в небольших поселках в 3 – 5 дворов, разбросанных по горным долинам и ущельям. Здесь они строили небольшие избышки, бани, и даже мельницы, распахивали пашню, где это было возможно, промышляли охотой на зверя, в изобилии водившегося в тайге, рыболовством, наладили меновую торговлю с китайцами, казаками, алтайцами⁴. Общины каменщиков постоянно поддерживали тесную связь друг с другом. Постепенно охотничий промысел, являвшийся на первых порах основным занятием русских крестьян, уступал место хлебопашеству.

¹ Ядринцев, Н.М. Поездка по Западной Сибири и в Горный Алтай /Н.М. Ядринцев // Записки ЗСОРГО. Омск. 1880. Кн. 11 –. С. 1 – 134.

² Мамсик Т.С. Указ. соч. – С. 4.

³ Мукаева Л.Н. Заселение и хозяйственное освоение русским населением Горного Алтая. – С. 26.

⁴ Гребенщиков Г.Д. Алтайская Русь: историко-этнографический очерк //Алтайский альманах. – СПб., 1914. С. 1 – 37.

Горное начальство, прослышавшее о беглых староверах – каменщиках, старалось силой уничтожить заманчивый для заводских мастеровых и приписных крестьян заповедный угол, но безуспешно. По мере приближения казачьих отрядов и горно-поисковых партий к местам старообрядческих поселений каменщики уходили выше в Камень – неприступные горы Алтая. Практически недоступными были ущелья по Верхней Катунь.

Рудоискательные экспедиции 1760-х гг. зафиксировали 17 раскольничьих поселений в Южном Алтае. Казачьи команды, посланные на поимку беглых, за редким исключением никого поймать не могли и ограничивались только тем, что сжигали их поселения и разоряли посева. В связи с общим развитием кабинетского горнорудного дела каменщикам с каждым годом было все труднее скрываться от горных властей. Вблизи их поселений появлялись большие разведывательные партии, на основе открытых месторождений закладывались рудники и прииски. И без того сложное положение каменщиков усугубились трехлетним неурожаем и голодом¹. Попытка принятия китайского подданства закончилась неудачей. Китайский император отказал в этой просьбе. В 1791 г. бухтарминские каменщики обратились к правительству с просьбой о помиловании, которое и получили по указам Екатерины II. К этому времени общее число старообрядческих поселений в горах Южного Алтая составило около 30.

После императорских указов каменщики оставили свои суровые и неприступные ущелья и переселились в более просторные и широкие долины по притокам Бухтармы. Бухтарминские раскольники по императорскому указу получили значительные льготы. Они были записаны в статус ясачных крестьян. Семья старообрядца Гаврилы Бочкарева, выходца с бухтарминского притока р. Белой, по прозвищу Бочкарь, несогласная с этим решением, отделилась от основного бухтарминского социума и укрылась в новом месте, в устье Аргута, впадающего в Катунь. Здесь Бочкаревым удалось продержаться несколько лет, после чего они были обнаружены одним торговцем, сообщившим о них горным властям. По настоянию кабинетской администрации Бочкаревы покинули Аргутское ущелье и переехали в широкую Уймонскую долину, где ими была основана д. Верх-Уймонская². Год возникновения деревни датируется по разному: от 1796 по 1798 г. К первым верхнеуймонским жителям Бочкаревым стали приселяться другие раскольники с Бухтармы.

Таким образом, события 1792 г. в значительной степени ускорили заселение и хозяйственное освоение русским населением территории Горного Алтая. Именно это время следует считать временем основательного закрепления русских староверов в горах Алтая. Взяв под свое подданство местных жителей и староверов, императорский Кабинет распространил свое влияние до китайской границы.

¹ Мамсик Т.С. Указ. соч. С. 103.

² Юхнев, П. М. К истории Алтайского края /П.М. Юхнев // Очерки по истории Алтая.– Барнаул, 1925. – С. 3 – 25.

Глава 2 Хозяйственное освоение Кабинетом Горного Алтая в первой половине XIX в.

1. Научно-практическое изучение Горного Алтая в первой половине XIX в.

В XIX в. Кабинет в целях хозяйственного использования Алтайских гор продолжил изучение естественных природных ресурсов Горного Алтая. Но, как и прежде кабинетских чиновников в первую очередь интересовали полезные ископаемые. Алтайская горная администрация посылала поисковые партии разыскивать в горах серебро, свинец, золото, цветные камни. Так, в 1804 г. экспедиция маркшейдера Шлаттера исследовала обширные пространства по рекам Бии, Катунь, Чуи, Чулышмана и Телецкого озера. В результате, было обнаружено несколько проявлений серебряно-свинцовых руд, не имевших промышленного значения. Но на основании полученных данных барнаульские чертежники составили первую петрографическую карту тех мест, где побывали поисковики под названием «Петрографическая карта части Алтайского хребта, находящихся при реках Катунь, Бии, Коксу, Бухтарме и озере Телецком, сочиненную маркшейдером Шлаттером во время препорученной ему партии в сии места для отыскания руд 1804 года».

Следующая рудоискательная партия побывала в Алтайских горах в 1815 г. Исследователи изучили бассейны рек Катунь, Бии, Чарыша, Песчаной. Результатом их работ было открытие нескольких рудопроявлений. В 1830-х гг. Горное правление Колывано-Воскресенского (с 1834 г. – Алтайского) горного округа приступило к систематическим поискам золота на всей территории округа, в том числе и в Горном Алтае. Но посланная в горы в 1831 г. золотоискательная экспедиция не смогла обнаружить месторождений драгоценного металла. В 1832 г. кабинетские золотоискатели открыли несколько небогатых россыпей по притокам р. Песчаной. В 1838 г. поисковая партия нашла небогатые золотосодержащие кварцевые руды по среднему течению р. Ануя¹.

В 1842 г. в Горном Алтае побывал путешественник и геолог П.А. Чихачев. Он имел важное правительственное задание от министра финансов Е.Ф. Канкрин – исследовать всю восточную часть Алтайского округа, включая Горный Алтай. Ученый предположил, что на территории Горного Алтая имеются запасы золота. На основании выводов П.А. Чихачева Министерство финансов распорядилось отправить особую золотоискательную партию для обследования речек, впадающих в Чую и Катунь. Горное правление Алтайского округа, выполняя министерское распоряжение, снарядило в горы поисковиков для исследования большой территории от Риддерского рудника до Телецкого озера. Но изыскатели ничего не нашли. Несмотря на это, администрация округа в течение ряда лет не теряла надежды, что предположения ученого оправдаются. Поэтому горные власти с 1844 по 1847 г. отправляли в юго-западную часть Горного Алтая две поисковые экспедиции, которые обследовали бассейны

¹ Михайлов В. П. Указ. соч. – С. 168.

рр. Чарыша, Ануя, Песчаной и левых притоков р. Бии. Результаты поисков оказались малообнадеживающими. Было открыто несколько серебросвинцовых месторождений, не имеющих, по мнению специалистов, промышленного значения¹. В последующие годы производилась разведка уже открытых месторождений и рудопроявлений.

Как известно из сочинений путешественников, окружное начальство очень внимательно относились к представителям науки и путешественникам. Оно всегда обеспечивало исследователей всем необходимым на время пребывания в Алтайских горах: проводниками, снаряжением, продовольствием, картографическими материалами, данными предыдущих изысканий. Администрация региона выделяла казаков для сопровождения ученых по горному краю.

Итак, в Горном Алтае в первой половине XIX в., несмотря на все старания Кабинета и Министерства финансов, не было обнаружено никаких запасов полезных ископаемых, пригодных для промышленной разработки. Исследования поисковых экспедиций и партий не дали практических результатов. Более впечатляющими в деле изучения природных богатств Горного Алтая, его земельных, лесных, растительных ресурсов, животного мира, хозяйственной деятельности, его традиций землепользования были успехи ботанических и географических экспедиций видных российских ученых. В первой половине XIX в. Горный Алтай посетили знаменитые путешественники К.Ф. Ледебур, А.А. Бунге, Г. фон Гельмерсен, Ф.В. Геблер и другие ученые. В административных органах Бийского округа работали в течение ряда лет известный историк Г.И. Спасский и этнограф А.М. Горохов.

Г.И. Спасский неоднократно посещал Горный Алтай в начале XIX в. Он детально исследовал Бухтарминский край, Холзунский и Тигирецкий хребты, верховья Чарыша и Кана. Ученый собрал ценный материал по истории русского и алтайского населения. Сочинения Г.И. Спасского, не потерявшие научной ценности до настоящего времени, содержат ценные сведения по истории появления в Алтайских горах бухтарминских и уймонских староверов, их хозяйственных занятиях, быте и культуре, традициям и обычному праву коренного населения Алтая. Ценность его работ заключается еще и в том, что его путешествие по Алтайским горам в начале XIX в. пролегало по маршруту экспедиции П.И. Шангина. Г.И. Спасский первым из сибирских исследователей стал заниматься историей горно-поисковых работ на территории Алтая и его горной части и издал по этой теме несколько работ.

Одним из самых значительных событий в истории исследования Горного Алтая было путешествие профессора Дерптского университета К.Ф. Ледебура, предпринятое в 1826 г. для изучения флоры Алтая. В состав экспедиции имени того профессора входили доктор К.А. Мейер и врач из Барнаула А.А. Бунге. Каждый участник экспедиции имел собственный маршрут. Путь следования К.Ф. Ледебура пролегал из с. Змеиногорска чере с. Риддерское к истокам Чарыша и к селениям Абаю и Уймону. Во время своего путешествия он совершил

¹ Там же.

три поездки в высокогорье. В первый раз к верховьям Чарыша, тогда же он посетил с. Абай и Уймонскую долину. Второй раз ученый ездил к Коргонским горам. И в третий раз он поднимался в высокогорные селения Бухтарминской долины. А.А. Бунге исследовал бассейны рр. Коксу, Катунь, Чуи, Чулышмана и берега Телецкого озера.

В целом, члены экспедиции за один сезон обследовали огромную территорию, включающую Горный и Рудный Алтай, собрали обширный гербарий из 1600 видов алтайских растений, из которых более трети оказались новыми видами, неизвестными ботанической науке, а также коллекции растений, семян и насекомых. Основным результатом предпринятого путешествия явилось издание фундаментального сочинения К.Ф. Ледебура «Флора Алтая» в 4 томах с прекрасно выполненными рисунками растений. Таким образом, экспедиция К.Ф. Ледебура и его сотрудников блестяще выполнила свою научную миссию. Повторить такую экспедицию российские ученые смогли только спустя 103 года.

Значение ботанической экспедиции 1826 г. заключается еще и в том, что дневниковые записи и отчеты ученых содержат ценный исторический и этнографический материал о населении округа и Горного Алтая. Особенно много сведений путешественники оставили о жизни уймонских и бухтарминских староверов, о переселении в горы русских крестьян с предгорий и равнин. Жители горных старообрядческих деревень произвели на К.Ф. Ледебура и А.А. Бунге самое благоприятное впечатление своим экономическим благосостоянием, независимым характером, чувством собственного достоинства, опрятным обликом жилищ и поселений. Старообрядцы оказались радушными хозяевами и старались угостить путешественников самым лучшим. Все путешественники и исследователи отмечали редкую зажиточность, добросовестность, простоту нравов, смелость и ловкость алтайских каменщиков. Особенно был поражен материальным благополучием староверов К.Ф. Ледебур. Большой интерес представляют его замечания, касающиеся анализа кабинетской политики по отношению к русскому и алтайскому населению, их социально-экономическому положению. Так, ученый подчеркивал охранительные патерналистские начала кабинетской политики, которые он усматривал в том, что на кабинетских землях Горного Алтая полностью запрещалась какая-либо продажа спиртных напитков и пороха. Процветание уймонцев и других русских жителей Алтайских гор он связывал с развитием в округе горного дела. По мнению К.Ф. Ледебура, русско-китайская торговля, которую раскольники вели с пограничными китайскими пикетами, являлась выгодной для обеих сторон¹. Он называл местных староверов крестьянами, но подчеркивал, что они к тому же были кузнецами, плотниками, столярами, сами для себя изготавливали земледельческие орудия и вообще «искусны во многих ремеслах»². К.Ф. Ледебур высоко оценил оказанное ему и его экспедиции во время путешествия содействие администрации округа. Свою признательность он выразил в том, что одно из открытых им расте-

¹ Путешествие по Алтайским горам и джунгарской Киргизской степи. – С. 153.

² Там же.

ний он назвал в честь главного начальника Алтайских горных заводов П.К. Фролова.

Много интересных сведений по истории заселения русскими людьми юго-западной части Горного Алтая оставил А.А. Бунге. Он самым подробным образом описал быт и хозяйство русских крестьян, форпостных казаков, алтайцев кочевников, теленгитов Чулышманской долины и Чуйской степи, свои поездки на р. Чую и Телецкое озеро¹. Несколько лет спустя, в 1829 г. А.А. Бунге по заданию Академии наук совершил второе большое путешествие в Горный Алтай. Он вновь посетил Чую, Башкаус, Чулышман, побывал на подступах к Белухе, пытаясь отыскать Белое озеро, из которого по сведениям, полученным им от местных староверов, вытекала бело-молочная Катунь, вода же самого озера походила на густые белые сливки. Истоки Катунь он не смог открыть, но первым из российских ученых он очень близко подошел к подножью Белухи, не дойдя до него всего полкилометра

Среди других ученых, занимавшихся исследованиями на территории округа и Горного Алтая в первой половине XIX в. следует отметить видного естествоиспытателя, прекрасного знатока алтайской флоры и фауны Ф.В. Геблера, прожившего на Алтае большую часть своей жизни. Он совершил несколько географических открытий в Алтайской горной системе и открыл несколько новых видов животных. Ф.В. Геблер в 1833 – 1835 гг. организовал большие географические экспедиции вглубь Алтайских гор к самым высоким горным вершинам Алтая. Его более всего интересовала гора Белуха, где по предположению ученого должны были находиться истоки р. Катунь. В 1835 г. он совершил восхождение на Белуху, во время которого открыл истоки Катунь и два ледника: Берельский и Катунский, названный позднее ледником Ф.В. Геблера. И так, что не смог совершить А.А. Бунге в 1829 г., в полной мере удалось Ф.В. Геблеру.

Итоги своих научных изысканий в Алтайских горах Ф.В. Геблер обобщил в работе «Замечания о Катунских горах, составляющих высочайший хребет в Русском Алтае» и в ряде других сочинений². Его работы содержат детальное описание истоков Катунь. Им же была составлена первая полная карта центральной части Горного Алтая³. Экспедиции ученого помимо географического имели еще важное ботаническое и зоологическое значение. Ф.В. Геблер провел большую научную работу по изучению растительного и животного мира Горного Алтая. Им были собраны гербарии горных растений и коллекции диких животных. За научные достижения в деле изучения природы Алтая и его горной части Ф.В. Геблер был избран членом-корреспондентом Российской Академии наук, членом Московского общества сельского хозяйства, Московского общества испытателей природы, Русского географического общества. Кроме этого, ученый являлся членом Чешского минералогического общества и других иностранных научных обществ.

¹ Там же. – С. 157 – 217.

² Геблер Ф.В. Замечания о Катунских горах, составляющих высочайший хребет в Русском Алтае // Горный журнал. 1836. Т. 2. Кн. 6. С. 408 – 439.

³ Камбалов Н.А. Указ. соч. – С.51.

По специальному заданию министра финансов в 1834 г. на Алтай прибыл известный ученый-геолог Г. фон Гельмерсен. Цель его поездки заключалась в геолого-минералогическом изучении восточной части Алтайского горного округа, но главной задачей его путешествия являлось посещение Телецкого озера. Итоги научно-исследовательской работы ученого были обобщены в солидном сочинении, представляющем геолого-географическое описание путешествия по Салаирскому кряжу, Кузнецкому Алатау и Горному Алтаю. В нем подробно описан маршрут к Телецкому озеру, начиная от Бийска, население озера, природные особенности. К сожалению, эта фундаментальная работа Г. фон Гельмерсена опубликована на немецком языке, что в значительной степени затрудняет ее использование в научном мире. Большой известностью пользуется статья ученого «Телецкое озеро и телеуты», которая содержит интересный и ценный историко-этнографический материал о жизни северных алтайцев, казаков и русских крестьян; об их взаимоотношениях и влиянии друг на друга. Под наименованием «телеуты» Г.П. Гельмерсен описал кумандинцев. Ученый верно оценил значение Бии и Телецкого озера как важных путей сообщения между казаками и местными обитателями, наладившими между собой взаимовыгодную меновую торговлю. Казаки доставляли свинец, порох, табака, муку, получая взамен продукты охоты и собирательства. Интересны сведения исследователя о попытках создания на берегу озера казачьих поселений для промышленного использования рыбных ресурсов и строительства казаками колесных дорог от устья Кебезени до озера¹.

Отмечая, что все жители озера и Бии говорят на тюркском языке с примесью с некоторой примесью монгольских слов, Г.П. Гельмерсен обратил внимание на то, что внешний облик бийских и телецких обитателей резко отличался от их южных соседей. По мнению ученого, северные алтайцы, внешне, в очертаниях лиц и по многим деталям быта схожи с финнами, причем, чем дальше от озера вниз по Бие, тем сильнее проявлялось их сходство². Исследователи XX столетия тоже обращали внимание на то, что в антропологическом плане у кумандинцев отсутствуют ярко выраженные тюркские черты. Еще первые русские землепроходцы отмечали значительное количество светловолосых и голубоглазых детей в кумандинских поселениях. Ученые XX в. предполагали, что алтайские кумандинцы являются потомками более древнего, чем тюрки, населения Алтая, уходящего своими генетическими корнями в афанасьевскую и андроновскую культуры глубокой древности. Что касается южных обитателей озера, то их Г.П. Гельмерсен считал смешанными потомками тюрков, монголов и самоедов³. Отметив сходство в экономической жизни населения исследованной местности, ученый обратил внимание на хозяйственные различия между северными и южными жителями озера. Если южное население озера жило по-

¹ Гельмерсен Г.П. Телецкое озеро и телеуты Восточного Алтая // Горный журнал. – 1840. Т. I. Кн. 1. С. 41 – 61.; Кн. 2. – С. 239 – 261.; Кн. 3. – С. 421 – 446. Т. II. Кн. 4. – С. 17 – 57.

² Там же. – С. 249.

³ Там же. – С. 50.

лукочевым бытом, то северное предпочитало оседлый образ жизни. По наблюдениям ученого, чем севернее проживало население, тем больше оно проявляло склонность к оседлости. Исследователь это объяснил усилением финского компонента.

Кумандинцы поразили Г. Гельмерсена схожестью во внешнем облике, в одежде, в питании, в особенностях постройки деревянных домов с финнами. Деревянные дома населения, проживавшего по р. Бии, по наблюдениям П.Г. Гельмерсена, «сходствуют с жилищами обитателей Новой Финляндии, Ладожского озера, мордвы». Ученый писал, что он порой забывал, где находится: на берегах Телецкого озера, или в окрестностях г. Санкт-Петербурга¹. Г.П. Гельмерсен нашел, что женская одежда кумандинцев похожа на мордовскую и черемисскую, или на одежду карелов и финнов². Но в чем именно выразилось это сходство, Г.П. Гельмерсен не указал. Вероятнее всего, оно состояло в материале, то есть в холсте, – кумандинцы выращивали лен, из которого шилась одежда, и в покрое. «Здесьние девушки» – писал он – «довольно статны ... они носят шерстяные юбки с красным поясом; голову повязывают пестрым платком, концы которого спускаются вниз»³. На некоторых девушках ученых заметил красные шерстяные чулки и длинные балахоны, своего рода халаты наподобие легкой накидки⁴. Что касается мужской одежды, то ученый свидетельствовал, что «сильные, среднего роста мужчины носят здесь русское платье и стригут волосы на манер русских», то есть «под горшок». Но во времена Г.П. Гельмерсена некрещеные мужчины заплетали косичку, спускающуюся на спину. «Они», то есть кумандинцы, свидетельствовал ученый, «носят ещё длинную косу, спускающуюся вниз по спине»⁵. Нужно заметить, что факт ношения косы мужчинами-кумандинцами больше не был зафиксирован ни одним учёным, кроме Г.П. Гельмерсена. Кумандинские девушки заплетали одну или несколько кос, а женщины носили всегда две косы, украшая их пуговицами, змееголовками или жемчугом⁶. Интересно, что исследователь считал обитателей Телецкого озера, особенно его северной части и р. Бии автохтонными жителями Горного Алтая края, которые в 30-х гг. XVIII в. «совершенно обезопасенные от нападения возвратились в древнее их отечество, а именно в страны, прилежащие к Телецкому озеру, Оби и Бии»⁷.

Чулышманские двоеданцы сообщили ученому несколько интересных преданий о своих священных местах. Так, по теленгитским преданиям, на горе Артал, лежавшей к югу от устья Челюша была битва с врагом. Можно предположить, что эти предания касались событий середины XVIII в. П.Г. Гельмерсен первым из российских ученых записал интересные сведения о духовно-

¹ Там же. – С. 249 – 250.

² Там же. – С. 250.

³ Там же. – С. 249.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же. – С. 54.

сакральном значении горы Алтын-тау – Золотой горы, почитаемой всеми обитателями Телецкого озера. Другое название Алтын-тау – это Иик (Ыйык), то есть священная гора. Местные алтайцы называли эту гору, по данным ученого, еще «Отцом гор и озера», и относились к ней с благоговением. При переезде через озеро они умилоствовали Духа горы, подкидывая горсть воды в воздух. Алтайцы уверяли путешественника в том, что никто из людей не может подняться на ее вершину, того, кто совершит это ждет неминуемая гибель. Западная часть горного массива Туалок – Акташ (Белый камень), располагавшаяся на южной оконечности Телецкого озера почиталась алтайцами как Иик-паш, то есть – священная вершина.

Таким образом, благодаря геологическому исследованию, проведенному Г.П. Гельмерсеном в 1834 г., была получена первая научная картина Телецкого озера и Бии. Труды Г.П. фон Гельмерсена содержат подробные исторические и социокультурные сведения о населении, обитавшем на берегах Бии и Телецкого озера.

Важную историческую и географическую ценность представляют труды путешественников П.А. Чихачева «Путешествие в Восточный Алтай» и Г.Е. Щуровского «Путешествие на Алтай». Сочинение Г.Е. Щуровского представляет геологическое, минералогическое и географическое описание округа и Алтайских гор с подробными характеристиками природы и климата¹. П.А. Чихачев оставил много ценных рекомендаций и предложений по поводу хозяйственного использования естественных ресурсов Горного Алтая, его недр, земель, на которых, по мнению ученого, с большим успехом можно было заниматься земледелием, скотоводством, разными промыслами².

В 1848 г. в Горном Алтае побывал английский путешественник, художник Т.У. Аткинсон, оставивший интересное описание Телецкого озера, Бии, Чулышмана, Катуня, Ябоганской долины. В работе П.И. Небольсина посвященной сибирским золотым приискам, опубликованной в журнале «Отечественные записки» в 1847 – 1848 гг. содержится обобщенный материал, составленный на основе имеющихся источников об алтайских племенах.

Таким образом, горнопромышленное освоение Алтайского округа повлекло за собой ряд крупных мер по изучению различных регионов края, в том числе и Горного Алтая, что привлекло к исследовательской работе на территории округа крупных ученых России. Научные и рудоискательные экспедиции дали обширный материал по животному, растительному миру Горного Алтая, дополнили научные коллекции канцелярии Колывано-Воскресенских заводов образцами рудных пород, минералов, цветных камней. Кабинет и правительственные ведомства выделяли большие средства на изучение природных богатств Алтайского округа, в том числе и Горного Алтая. В целом, научные изыскания ученых, проводимые по заданию Кабинета и Министерства финансов, расширили круг знаний об естественных ресурсах Горного Алтая и возможностях его

¹ Щуровский Г.Е. Путешествие на Алтай. – М., 1846. – 440 с.

² Чихачев. П.А. Путешествие в Восточный Алтай. – М. 1974. – 318 с.

хозяйственного освоения. Но правительство и Кабинет, экономическая политика которого была направлена исключительно на развитие горной промышленности, вплоть до конца XIX в. ничего не предпринимал для организации земельно-лесного хозяйства на территории округа и Горного Алтая. Поэтому Горный Алтай в первой половине XIX в. оставался закрытой территорией для хозяйственного освоения со стороны русского населения, за исключением Уймонского края и Северного Алтая.

2. Переселенческая политика Кабинета в Горном Алтае в первой половине XIX в.

В первой половине XIX в. Горный Алтай являлся южной частью Бийского уезда Колывано-Воскресенского, с 1834 г. Алтайского горного округа Томской губернии, образованной в 1804 г. По данным Министерства внутренних дел общая численность алтайского населения в 1857 г. составляла 17500 душ. Из них 3000 были новокрещенных христианами. Известный дореволюционный исследователь С.П. Швецов отмечал, что алтайское население кочевало со своими стадами по раз и навсегда установленным маршрутам. Ему местные жители говорили, что «там, где не бывали их отцы, никто из калмыков (калмыки – неправильное наименование алтайцев в досоветское время) не бывает»¹.

В административно-этническом отношении алтайское население делилось на северных алтайцев (черневых татар), проживавших в волостях; южных алтайцев, размещенных в дючинах, теленгитов (двоеданцев), размещенных в 1-ой Чуйской и 2-ой Чуйской волостях. В семи волостях черневых татар насчитывалось 4896 душ обоего пола, в семи дючинах алтайских калмыков было 10351 чел, в двух волостях двоеданцев насчитывалось не менее 2000 чел. Численность казахов Горного Алтая в середине XIX в. не установлена. В целом, численность коренного и русского населения была небольшой, хотя и относительно быстро увеличивалась.

В XIX в. правительство продолжало заниматься выработкой региональной политики и законодательства, сохраняя патерналистское содержание. Нормативно-правовая база, определяющая права собственности Кабинета и нормы землевладения алтайских племен, стала разрабатываться с начала XIX в. Права коренных жителей Горного Алтая на занимаемые ими земли определялись «Уставом об управлении сибирских инородцев» 1822 г. и исторически сложившимися в их среде нормами обычного права. «Устав об управлении сибирских инородцев» 1822 г. являлся важнейшим и наиболее глубоко разработанным законом, определяющим основные направления правительственной политики, в том числе и земельной, в отношении коренного населения Горного Алтая. В нем были заложены принципы, позволявшие алтайскому населению сохранять традиционный образ жизни.

¹ Швецов С.П. Чуйский торговый тракт. – С.107.

Положение коренного населения Горного Алтая и его социально-правовой статус определялись рядом законодательных актов, среди которых самым значительным был Устав о сибирских инородцах 1822 г. История его создания была такова. В 1822 г. трудами Сибирского комитета, работой которого руководил известный российский реформатор М.М. Сперанский, был составлен «Устав об инородцах и киргизах Сибири», действие которого распространилось на все нерусское население сибирского региона. Было введено новое понятие «инородцы» для обозначения сословия, обладающего социально-экономическими правами свободных людей. По своему статусу инородцы приравнивались к сословию государственных крестьян. На кабинетских землях Горного Алтая была запрещена продажа спиртных напитков. Дополнительно к антиалкогольным нормам «Устава 1822 г.» Кабинет вводил дополнительные запреты на продажу не только алкогольных напитков, но и лекарств на спирту.

По закону 1822 г. все сибирские инородцы по образу жизни, степени гражданского развития, основным хозяйственным занятиям были разделены на три разряда: оседлых, кочевых и бродячих. Соответственно определялись права и обязанности инородческого населения Горного Алтая, их административное устройство и деление, и система налогообложения. Местное внутренне управление в Горном Алтае согласно закону 1822 г. строилось следующим образом. Оседлые инородцы управлялись на основании общих указаний и имели такие же органы управления, какими пользовалось до крестьянской реформы 1861 г. русское население, то есть сельское и волостное управление. Кочующие алтайские племена имели собственное управление, основанное на родовых традициях и нормах обычного права. Как правило, их органы управления были представлены родовой знатью – зайсанами. Местное административное деление в Горном Алтае согласно закону 1822 г. включало дючины, управы и волости и родовые стойбища. Бродячие инородцы управлялись лишь одним старостой, звание которого принимали на себя зайсаны, почетные люди рода. Уймонские староверы с 1822 г. управлялись на основе Общего Положения об управлении инородцев. В 1824 г. на основании решения ясачной комиссии Кабинета они приобрели собственное самоуправление: для них была образована Уймонская инородная управа.

Что касается земельного вопроса в этот период, то нормативно-правовая база, определявшая права собственности Кабинета и нормы землевладения алтайских племен, стала разрабатываться с начала XIX в. Права коренных жителей Горного Алтая на занимаемые ими земли определялись «Уставом об управлении сибирских инородцев» 1822 г. и исторически сложившимися в их среде нормами обычного права.

По «Уставу» алтайцы имели право на пользование землей и владение отдельными участками без права собственности на них. Но вместе с тем, они не имели права отчуждать земельные участки или продавать их в случае необходимости. Статья 26 гласила, что «кочующие инородцы» для каждого поколения имеют назначенные во владение земли. Согласно статье 28 «Устава» границы «племенных владений должны быть подробно определены», то есть размежева-

ны. Несмотря на это, граница алтайских кочевий не была точно измерена. Тем самым юридически огромная территория была лишь выделена в пользование, но не оформлена и не закреплена за местным населением. Этой неопределенностью земельных прав коренного населения и пользовались местные власти в конфликтных ситуациях. В хозяйственных занятиях алтайцы имели полную свободу выбора. Они могли заниматься земледелием, скотоводством и местными промыслами «на водах и землях каждому назначенных»¹. Статья 31 «Устава» 1822 г. строго запрещала «россиянам самовольно селиться на землях во владениях, инородцам отведенных».

Важной составляющей понимания алтайцами своих земельных прав являлся обычай, исходящий из «древности» владения своей территорией. Алтайцы основывали все свои права на земли, ими занимаемые, на том факте, что они жили на этих землях до перехода в российское подданство. Подтверждение своих прав они видели в ряде законодательных актов, среди которых самым важным являлся «Устав об управлении инородцев» 1822 г. «Положение» 22 июля 1822 г. им тоже было хорошо известно. Алтайские зайсаны опирались на него во всех случаях, когда дело касалось принятия в пределах их кочевий, или временного пользования угодьями посторонними лицами. Без согласия местного населения поселиться в Алтайских горах было крайне сложно. «Устав об управлении сибирских инородцев» 1822 г. являлся важнейшим и наиболее глубоко разработанным законом, определяющим основные направления правительственной политики, в том числе и земельной, в отношении коренного населения Горного Алтая. В нем были заложены принципы, позволявшие алтайскому населению сохранять традиционный образ жизни.

Характерной чертой землевладения коренных жителей Горного Алтая в первой половине XIX в. было осознание ими общности владения всей территорией, в пределах которой они проживали. Алтайцы, считая себя одним народом, признавали, что и земли, в пределах которого располагаются их кочевья, принадлежат им сообща. Отсюда вытекало отсутствие территориальных границ между дючинами, инородными управами и волостями. В первой половине XIX в. алтайцы не имели точных представлений о границах своих административных единиц, которые определяли бы их отношения в процессе пользования угодьями. Хорошо представляя внешние границы, считая их необходимыми и прося администрацию об их восстановлении и защите, они не знали внутренних границ. Внутри общеалтайского сообщества коренные жители пользовались землей вне каких-либо границ. Пределами их кочевий являлись границы чужого владения крестьянских и оседло-алтайских обществ, либо государственная граница. Поэтому земельные отношения «кочевых инородцев» Горного Алтая не отличались однообразием ни до, ни после реформы 1861 г.

¹ Сатлаев Ф.А. Земельная политика царизма в Горном Алтае в пореформенный период (1861-1913 гг.) / Ф.А. Сатлаев // Проблемы истории Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1987. – С. 78.

«Устав об управлении сибирских инородцев» был принят в 1822 г., но кабинетское ведомство еще ранее попыталось определить свою позицию в земельном вопросе. В 1811 г. была спроектирована особая линия, которая определяла границы кочевков коренного населения Горного Алтая на пространстве в 110000 квадратных верст. За этой линией русские селения не должны были возникать. Но проект так и не получил практического разрешения, а граница осталась «воображаемой». Потоки стихийного переселенческого движения сибирских крестьян и промысловиков доходили до Алтайских предгорий и гор. В 1817 г. Колывано-Воскресенская горная администрация обратилась с представлением в Кабинет о желательности заселения и освоения земель южной части округа. Высшее начальство дало разрешение на заселение Алтайских гор до русско-китайской границы¹.

В итоге, в первой половине XIX в. социальная и экономическая ситуация в регионе стала медленно меняться. Эти изменения были связаны с заселением Горного Алтая русским населением с начала XIX в. С этого времени крестьянами предгорных волостей Бийского уезда (округа) и других регионов Сибири стали осваиваться предгорья, а затем и горы Алтайского округа. Заселение Алтайских гор происходило стихийно. С каждым годом крестьяне проникали все дальше вглубь Алтайских гор. Русские поселения возникали на берегах рек: это Майма (1811 г.), Черга (около 1820 г.), Чечулиха (1824 г.), Абай (1826 г.) и другие. В 1811 г. крестьяне Зяблицкие основали возле устья р. Маймы поселение. Подобные поселки стали возникать на берегах рек, впадающих с обеих сторон в Катунь². Своеобразие освоения Горного Алтая заключалось в том, что сначала заселялись речные долины, затем горы. В переселенческих процессах активно участвовали телеуты, переселявшиеся в Горный Алтай из Кузнецкого округа

Как видно из официальных источников, до 1820-х гг. заселение Алтайского округа происходило стихийно. Новые поселенцы свободно размещались на бескрайних алтайских просторах. Экономическая политика Кабинета поощряла хозяйственное освоение и заселение различных регионов округа, включая даже горно-таежные. По признанию официальных властей каждый переселенец был желанным гостем на кабинетских землях³.

Но проникновение русского человека в горно-таежные регионы, занятые нерусским населением, Кабинет ограничивал. В 1817 г. Колывано-Воскресенская администрация обратилась с представлением в Кабинет о желательности заселения и освоения земель южной части округа, то есть Горного Алтая. Высшее начальство дало разрешение на заселение Алтайских гор до русско-китайской границы⁴. Кабинетская переселенческая политика предоставляла довольно большую свободу при выборе нового места жительства. Так,

¹ Михайлов, В.П. Отчет начальника Алтайского округа, действительного статского советника В.П. Михайлова по ознакомлению с Горным Алтаем в лето 1910 года. – С. 29.

² Горный Алтай и его население. Барнаул, 1901. Т.3. Вып. 2. – С.10.

³ Обзор деятельности Алтайского округа за пятилетие 1911-1915 гг. – С. 34.

⁴ Михайлов В.П. Отчет начальника Алтайского округа В.П. Михайлова по ознакомлению с Горным Алтаем в лето 1910 г. Барнаул. 1910. – С. 50.

крестьяне Чечулихи получили три года, для того, чтобы «поправить свои дела» на новом месте. Такую же поощрительную политику Кабинет проводил по отношению к северным алтайцам и ко всем кочевникам, «желающим осесть и строиться».

Поощрительно относилось к русскому переселению и руководство Бийской казачьей линии, тоже заинтересованное в освоении земель, лежащих к югу от Бийска. Заинтересованность кабинетской администрации и линейного начальства в заселении юга округа объяснялась еще и тем, что алтайские крестьяне обеспечивали хлебом и остальным провиантом все горные заводы, рудники и линейные укрепления. А так как при существующей на Алтае переложной системе земледелия, пашни забрасывались в залежь на десятки лет, то крестьянам периодически приходилось перебираться на новые места жительства.

Освоение Алтайских предгорий шло довольно активно. В 1824 г. была образована Алтайская крестьянская волость, затем Ануйская и Смоленская волости. Известные российские путешественники и ученые К.Ф. Ледебур, А.А. Бунге побывали в Алтайских горах и прилегающих к ним предгорьях в 1826 г., как раз в то время, когда крестьянам, желающим освоить новые места, разрешалось перебираться на новые земельные угодья, в том числе и в горной части округа. К.Ф. Ледебур и А.А. Бунге оставили много интересных сведений по истории возникновения русских поселений в этой части округа. По данным ученых, прииртышские крестьяне в 1823 г. основали горную деревню Сентелек. В 1824 г. крестьяне образовали поселение Чечулиху, ставшее очень быстро крупным селом, а также другие селения. В 1826 г. было основано село Абай. К.Ф. Ледебур, А.А. Бунге проезжая его, застали в нем только один двор¹. Но уже через несколько лет это было крупное поселение.

В создании поселений следует отметить активность старообрядцев, которые по-прежнему играли видную роль в селообразовательных процессах и в освоении края. В 1812 г. на правый берег Катунь переселились староверы из Пермской губернии. В 1822 г. к ним приселились раскольники из Оренбургской губернии. Так было образовано с. Ая. Переселенцы быстро освоились на новом месте, распахали большие пашни и по меркам Бийского округа нажили «огромное» состояние².

В первой половине XIX в. продолжалось дальнейшее заселение Уймонской долины, где можно было заниматься земледелием, скотоводством, пчеловодством, огородничеством и другими выгодными промыслами. Здесь каменщики основали несколько поселений, среди которых самым значительным было село Верхний Уймон. Затем к нему приселились бухтарминские выходцы Саватеевы, Нагибины и другие ясачные раскольники. По данным исследователя В. Богданова в первой половине XIX в. в Верхнем Уймоне насчитывалось 93 двора. Как свидетельствуют данные официальной статистики, в 1820-х гг. на левом берегу Уймона поселилось восемь крестьянских семей. Это были Ош-

¹ Путешествие по Алтайским горам и джунгарской Киргизской степи. – С. 92.

² Вербицкий Указ. соч. – С. 14.

лыковы, Коноваловы, Знаменские и другие староверы. Все они были выходцами из Каинского уезда Томской губернии. Затем к ним присоединились крестьяне Огневые, Подкорытовы, Могильниковы¹. Основанная ими деревня получила название Нижний Уймон. Впоследствии несколько отселившихся нижеуимонцев образовали сначала выселок, а затем крупное старообрядческое село Мульту². Старообрядческое население трех деревень с успехом занималось пашенным земледелием, скотоводством, высокогорным пчеловодством, мараловодством.

От старообрядческих горных деревень в разные стороны по берегам катунских притоков потянулись заимки, представлявших отдельные поселения крестьянских семей, которые в свою очередь разрастались в новые деревни. Так были основаны деревни: Щелкино, Горбуновка, Терехта. Последнюю деревню основал вернеуимонский старообрядец В. Блинов, отделившийся от односельчан для занятия пчеловодством. Следует отметить, что горно-алтайские крестьяне широко практиковали заимочную форму поселений. Сначала поселялись одна – две крестьянские семьи. Они обзаводились жилыми домами, хозяйственными постройками, пасаками, распахивали землю, разводили скот. Сразу же строили основательные жилища: дома-связь, избы с прирубком, пятистенки с сенями. Рубили в угол, крыши делали с четырьмя или с двумя скатами. Битые русские печи обкладывали деревянными щитами для крепости. Если место под поселения было выбрано удачно, то к ним приселялись другие крестьяне. Так первоначальная заимка превращалась в деревню, от которой в свою очередь тянулись выселки. Многие крестьяне горных деревень, расположенных в речных долинах, имели в горах на расстоянии 5 – 20 км. от собственного жилья заимки, где держали пасаки и скот, маралов.

Разрешения на переселение в Алтайские горы выдавали горная администрация, начальство казачьей линии и Томская казенная палата, принадлежавшие к разным ведомствам. В 1823 г. по этому поводу возникла переписка между Кабинетом, Сибирским генерал-губернаторством и Колывано-Воскресенской администрацией. В результате было принято решение, что при выдаче разрешений на новое место жительства Томская казенная палата обязательно должна ставить в известность канцелярию Колывано-Воскресенского (Алтайского) округа³. Следовательно, были подтверждены права Кабинета на всю территорию Колывано-Воскресенского горного округа, юридически оформленные указом 1822 г. Пункт 5 данного указа гласил, что все земли и леса Алтайского округа состоят в непосредственном подчинении заводского управления. В указе особо оговаривалось, что заводскому начальству дозволяется беспрепятственно распространять горный промысел и поселения в алтайских

¹ Горный Алтай и его население. – С.11.

² Мукаева Л.Н. Заселение и хозяйственное освоение русским населением Горного Алтая в досоветское время. – С. 30.

³ Свод законоположений и распоряжений, относящихся до поземельного устройства приписных крестьян, мастеровых и урочных алтайского и Нерчинского округов, составляющих собственность Его Императорского Величества /сост. Влахопулов А. – СПб., – С. 65.

горах без стеснения живущих там ясачных народов¹. Впоследствии, эти права Кабинета, как ведомства по управлению царской собственностью подтвердило принятое в 1828 г. «Учреждение об управлении Колывано-Воскресенских заводов»².

В 1820-х гг. администрация Алтайского округа стала принимать некоторые меры к осуществлению своего надзора и контроля над местным населением. Горное начальство первый раз произвело учет всех земель, занятых селами, поселками и другими селениями. Тогда же стал ограничиваться, а затем полностью был запрещен доступ в округ особенно для выходцев из европейских губерний, за исключением Смоленской волости, заселенной государственными крестьянами. В Горный Алтай для обследования его территории был откомандирован горный офицер Пылков. Работы по хозяйственному учету горно-алтайских земель продолжались три года. Экспедиция Пылкова не могла собрать точных данных о земельной площади, занятой населением и ограничилась описанием Горного Алтая и примерным определением мест алтайских кочевий. По официальным данным, известно, что русского заселение предгорий и гор Северного Алтая происходило активно. Только за 1825 – 1828 гг. к югу от Бийской линии было образовано 54 русских селения с общей численностью 2394 души мужского пола³.

Кабинет пытался поставить переселенческое движение в горную часть под свой контроль. Горная администрация выдавала разрешение на переселение в Алтайские горы, регулировала размеры поселений. Об этом направлении политики окружного начальства писал в 1826 г. путешественник К.Ф. Ледебур, что крестьянам горных деревень «указывались определенные границы земельных участков и сенокосов, которыми они могли пользоваться»⁴. По всей видимости, это касалось только крестьянских селений, но не заимок.

Об этом направлении политики окружного начальства писал К.Ф. Ледебур, что крестьянам горных деревень «указывались определенные границы земельных участков и сенокосов, которыми они могли пользоваться». По всей видимости, это касалось только крестьянских селений, но не заимок, которые создавались стихийным путем. Уже в начале XIX в. наметилась тенденция «сползания» населения округа в южном направлении. Этот процесс захватил и Бийскую линию, переход за которую был запрещен. Началось стихийное заселение русским населением предгорий Северного Алтая. По официальным данным, до 1825 г. к югу от Бийской линии было образовано 54 русских селения с общей численностью 2394 души мужского пола⁵.

До 1824 г. заселение русскими северной части Горного Алтая носило вполне мирный характер, поскольку русские расселялись на свободных землях и не стесняли местных жителей в пользовании угодьями: земельными, таежны-

¹ Михайлов В.П. Указ. соч. – С. 51.

² Там же.

³ Михайлов В.П. Указ. соч. – С.50.

⁴ Путешествие по Алтайским горам и джунгарской Киргизской степи. Новосибирск. – С. 84.

⁵ Михайлов, В.П. Указ. соч. – С. 50.

ми, охотничьими. Впоследствии расширение крестьянских поселений в Алтайских предгорьях и горах вызвало протесты со стороны алтайских зайсанов. В 1828 г. группа зайсанов жаловалась сенатору В.К. Безродному и князю Б.А. Куракину, ревизовавших в то время Западную Сибирь. Суть жалоб заключалась в том, что приток русского населения влияет на сокращение пастбищных и охотничьих угодий, охотничьего промысла, поэтому алтайское население не может вносить в полной мере ясак. Зайсаны просили запретить крестьянам и промысловикам селиться в пределах их кочевий. Поскольку в основе кабинетской политики по отношению к кочевому населению Горного Алтая лежало стремление не подавать никаких поводов к недовольству, что было закреплено еще манифестом Екатерины II и последующими законодательными актами, то Кабинет принял решение устранить причины подобных жалоб¹. Подобная широкая лояльность объяснялась в первую очередь правовыми традициями патерналистской политики российского правительства по отношению к народам Сибири, и тем, что кабинетская экономическая политика в то время не выходила за рамки преимущественного развития только горного дела. Так как обязательный труд мастеровых и приписных крестьян обеспечивал получение миллионов доходов, то Кабинет на всей территории округа, включая его горную часть, не использовал в хозяйственном отношении земли, воды, леса, за исключением тех, которые служили в качестве топлива для металлургических заводов Змеиногорского края и Кузнецкого округа, и исключая лесной фонд Горного Алтая.

Кабинетские власти, а за ними и миссия старались ограничить переселение русских крестьян в алтайские кочевья. Не опасаясь многообразия форм управления, российское правительство не хотело унифицировать хозяйство быт, духовную жизнь, социальную организацию нерусских народов, его устраивало политическая и финансовая лояльностью местного населения.

Идя навстречу пожеланиям алтайского зайсаната, Горное правление Алтайского округа в 1829 г. распорядилось установить пункты алтайских кочевий. Примерная граница между русскими поселениями и алтайскими кочевьями была Главной Чертежной Колывано-Воскресенского Горного правления. Она проходила по левой стороне Катуня через бассейны рр. Черги, Черного Ануя, Коргона, Чечулихи, Кумира и Коксу. В официальных документах описание границы 1831 г. выглядело следующим образом. « С восточной стороны – река Катунь: от оной в прямую почти линию к западной стороне, что будет с севера – близ назначенной грани состоят: 1) деревня Усть-Чергинская, 2) далее от оной жилища Кузнецких татар и гора Плешивая, за гранью лежащая 3) устья речек Черневого (т.е. Черного) Ануя и Дрезговитой, впадающей в реку Ануя, 4) гора Бутачиха, за гранью стоящая; с западной стороны главные пункты близ граничной черты находятся 1) чернь Заячья, лежащая по обе стороны грани и далее белки Башчелакские чрез кои сия грань положена, 2) пристань Коргонская и деревня Чечулиха, стоящая при устье реки Чечулихи, впадающей с правой стороны в

¹ Мукаева, Л.Н. Заселение и хозяйственное освоение русским населением Горного Алтая в досоветское время. – С. 32.

Чарыш и 3) река Каир-Кумир, впадающая с левой стороны тоже в реку Чарыш; с южной стороны река Кокса, впадающая с левой стороны в реку Катунь»¹.

Граница алтайских кочевий была утверждена в 1831 г. томским губернатором и Главным начальником Колывано-Воскресенских горных заводов Е.П. Ковалевским и нанесена на особую «карту урочищ Алтайского хребта». Территория алтайских кочевий получила название «калмыцких стойбищ». Русскому и алтайскому населению предписывалось данную границу не нарушать². Горное Правление хотело оградить алтайских кочевников от вторжения в их стойбища русских промысловиков. Официальный запрет на свободный въезд частных лиц в алтайские кочевья стал своего рода стабилизирующим фактором в земельной политике Кабинета в первой половине XIX в. Распоряжение 1831 г. запретило крестьянам и мещанам, линейным казакам посещать алтайские земли и заниматься там промыслами. Но при этом допускалась аренда промысловых угодий по особым соглашениям – приемным приговорам, которые выдавали зайсаны и их помощники демичи за определенную плату³

Итак, русскому и алтайскому населению предписывалось данную границу не нарушать, что на практике не выполнялось ни той, ни этой стороной. Алтайским кочевникам строго запрещалось принимать кого-либо на свои земли, потому что переход из оседлого состояния в кочевое российским законодательством не допускался. Но никакие административные меры не могли задержать миграционные процессы. В результате, о границе забыли как русские крестьяне и кочевники, так и сама администрация округа. Кочевья алтайского населения вышли за пределы, назначенной для них местности. Русские крестьяне продолжали заселять Алтайские горы. По закону ст. 1242 Т. IX Свода законов Российской империи русским крестьянам запрещалось селиться на землях кочевников, но по ст. 1243 Т. IX они могли заселяться по особым соглашениям, заключенным с зайсанами, то есть приемным приговорам.

Таким образом, никакие административные меры не могли задержать миграционные процессы. В результате, о границе забыли как русские крестьяне и кочевники, так и сама администрация округа. Кочевья алтайского населения вышли за пределы, назначенной для них местности. Русские крестьяне и бачатские телеуты продолжали заселять Алтайские горы.

Начиная со второй четверти XIX в., конфессиональный состав населения Уймонской долины стал меняться. Здесь стали селиться православные крестьяне из различных волостей Томской губернии. Как следует из официальных статистических сведений, в 1829 г. оседлые инородцы из Шуйской управы Кузнецкого округа, получив разрешение Колывано-Воскресенской горной администрации, образовали село Усть-Кокса. Первыми усть-коксинцами были крестья-

¹ Михайлов, В.П. Указ. соч. – С. 55

² Михайлов В.П. Указ. соч. – С.55– 56.; Мукаева, Л.Н. Заселение и хозяйственное освоение русским населением Горного Алтая в досоветское время. – С. 32.

³ Карих Е.В. Межнациональные отношения в Горном Алтае в XIX – начале XX вв. // Горный Алтай. Исторический сборник. Вып. шестой. – Бийск: НИЦ БГПИ, 1998. –С. 20 – 27.

яне А.Н. Бухтуев, Е. Максимов, С. Иванов, М.М. Кудрин, всего же их насчитывалось 45 душ мужского пола. Своим заселением и хозяйственным освоением новых мест ясачные крестьяне Усть-Коксы изменили конфессиональную картину Уймонского края. Благодаря усть-коксинцам, православный фактор стал во многом определять социокультурную и экономическую ситуацию в Уймонском крае¹. Жители Усть-Коксы активно расселялись по западной части Уймонской степи, широко используя заимочный способ освоения. Так, высокогорное село Юстик на р. Коксе было основано усть-коксинским крестьянином И. Бухтуевым. Он построил заимку, где устроил пасеку, обзавелся прочным хозяйством². Впоследствии, к нему присоединился горнозаводской обыватель из деревни Малый Башчелык Бийского округа Останин, а затем к ним стали приселяться крестьяне из других волостей.

По официальным статистическим данным, в 1840-х гг. православные ясачные Сарасинской управы и один выходец из Средней Азии образовали село Катанду. Почти сразу же к ним подселились еще пять крестьянских семей. Впоследствии, в Катанде поселились крещеный алтаец И. Кузьмин, уймонский старообрядец Черепанов и три крестьянские семьи из алтайский предгорных волостей³.

Состав катандинских жителей представлял собой картину, типичную почти для всех русских селений Горного Алтая. Здесь жили староверы, православные крестьяне, алтайцы. В заселении принимали участие и другие группы населения. Но что касается уймонского населения, то все же преобладающее большинство составляли старообрядцы. Самым крупным старообрядческим поселением являлось с. Верхний Уймон, в нем, по официальным данным, в середине XIX в. проживало около 600 человек⁴. Уймонские староверы составляли самую значительную группу раскольников в Бийском уезде. Недаром, Уймон называли гнездом алтайского старообрядчества в Томской епархии.

Во второй четверти XIX в. возможности для освоения Горного Алтая расширились в связи с созданием в 1828 г. Алтайской духовной миссии и установлением прочной торговли России с Китаем через горно-алтайскую территорию.

Алтайская духовная миссия оказала значительное влияние на развитие этнокультурных, конфессиональных, социально-экономических и селообразовательных процессов в Горном Алтае. Миссионеры, обратив кочевников в православие, отводили им для оседлого поселения особые места, получившие название миссионерских поселков и станов. Первыми жителями таких поселений были крестившиеся алтайцы, которых миссия приобщала к земледелию, огородничеству, оседлому домохозяйству. К ним с согласия миссионеров приселялись и русские крестьяне, которые селились либо с самих поселках, либо неподалеку от них заводили заимки, где занимались хлебопашеством, пчеловодст-

¹ Мукаева Л.Н. Заселение и хозяйственное освоение русским населением Горного Алтая в досоветское время. – С. 30.

² Горный Алтай и его население. Т. 1. Вып. 1. – С. 9.

³ Мукаева Л.Н. Указ. соч. – С. 30.

⁴ Горный Алтай и его население. Т. 1. Вып. 1. – С. 9.

вом и другими промыслами. Со временем, заимочники образовывали свои деревни.

В формировании миссионерских поселков и станов участвовали помимо крещеных, крестьяне из предгорных волостей Бийского округа, а также телеуты из Кузнецкого округа. Так, в с. Улале проживали крещеные телеуты из с. Бачатского, русские крестьяне. В начале 1830-х гг. Улала стала уже значительным миссионерским станом. По официальным данным, православные телеуты основали в 1847 г с. Мьюту¹. В 1842 г. государственные крестьяне Смоленской волости в 30 семей и приписные крестьяне из с. Тоурак Алтайской волости образовали с. Чемал, которое стало пополняться выходцами из других мест горного округа. С преобразованием Чемала в 1855 г. в миссионерское селение здесь поселилось много новокрещеных алтайцев и оседлых инородцев из Быстринской и Кокшинской управ. Такой же состав населения был характерен для других катунских поселков. Так, с. Узнезя было основано крестьянами Алтайской волости, с. Эликмонар образовали в 1850-х гг. государственные крестьяне Смоленской волости и приписные крестьяне из предгорных волостей. К ним впоследствии присоединились новокрещеные алтайцы.

С увеличением численности жителей, часть их отселялась и с согласия миссионеров образовывала новые миссионерские поселки. К 1860-м гг. Алтайская духовная миссия имела 8 станов. Из числа новокрещеных было образовано 22 селения, в том числе Паспаул, Манжерок, Онгудай, Александровское, Маринское, Ильинское, Бирюля и другие². Как правило, национальный состав поселений имел смешанный характер. Здесь жили крещеные алтайцы, телеуты и русские. По свидетельству досоветского исследователя В.В. Вербицкого русскую часть миссионерских сел составляли сибирские старожилы. Алтайская духовная миссия, создавая оседлые поселения из новокрещеных, сочла необходимой рядом расселять крестьян «для обручения инородцев домоводству, земледелию, русскому языку, христианским обычаям в семейном быту, порядку в быту общественном, благочинию в исполнении обрядов церковных»³.¹ Крестьяне же, писал В.В. Вербицкий, в свою очередь, «проведав, что в Алтае жить весьма удобно, хлеб родится хорошо, скоту и пчелам раздолье, буранов нет, стали обзаводиться отдельными от миссии деревеньками»⁴.

Интересна история создания сел в бассейне рр. Кана, Чарыша, Ануя. В освоении этого района наряду с русскими и крещеными алтайцами активную роль играли телеуты и казахи. Так, начало Усть-Кану положили три семьи новокрещеных алтайцев, крестившихся в Черном Ануе, к которым впоследствии присоединился купец Мокин, купивший заимку у местного крестившегося алтайца. Основателями Черного Ануя, по официальным данным, были православные телеуты из Кузнецкого округа. Один из них, зажиточный телеут М. Ба-

¹ Горный Алтай и его население. Т. 1. Вып. 1. – С.23.

² Кислицын В.Н. Алтайская духовная миссия и ее роль в колонизации Горного Алтая //Алтайский сборник. Вып.ХУ. Барнаул, 1992. С.22.

³ Вербицкий В.В. Заметки кочевого алтайца //Вестник РГО. 1858. Ч. 24. Отд. 4. – С. 106.

⁴ Там же.

саргин вел обширную торговлю, но вскоре был убит. Его вдова в память покойного мужа пожертвовала значительные средства на устройство в этом населенном месте миссионерского стана и церкви. Сюда стали приселяться крещеные казахи, за ними потянулись крестьяне из северо-западных предгорий. Село Тюдрала возникло в 1855 г. из заимки одного крещеного казаха, выходца из Семипалатинского уезда, к которому приселилось несколько семей крещеных алтайцев. Впоследствии в Тюдралу начали перебираться казахи из Усть-Каменогорского и Семипалатинского уездов и русские крестьяне¹.

Таким образом, образование новых селений происходило в рамках общих процессов хозяйственного освоения Горного Алтая в первой половине XIX в. Свой вклад в аккультурацию алтайского коренного населения Горного Алтая внесла Алтайская духовная миссия. Она предлагала алтайцам иной образ жизни, образовывала оседлые земледельческие поселения, прививала пашенное земледелие, огородничество. Самые значительные населенные пункты Горного Алтая: Улала, Мыюта, Манжерок и другие являлись миссионерскими поселками. Улала стала крупным миссионерским станом уже в 1830-х гг. Благодаря миссии облик Горного Алтая в начале XX в. определялся не мелкими кочевьями, а широкой сетью сел, поселков, деревень.

Таким образом, у населения Горного Алтая в первой половине XVIII – XIX в. исторически сложилось многообразие форм пользования пашнями, сенокосами, выгонами, отгонными пастбищами. Земельно-переселенческая политика Кабинета в первой половине XIX в. характеризовалась его попытками поставить переселенческое движение под свой непосредственный контроль. Самым значимым мероприятием переселенческой политики кабинетского ведомства стало принятие решение о запрете русскому человеку свободно поселиться в Алтайских горах.

3. Социально-экономическое развитие Горного Алтая в первой половине XIX в.

У коренного населения Горного Алтая исторически сложился собственный культурный тип хозяйствования. Природная среда закрытых горных систем Горного Алтая, с суровым климатом и неоднородным ландшафтным рельефом оказала большое влияние на формирование основных черт хозяйственно-культурного типа жизнедеятельности алтайского населения, позволившие ему органично вписаться в особенности местной природы и климата. У алтайского населения сложились две модели историко-культурного типа хозяйствования с региональной спецификой: полукочевое скотоводческое у южных алтайцев и оседлое таежно-скотоводческое с более высоким уровнем развития земледелия у северных. Традиционная экономика носила натуральный и экстенсивный характер, что накладывало отпечаток на все стороны жизни алтайского населения, в том числе на быт, типы жилья, систему питания и одежду. Традиционное

¹ Горный Алтай и его население. Т. 1. Вып. 1. – С.45.

общество коренных народов Горного Алтая характеризовалось такими особенностями материальной культуры, как безотходность хозяйства, словесная передача производственных навыков и хозяйственного опыта.

Наиболее развитой отраслью хозяйства южных алтайцев было скотоводство. Алтайцы издавна разводили лошадей, овец, коз, коров, чуйские теленгиты дополнительно занимались верблюдоводством и яководством. Среди них, первое место в хозяйственной жизни алтайцев занимала лошадь. Не случайно, все алтайцы – это превосходные наездники, осваивавшие верховую езду с раннего детства. Лошадь являлась одним из основных средств передвижения, ее мясо было одним из важнейших продуктов питания. Из кобыльего молока готовились кисломолочные напитки. Из лошадиных шкур шили обувь и изготавливали различные предметы домашнего обихода. Лошадей в историческом прошлом имело все взрослое население. В алтайском социуме табуны лошадей являлись мерилем богатства и общественного положения. Об огромных табунах богатых чуйских скотоводов в несколько тысяч голов писали практически все путешественники, бывавшие в Чуйской степи. Традиции бережного и почитаемого отношения алтайцев к лошади существуют с глубокой древности и сохранились и в наши дни. Не случайно, теленгиты называли лошадь человеческими крыльями и величайшей драгоценностью. Алтайские скотоводы разводили лошадь местной породы, достоинствами которой являлись выносливость, нетребовательность к уходу и корму. В досоветское время верховых лошадей обязательно метили родовыми тамгами, нанесенными прижиганием на правое бедро животного. Например, теленгиты из рода саал метили своих лошадей тамгой в виде полумесяца.

Мелкий рогатый скот в условиях Алтайских гор являлся универсальным. Овцы давали все необходимое для жизни скотовода, обитавшего в горной среде: мясо, молочные продукты. Из шкур и шерсти изготавливали верхнюю одежду: шубы и другие вещи, веревки, арканы, потники. Войлоком из овечьей шерсти покрывали юрту, из него делали одежду, настенные и напольные ковры и другие покрытия.

Алтайское скотоводство являлось отгонным, при котором использовался вертикальный способ выпаса скота. Отработанные в течение длительного времени маршруты кочевков были стабильными и обуславливались характером расположения сезонных пастбищ. Пастбища делились на летние, зимние и весенне-осенние. Весной и осенью использовались одни и те же пастбища. Сезонное использование пастбищ зависело от обеспеченности кормовыми травами и водой, необходимой для содержания скота. Поэтому под летние пастбища использовались равнинные участки с хорошей травой, а также с речками и ручейками, под зимние те, где потребности скота в воде восполнялись снегом и было достаточно травы на длительный период холодной зимы. Расстояние между сезонными пастбищами колебалось в пределах 2 – 35 км., а общий круг передвижения составлял от 50 до 150 км. Зимой скот угоняли в места, защищенные от сильных зимних ветров. Зимовки располагались по долинам рек, где на зиму сохранялось достаточно травы. Здесь скот держали до апреля, затем его

спускали на весенние пастбища с ранним возобновлением травостоя, осенью до ноября спускали на пастбища, на которых за лето восстанавливался травостой. Летом его выпасали на альпийских лугах и горных тундрах и в речных долинах.

Сдерживающим фактором развития основной отрасли алтайского хозяйства было отсутствие традиций заготовки кормов. Корм на зиму заготавливали в очень ограниченном количестве только для молодняка и ослабленных животных. При отсутствии специализированных орудий труда, заготовка производилась следующим образом: срезанную ножами траву свивали в жгуты и сушили на деревьях.

Важной частью хозяйственной деятельности алтайцев являлся охотничий промысел, носивший регулярный характер. Южные алтайцы охотились на копытных животных: маралов, баранов, козлов. Самым распространенным промысловым животным на Алтае была косуля. Кроме охоты на копытных животных, алтайские охотники промыслили пушного зверя: лисицу, соболя, белку и других.

На охоту ходили в одиночку и артелями. При коллективном способе охоты алтайцы предпочитали отправляться на промысел небольшими группами, сроком на 15 – 20 дней. Охотники объединялись произвольно. Строго закрепленных охотничьих угодий не имелось. Охотники выезжали к месту промысла верхом с собаками, каждый со своими съестными припасами. На охоте применялось огнестрельное оружие. Алтайский охотничий промысел был тесно взаимосвязан с промысловой магией и ритуальной практикой. Алтайский социум всегда ограничивал количество промысловых зверей, которых можно было добыть на охоте в тайге целой системой экологических запретов. Так, нельзя было стрелять в оленя с большими рогами, поскольку, по алтайским поверьям, в его образе появлялся сам Хозяин тайги. Выдру можно было добывать охотнику только один раз в год, при этом обязательно совершались обряды, чтобы дух зверька покинул тело и ушел в тайгу. Охотничьи культы Алтая запрещали добывать диких зверей больше, чем это было нужно для пропитания.

Сбор съедобных дикорастущих растений и ягод носил сезонный характер и зависел от среды проживания. Из дикорастущих растений коренные жители горной тайги собирали сарану, кандык, дикие луки, ягоды. Важную роль играл сбор кедрового ореха, который заготавливали в большом количестве.

Земледелие (мотыжное) у южных алтайцев было развито слабо и имело только подсобное значение. Преобладающей культурой в алтайском земледелии был ячмень. Составной частью алтайской экономики являлись кожевенное, кузнечное и другие ремесла.

Таким образом, главными отраслями южно-алтайского хозяйства были многоскотное скотоводство и охота. Рыболовный промысел отсутствовал, сбор дикорастущих растений и мотыжное земледелие в алтайской экономике занимали скромное место.

Северный Алтай издавна осваивалась горно-таежными народами: кумандинцами, тубаларами и челканцами, которые сумели создать свою систему хозяйствования, соответствующим суровых природно-климатическим условиям

Северного Алтая, покрытого черневой тайгой из пихты, кедра и ели. Такая тайга получила название – Большая Чернь. Природные условия черневой тайги исключали развитие скотоводства и земледелия в широких размерах. Ведущей отраслью хозяйственной деятельности коренного населения северо-таежных районов Алтая являлась охота с тысячелетними традициями. Промысловые угодья черневой тайги были поделены между кумандинцами, тубаларами и челканцами. Охотничий промысел в первой половине XIX вв., как и в предыдущее время, носил потребительский характер. Кроме этого, добытая пушнина шла для уплаты ясака. Коренные жители Северо-Восточного Алтая практиковали два вида охоты – коллективную и индивидуальную и две ее формы – активную и пассивную. При активной форме охоты северные алтайцы использовали сначала лук (улар), затем огнестрельное оружие; при пассивной – ловушки разной формы: ловчие ямы, кулемы, кулемки, петли, силки, капканы. Зверей и птиц выманивали при помощи специальных манков и свистулук. В охотничьей практике северных алтайцев существовали строгие экологические запреты: не охотиться на молодняк и другие, что позволяло поддерживать численность животного мира.

Скотоводство у населения Северного Алтая было неразвитым. Слабое развитие этой отрасли хозяйства объясняется продолжительной зимой, глубоким снежным покровом, отсутствием отгонных пастбищ, где скот мог бы содержаться большую часть года на подножном корму и недостаточной заготовкой сухого корма (сена). В условиях влажного таежного климата черневой тайги невозможно было содержать мелкий скот: коз и овец. Наиболее приспособленной к природным условиям Северо-Восточного Алтая была лошадь, которая и стала у северных алтайцев единственным видом домашнего животного. Она являлась основным средством передвижения, ее мясо употреблялось в пищу, шкура шла на изготовление обуви и различных предметов домашнего обихода.

Традиционное земледелие северных алтайцев было мотыжным, то есть земля обрабатывалась мотыгой – абылом. Мотыжное земледелие, широко распространенное у северных алтайцев, исчезло лишь в начале 1930-х гг. В некоторых селениях Северо-Восточного Алтая встречался простой тип сохи – андазын. Природно-климатические условия позволяли северным алтайцам выращивать зерновые культуры: ячмень, рожь, овес, отчасти пшеницу. Ручная обработка пашни у челканцев в досоветское время представляла собой очень тяжелый процесс, поскольку практиковалась подсеčno-огневая система. Пашни устраивались на небольших участках южных склонов гор, очищенных от тайги, и на местах лесных гарей. Земледельческий процесс начинался в мае. При обработке земли мотыгой производительность труда была чрезвычайно низкой, участок земли размером в гектар семья в 2 – 3 человека вскапывала около месяца. Такой участок назывался «загоном». Бедняки засеивали по 2 – 3 загона, урожай составлял около 1,5 центнеров зерна. Уборка хлеба начиналась в августе. Зерно мололи на ручной круглой каменной мельнице, которая имела в каждой семье: Работа на такой мельнице была очень тяжелой, а результаты скромными. На ней можно было смолоть только до 8 кг. зерна в день.

Земледелие в хозяйстве тубаларов занимало подчиненное значение. Считается, что мотыжное земледелие возникло у тубаларов позже, чем у других северо-алтайских племен. Суровая природа Северо-Восточного Алтая, низкая техника мотыжного земледелия исключала возможность больших посевов. Тубалары расчищали от леса и вскапывали небольшие участки на горах, на которых сеяли пшеницу, ячмень, рожь. Техника уборки и молотыбы зерна была простой. С зерном тубалары обращались чрезвычайно бережно. его хранили зерно в ямах, выстланных берестяными пластинами. Муку мололи на ручных мельницах.

Ограниченность земледелия обусловила большую роль собирательства в экономике населения Северного Алтая. Собирательство дикорастущих растений: черемшы (колбы), ревеня, слизины и других луков, сараны, кандыка, а также всех ягод, в изобилии произраставших в черневой тайге, было чисто женским занятием. Но сбором кедрового ореха северные алтайцы, особенно кумандинцы и тубалары, занимались целыми семьями, артелями и поселениями, включая детей-подростков, женщин и мужчин.

Северные алтайцы активно занимались бортничеством-пчелованием, то есть сбором меда диких пчел. Будучи искусными рыбаками, северные алтайцы широко практиковали рыбную ловлю. В реках и озерах Северного Алтая они ловили рыбу мешками, удочкой, сакон, жерлицами, неводом, переметами, вершами. Щук ловили при помощи петли, свитой из конского волоса. Поздним летом и осенью, когда вода становилась светлой, добывали крупную рыбу острогой. В начале зимы глушили рыбу деревянной колотушкой по тонкому и прозрачному льду. Осенью на озерах практиковали запорные способы ловли рыбы, устраивая целые изгороди из тальника, в которые попадала крупная рыба.

Итак, коренного населения Горного Алтая существовали две системы хозяйствования: полукочевая у южных алтайцев и пастушечье-таежно-земледельческая у северных. основными занятиями традиционной хозяйственно-практической деятельности северных алтайцев первой половине XIX вв., как и в предыдущее время являлись охота, собирательство дикорастущих растений и кедрового ореха и рыбная ловля; мотыжное земледелие и скотоводство занимали подчиненное место.

Своя система хозяйствования сложилась в русских социумах Горного Алтая: старожильческом и староверческом. В ходе заселения Алтайских гор русские крестьяне быстро ориентировались и вскоре уже начинали осваивать природные ресурсы. В горах русское население создало определенный тип хозяйства, не выходящий за рамки традиционной русской земледельческой культуры, но имевший специфические особенности, обусловленные своеобразием природы и климата Горного Алтая. Во-первых, оно было комплексным, включая традиционные занятия: земледелие, скотоводство, а также промыслы, носившие уже в то время ярко выраженный торговый характер. Уже при первоначальном освоении горного края в XVIII в. хозяйственная деятельность алтайских староверов носила промыслово-земледельческий характер. Жители старообрядческих высокогорных селений, осваивая высокогорные речные долины,

основали уникальное комплексное хозяйство. Оно включало традиционное занятие – земледелие, а также скотоводство и промыслы, носившие уже в то время ярко выраженный торговый характер. К их числу относились добыча, продажа пушнины, рыбы, сбор кедрового ореха. Особенно значительным был охотничий промысел.

Земледелие русского крестьянства в Горном Алтае прошло определенную эволюцию. Успешно развивалась экономика крестьянских горных деревень алтайского Раскола. Если при начальном освоении горной территории староверы испытывали затруднения с пашенным земледелием, то потом сумели приспособиться к горной среде. Путешественники К.Ф. Ледебур и А.А. Бунге, побывавшие в горных деревнях Уймона в 1826 г. упоминали о затруднениях уймонских крестьян с пашенным земледелием. Климат Уймонской долины был более экстремальным по сравнению с более благоприятными природно-климатическими условиями Бухтарминской долины с более мягким климатом и благоприятной природой. У уймонцев от суровых заморозков вымерзала рожь¹. Со временем крестьяне вывели морозоустойчивые сорта зерновых культур и приспособились как к природным ритмам высокогорья с его резко континентальным климатом в местах староверческих поселений, так и средней и нижней частях Горного Алтая. В Алтайских горах крестьяне выращивали пшеницу, рожь, овес и другие культуры. В горах яровые вызревали лучше, чем озимые. Основной земледельческой системой почти на всей территории Горного Алтая была переложная, когда хлеб сеяли на одном и том же месте в течение десяти лет. Из них первые два года засевали рожью, затем переходили на пшеницу, после земля забрасывалась в залежь. В некоторых районах Горного Алтая (Катанда, Уймон) русские крестьяне использовали искусственный полив полей.

Но в целом, посевная площадь в Горном Алтае оставалась незначительной. Причинами, сдерживающими развитие земледелия, являлись природная среда, земельная неустроенность населения и невысокий уровень сельскохозяйственной техники. Горно-алтайские крестьяне пользовались сохой с одним или двумя железными сошниками, бороной с деревянными зубьями, косой-горбушей, серпом, вилами и граблями. Сев производился вручную. Зерно молотили цепями. Со временем в земледельческом хозяйстве большое применение стало находить железо. Зубья у борон заменялись железными, широкое применение нашли плуги. С начала XIX в. в обиход стали входить косы – литовки.

Другой важной отраслью сельского хозяйства русского населения было скотоводство. Прекрасные горные пастбища Горного Алтая создали оптимальные условия для скотоводства. Другим благоприятным фактором для развития животноводческого хозяйства являлось отсутствие в горах эпизоотий, от которых вымирали домашние животные в Степном и отчасти в Предгорном Алтае. Большое развитие скотоводство получило в хозяйстве уймонских староверов и крестьян-заимочников, что позволяет считать животноводство базовой отраслью хозяйственной деятельности этих групп населения. В первой половине XIX в.

¹ Путешествие по Алтайским горам и джунгарской Киргизской степи. – С. 198.

отдельные хозяева держали до 500 лошадей, 50 – 70 голов крупнорогатого скота, до 200 голов овец. Русские крестьяне Горного Алтая предпочитали держать многоскотное хозяйство, включающее лошадей, крупный рогатый и молочный скот, овец, коз, свиней. Лошади, как правило, были рабочими, хотя разводили и другие породы. Лошадей использовали на пахоте и уборке хлеба, на сенокосе, в извозном промысле, в других видах работ. В Горном Алтае практически не было безлошадных хозяйств, и в среднем, на одно хозяйство русского населения приходилось 6 лошадей. Большинство русских крестьян держало по 4 – 9 голов скота. Наибольшую ценность в хозяйстве русских крестьян имел рогатый молочный скот. Быков и телят выращивали на продажу. Торговля скотом была крайне выгодной. Из молока вырабатывали масло. Овцеводство, козоводство, свиноводство носили потребительский характер.

Одной из заслуг русских крестьян горных деревень в хозяйственном освоении края, писал С.П. Швецов, является создание новой отрасли – мараловодства. Начало горно-алтайскому мараловодству положили староверы – «каменщики» Уймонской долины в 1830-х гг. Мараловодство считалось наиболее продуктивным хозяйственным занятием, обеспечивающий высокий доход. В середине XIX в. стоимость пантов составляла 12 – 18 руб. за фунт веса, а вес пары рогов достигал 15 – 20 фунтов. Перекупщики же продавали панты китайцам уже по 40 руб. за фунт¹. Уход за домашними маралами практически не требовался. Маральники представляли собой большие огороженные участки, размером от 2 до 20 десятин, были и больше. Мараловоды под маральники обычно выбирали такие места, где был лес, проточная вода, солонцы, стараясь включить в маральник и сопку, так как эти звери любили ветер. Изгородь делали обычно около 3 метров высоты, чтобы марал не мог перепрыгнуть через нее. Иногда на такой изгороди на столбе висел череп этого животного, насаженный хозяином от сглаза. На одного марала на зиму заготавливали 30 – 40 копен сена. Помимо пантов использовались маралье мясо и шкуры. Из шкур шили яги и дохи, выделывали прекрасного качества замшу, которая шла на пошив штанов и курток².

Таким образом, животноводство в Горном Алтае в первой половине XIX в. велось в довольно широких масштабах. В этой отрасли сельского хозяйства шло накопление количественных показателей, что подготавливало почву для широкого развития его товарности.

Другим значительным промыслом в жизни русских крестьян Горного Алтая было пчеловодство. Начало алтайскому пчеловодству положили старообрядцы, известные в историко-этнографической литературе как «поляки» и казаки Усть-Каменогорской линии. Путешественники, побывавшие на Алтае в 1780-х гг. застали пчеловодство у «поляков» в цветущем состоянии. В начале XIX в. пчеловодство распространилось почти по всей обжитой территории западной части Алтая. Но уже в то время наибольшим количеством пасек отли-

¹ Струков М.И. Краткий очерк Алтайского округа. – С. 48.

² Мамсик Т.С. Указ. соч. – С. 108 – 109.

чался Горный Алтай. Особенно много пасек было в Уймонской долине, где отдельные хозяева держали до 300 колодок, и на заимках русских крестьян, разбросанных по небольшим долинам и альпийским лугам. Еще больше пасек было в Бухтарминской долине, где отдельные хозяева-староверы держали до 1000 колодок. Пасеки и земли на которых они располагались, были в наследственной собственности.

О большом значении пчеловодства в экономической жизни русского населения Горного Алтая упоминали все путешественники, посетившие южную часть округа в разное время. По данным А.А. Бунге, русские крестьяне, проживавшие в юго-западной части Алтайских гор в первой четверти XIX в. развели так много пчел, что часть из них в одичавшем состоянии распространилась в лесах на довольно значительном расстоянии от р. Коксу до рр. Кана и Чарыша. Собираение меда одичавших пчел стало важным промыслом для форпостных казаков. Из одного дупла можно было добыть 2 – 3 пуда меда¹.

Мед шел на внутреннее употребление и на продажу. Он заменял сахар, на нем варили варенье из различных ягод, делали самодельное пиво и медовуху. Особенно широко мед использовали во время постов². Кроме того, продукты пчеловодства пользовались широким спросом. Горно-алтайские крестьяне продавали мед по 7 руб. за пуд, а воск по 18 – 20 руб. По данным А.А. Бунге воск стоил 40-50 руб. за пуд³.

В хозяйственно-практической деятельности староверов и старожилов Горного Алтая особую роль играла охота. Недаром, все путешественники и исследователи, побывавшие на Алтае, отмечали, что любимым занятием горно-алтайских крестьян, и особенно старообрядцев, являлся охотничий промысел⁴. Крестьяне горных деревень охотились в любое время года. Так, зимой уймонские каменщики, собираясь артелями, уходили высоко в горы, в верховья р. Катунь и Бухтармы. Здесь они устраивали промысловые избушки. Охотились на соболей, лисиц, волков, медведей, росомых. На каждого зверя были отработаны особые методы и способы добычи. Лучшие места обитания соболей находились на каменистых осыпях высоких гор. Поскольку добыча ценного, но ловкого зверька было трудоемкой, то охотники на соболей, собирались, как правило, по 15 человек. Уймонские старообрядцы, чтобы не портить дорогой мех, ловили соболей специальными ловушками и очень редко били их из ружья. Лисиц и волков добывали осенью на конях. Многие русские охотники были медвежатниками. Летом охотились на козлов, баранов.

Охотничий промысел был очень выгодным занятием, поскольку Сибирь являлась основным поставщиком пушнины на российский и европейский рынки. Горно-алтайские крестьяне-промысловики сбывали свою добычу в старожильческие селения Приобья, Прииртышья и купцам-скупщикам, используя

¹ Путешествие по Алтайским горам и джунгарской Киргизской степи. – С.198.

² Там же. Мукаева Л.Н. Указ. соч. – С. 55.

³ Путешествие по Алтайским горам и джунгарской Киргизской степи. – С. 161.

⁴ Принтц А. Каменщики, ясачные крестьяне Бухтарминской волости Томской губернии и поездка в их селения и в Бухтарминский край в 1863 г. // Записки ИРГО. – СПб., 1864. – С.559, 573.

для этого бухтарминскую зону. Были у них прямые торговые связи с китайцами, монголами, казахами. От казахов-кочевников и алтайцев старообрядцы получали рабочий, рогатый и мелкий скот, орудия лова на диких зверей, предметы домашнего обихода, овчины, верблюжью и овечью шерсть. Среднеазиатские и русские купцы доставляли орудия охоты: ружья, порох, свинец. Китайцы привозили хлопчатобумажные и шелковые ткани, фарфоровую посуду. Сложившаяся меновая торговля была взаимовыгодной, она способствовала возникновению других видов экономики в русских горных поселениях.

Цены на пушнину колебались в зависимости от разных обстоятельств. Так, по данным исследователей, в 1860-х гг. средняя цена соболя составляла 15 руб., козлиные шкуры серого цвета стоили 50 – 70 коп., маральи от 1,5 до 2 руб., заячьи – 78 коп. Самым дорогим был мех черно-бурой лисы. Одна серебристая шкурка-чернобурка стоила 25 руб. Летом и осенью промысловик добывали бобров и рыбу. Для ловли бобров иной раз переходили на китайскую сторону. Рыбная ловля имела потребительский характер, но иногда и рыба являлась предметом торговли.

Одним из подсобных промыслов русского населения был ореховый, распространенный в Уймонском крае, Семинском перевале, по правому берегу р. Катунь (села Эдиган, Чемал, Эликмонар), в прителецкой тайге и в других местах Горного Алтая.

Несмотря на обилие в реках и озерах Горного Алтая рыбы, рыбный промысел так и не приобрел промышленного значения, хотя попытки его создания неоднократно предпринимались в течение XIX в.

Русские крестьяне были искусными во многих ремеслах. Они сами изготавливали все необходимые орудия, строили добротные дома: крестовые и домовая связь, мастерили мебель. Деревянная архитектура уймонских староверов к тому же отличалась своеобразием и оригинальностью, до сих пор сохранилась кружевная резьба по дереву (наличники, карнизы, крыши). Местные русские женщины умели ездить на лошадях, рыбачить, занимались традиционными промыслами: ковроделием, вязанием, выбивали шторы, изготавливали половики, дорожки. В каждой деревне вязали и ткали по своим узорам.

Таким образом, русское крестьянство в процессе заселения и освоения естественных природных ресурсов Горного Алтая создало комплексное многоотраслевое сельское хозяйство, основу которого составляли земледелие и скотоводство.

Большое влияние на экономическое развитие горного края в первой половине XIX в. оказала русско-китайская торговля, выросшая из меновой торговли между монголами Северно-Западного Китая и чуйскими теленгитами и южно-алтайскими старообрядцами. Начиная с 1780-х гг. в приграничную торговлю стали включаться казаки и купцы. Понятно, что тогда торговля носила незаконный, поэтому тайный характер. Сама же торговля поначалу осуществлялась на китайской границе, где устраивались ярмарки. Сюда приезжали монгольские скотоводы, китайские пограничники и представители китайских торговых фирм Северо-Западной части Китайской империи. Роль посредников между русскими

ми с одной стороны, монголами и китайцами с другой играли теленгиты, перекупавшие товары у русских купцов, которые со своими товарами добирались до Красной горки, расположенной в преддверии Чуйской степи. Но затем купцы сами обосновались в Чуйской степи. Особенно видную роль в развитии торговых отношений между двумя государствами в первой половине XIX в. сыграло бийское купечество. Предприимчивые и инициативные бийские купцы наладили систематическую русско-монголо-китайскую торговлю через территорию Горного Алтая. Предприимчивые и инициативные бийские купцы вели систематическую транзитную торговлю через территорию Горного Алтая, сократив тем самым торговые пути на тысячу километров. Основателями торговли по преданию, были купеческие фамилии Хабаровых из Бийска и Токаревых из Змеиногорска. Так, родоначальник купеческой династии Хабаровых был выходцем из Иркутской губернии, сначала обосновавшимся в г. Кузнецке с торговыми целями, затем в Барнауле и, наконец в Бийске, откуда и стал совершать торговые поездки в долину Чуи. Потом к ним присоединились бийские купцы Мальцевы, Кузнецовы, Шебалины, змеиногорский житель Просеков. Стараниями бийских купцов был проложен новый торговый путь, намеченный по выражению известного русского путешественника и геолога П.А. Чихачева самой природой. Он проходил от г. Бийска через с. Алтайское по левому берегу р. Катунь и далее вверх по течению р. Чуи и заканчивался в Чуйской степи. По названию последней торговая дорога стала именоваться Чуйским трактом. По названию последней торговая дорога стала именоваться Чуйским трактом, хотя на самом деле он в первой половине XIX в. являлся узкой горной тропой, по которой с большим трудом доставлялись грузы. Товары с лошадей на верблюды перевьючивали в с. Онгудай. Торговые караваны шли несколько дней от г. Бийска до с. Онгудая, затем почти столько же до китайской границы. По пути следования торговых грузов закладывались перевалочные пункты и купеческие заимки. Некоторые из них впоследствии превратились в крестьянские деревни, как, например, заимка бийских торговцев Хабаровых. В долине р. Чуи появилась торговая фактория – Кош-Агач, возникшая примерно в 1820-х гг. на месте торговых складов бийских купцов. Роль крупных перевалочных пунктов стали играть с. Шебалино, выросшее из купеческой заимки – склада, и поселок Онгудай, очень быстро превратившийся в крупное село.

Характер торговли между русскими, китайцами и монголами в течение всего досоветского времени обуславливался разными типами хозяйственного развития этих стран. Русские купцы везли в Монголию изделия обрабатывающей промышленности, а вывозили преимущественно продукцию сельскохозяйственного производства и охоты. Главными предметами вывоза из Монголии были сурковые шкурки, а также продукты охоты и скотоводства: верблюжья и овечья шерсть, козий пух, невыделанные шкуры домашних животных, пушнина, черный и зеленый чай. В первой половине XIX в. главным товаром, вывозимым из Монголии был сурок. Бийские купцы закупали до 300 тысяч сурковых шкурок, которые пользовались большим спросом на рынках европейской России и за рубежом. Встречный поток российских товаров был представлен

металлическими изделиями, железом, шерстяными и хлопчатобумажными тканями, галантереей выделанными кожами, в частности, высококачественной юфтью. Большим спросом у монгольских кочевников пользовалось русское серебро в слитках, у китайцев – панты. Впоследствии из-за снижения цен на российском рынке на сурковые шкурки, купцы из Монголии стали вывозить чай, а также мелкий и рогатый скот.

Непосредственным результатом русско-монголо-китайской торговли стало оживление экономической жизни в Горном Алтае, выразившееся в создании новых отраслей хозяйства, таких как мараловодство, извозного промысла. Началось втягивание местного русского и алтайского населения в товарно-денежные отношения. Крестьяне и оседлые алтайцы стали прокладывать дороги между населенными пунктами. На отдельных участках Чуйского торгового тракта уже во второй четверти XIX в. были устроены колесные дороги, а население притрактовых сел и деревень охотно занимались выгодным извозным промыслом.

Таким образом, в заселении и хозяйственном освоении Горного Алтая в первой половине XIX в. произошли важные изменения, связанные с возникновением целого ряда оседлых поселений, транзитной русско-китайской торговли и деятельностью Алтайской духовной миссии. Основной формой стихийного русского заселения оставалась заимка.

Глава 3. Кабинетская политика в Горном Алтае во второй половине XIX – начале XX вв.

1. Переселенческая политика в Горном Алтае во второй половине XIX в.

Во второй половине XIX в. в связи с быстрым социально-экономическим развитием России в экономической жизни и социальной структуре Алтайского округа произошли коренные изменения, связанные в первую очередь с массовым притоком переселенцев из европейской России и значительным перемещением населения внутри округа.

Крестьянская реформа 1861 г. заставила Кабинет обратить внимание на переселенческий вопрос, так как отмена крепостного права вызвала массовое переселение крестьян из европейских губерний в малолюдную Сибирь. Как правило, переселенцы стремились закрепиться на богатых кабинетских землях Алтайского горного округа, с его богатыми черноземами и более мягким климатом по сравнению с другими сибирскими регионами. Алтай во второй половине XIX в. быстро превратился в один из основных районов народной колонизации страны. Здесь можно было с успехом заниматься пашенным земледелием, скотоводством, торговлей, золотодобычей, сбором кедрового ореха, рыбной ловлей и другими видами хозяйственной деятельности. В Горном Алтае к тому же существовали прекрасные условия для пчеловодства, на альпийских и субальпийских лугах можно было заниматься мараловодством, коневодством, разведением крупного рогатого скота.

Непосредственно после отмены крепостного права в Алтайском округе происходило свободное передвижение местных крестьян, но после наделения их землей передвижение затруднялось. До 1865 г. причисление переселенцев из европейской части России в Алтайский горный округ было ограничено и производилось только в две государственные волости. Что касается Горного Алтая, то переселение на его земли в законодательном порядке не разрешалось. В первое пореформенное десятилетие вся масса переселенцев направлялась в северные округа Томской губернии. Приток непосредственно в Алтайский округ поначалу был весьма незначительным. По официальным сведениям канцелярии Кабинета в южных округах Томской губернии, то есть на кабинетских землях с 1825 по 1878 г в Алтайский округ переселилось 9772 чел. Следует отметить, что данные цифры не дают верного представления о численности переселенцев, которая на самом деле была гораздо больше. Огромные незаселенные пространства плодородных земель Алтая привлекали крестьян из разных регионов России¹. В 1860 – 1870 гг. XIX в. в переселенческом движении на Алтай принимали участие крестьяне из 30 губерний, число их составляло чуть более 25 тыс. душ мужского пола². Но в Горный Алтай от этого числа попадала только незначительная часть переселенцев.

¹ Михайлов В.П. Указ. соч.

² Там же.

Хлынувший поток переселенцев потребовал законодательного упорядочения этого процесса со стороны императорского Кабинета и правительства. Генерал-губернатор Западной Сибири сообщил министерству императорского двора о том, что он получает много письменных просьб от государственных крестьян европейской части страны и Сибири о разрешении им переселиться на Алтай. Кабинет признал для себя необходимым обсуждение этого важного вопроса. Министерство Императорского двора представило в Кабинет министров докладную, представляющую проект закона о правилах переселения в Алтайский горный округ, который был утвержден 30 июля 1865 г. как «Положение» Комитета министров». Данное «Положение» 1865 г. стало первым законодательным актом переселенческой политики Кабинета на Алтае.

По принятому закону переселенцам разрешалось причисляться к существовавшим сельским обществам при согласии старожилов, от которых они получали документ, разрешавший им проживание – так называемый приемный договор, или создавать новые селения с соответствующими сельскими обществами на пустолежащих землях из кабинетского фонда свободных земель, не вошедших в старожильческие наделы. Такие села стали именоваться переселенческими поселками.

Получив на руки приемный приговор, переселенцы становились равноправными членами сельских обществ. Они приобретали такие же права и обязанности по отношению к Кабинету, как и старожилы. Поселявшиеся на переселенческих участках получали по 15 десятин земли на одну мужскую душу на тех же правах и с теми же ограничениями, как и остальные крестьянские дворы округа. По кабинетским правилам для полного заселения переселенческого поселка требовалось, чтобы на одну душу мужского пола приходилось не менее 18 дес. земли на случай последующего допринятия. Причисленные переселенцы платили, как и остальные алтайские крестьяне, 6-рублевый оброк. Из них 4,5 руб. поступало Кабинету и 1,5 руб. – казне. Уплата денежного оброка была обусловлена тем, что после 1861 г. все земли, леса и недра Алтайского горного округа продолжали оставаться царской собственностью, которой управлял Кабинет. Непричисленные переселенцы оброк не платили. В экономических интересах Кабинета было упорядочение переселенческого движения обширных пространствах округа, что повысило бы доходность кабинетского хозяйства в целом. Но Кабинет, озабоченный состоянием горного дела, пришедшего во второй половине XIX в. в полный упадок, обращал внимание на переселенческий вопрос только тогда, когда уже требовалось безотлагательное вмешательство после неоднократных напоминаний и просьб администрации округа.

По сведениям, западносибирского губернского чиновника И.Ф. Бабкова, руководившего в 1869 г. работами по постановке пограничных знаков между Россией и Китаем в горах Южного Алтая, последним пунктом русского освоения Алтайских гор с южной стороны была деревня Черневая. Ее основали в 1865 г. выходцы из Пермской губернии. Население деревни составляло 60 человек, включая женщин и детей. Место, выбранное крестьянами для поселения, было богато лесами, пахотной землей, лугами, удобно для пчеловодства. В 1868 г.

крестьяне получили с каждой десятины до 1000 снопов, что составило 200 – 250 пуд. Зерна. Здесь с большим успехом крестьяне выращивали различные овощи, в том числе арбузы, дыни. Несмотря на то, что земледелие и строительство жилых домов, а деревня не успела еще отстроиться, отнимали много времени, крестьяне с большой выгодой для себя занимались пчеловодством. В 1869 г. у них было 120 ульев, с которых получали по 1 пуду меда и 1 фунту воска с каждого. Мед и воск крестьяне Черневой сбывали приезжим купцам по цене 3 – 4 руб. за один пуд меда и 20 руб. за пуд воска¹. По сведениям И.Ф. Бабкова дальнейшая русская колонизация ушла к верховьям Бухтармы. Помимо деревни Черневой в горах Южного Алтая возникли другие большие русские поселения такие как с. Медведка, дер. Таловка и другие. Русское заселение гор Южного Алтая достигло горного хребта Чиндогатуя и урочища Арчаты.

Таким образом, переселенческая миграция в 1860 – 1870 гг. постепенно продвигалась со степных пространств Алтая на юг к горам по рекам: Катунь, Каменке, Песчаной, Аную, Убе, Ульбе, Бухтарме, охватывая территорию Горного Алтая как бы полукольцом, и проникая в его западную и северную части по долинам рек: Чарыша, Коксу и в южную часть по Бухтарме и ее притокам другим.

Таким же путем происходило и расширение казачьих поселений на Южном Алтае. Здесь российским властям удалось добиться от Китая серьезных уступок по ряду спорных территорий. Так, по Пекинскому трактату 1860 г. Верхне-Бухтарминская долина отошла к России. Работы по описанию местности и картографические съемки в этом районе длились работ несколько лет. Первый пограничный знак был установлен у пикета Укок, ставшим российским. В 1864 г. Чугучакский договор впервые обозначил русско-китайскую границу от Алтая до Тянь-Шаня. Новое уточнение границы произошло по русско-китайскому Санкт-Петербургскому договору в 1881 г.

После уточнения и проведения новой русско-китайской границы в Южном Алтае по договору 1864 г., по которому вся долина Верхней Бухтармы отошла к России и вошла в состав кабинетских земель Алтайского горного округа, началось освоение казаками этой территории Алтая. Уже в 1871 г. здесь возникла казачья станица Алтайская, неподалеку от нее в урочище Катон-Карагай расположился казачий пост. Другим крупным казачьим поселением стал поселок Урыльский, расположенный в 57 верстах от ст. Алтайской. От верховий Бухтармы, пересекая хребет Южный Алтай и Чуйскую степь, протянулась кордонная линия, состоявшая из пикетов: Юстыда, Укока, Чингистайского, Чиндогатуйского и других. Во время осложнения русско-китайских отношений в начале 1880 гг. кордонная линия на Южном Алтае была укреплена большим отрядом под командованием генерала И. Нарского. Отряд Нарского охранял российские рубежи и алтайское население от грабежей киреевцев, нападавших с территории Китая в летнее время.

¹ Бабков И.Ф. Сведения о Верхне-Бухтарминской долине //Известия ИРГО Т. 5. Отдел 2. – С.206.

Численность населения казачьих поселков быстро росла. В 1876 г. в станице Алтайской было 56 дворов с 290 душами. Из них 286 являлись казаками. В Урыльском поселке насчитывалось 80 дворов с 419 жителями. Спустя десять лет, в 1890 гг. численность населения пос. Урыльский составляла уже около 600 чел., включая, 280 мужчин и 277 женщин. Но следует отметить, что условия жизни в казачьих поселениях и пикетах были тяжелые. Так Урыльский надел на $\frac{3}{4}$ состоял из лугов, каменистой почвы и леса; пашенных земель здесь не хватало. Для привлечения населения казачьи власти старались развивать инфраструктуру, они прокладывали дороги, строили школы, училища, церкви, госпитали. Так, в названных селах были училища: в Урыле поселковое, в ст. Алтайской – женское и мужское станичные училища. В Алтайской станице к тому же находились почтовое отделение, лесничество, ветеринарный пункт. Здесь же располагалась 1-я сотня 3-го Сибирского казачьего полка, в остальных поселках: Урыле, Катон-Карагае размещались казачьи отряды, в Чингистае и Чиндогатуе – небольшие пикеты. Так, казачий пикет Чиндогатуя состоял из двух человек. Поскольку условия жизни на плато Укок и в других местах где располагались пограничные кордоны, были очень суровыми, то служившие на границе казаки сильно страдали от постоянного холода, пятидесятиградусных морозов в зимнее время. К тому же они постоянно недоедали, питаясь только чаем и сухарями. К началу XX в. резиденция пограничного отряда Укока была переведена в Кош-Агач. По реформе 1899 г. на Чиндогатуе и Укоке помимо военных были созданы таможенные пикеты.

Следует отметить, что казаки помимо несения военной пограничной службы и охраны границ в Горном Алтае, выполняли множество других функций. Они охраняли торговые караваны, сопровождали путешественников и научные экспедиции, были проводниками, участвовали в строительстве дорог.

Поначалу крестьянское переселение на Алтай и в его горную часть имело ограниченные размеры, но с проведением Уральской, Оренбургской, Самаро-Уфимской железных дорог и установлением льготных железнодорожных тарифов миграционное движение из года в год стало увеличиваться. В первую очередь, заселялись степной, лесостепной, и предгорный районы Алтая – это Барнаульский округ, северная часть Бийского округа, Змеиногорский край, Рудный Алтай. По официальным данным, в 1870-х гг. многие переселенцы записывались в барнаульские и бийские мещане. Многие переселенцы из числа являвшихся по паспортам на короткий срок в Алтайский округ, сначала выбирали понравившееся им место. Через несколько лет они начинали хлопотать о приписке к тому или иному сельскому обществу. Переселенцы зачастую шли на собственный страх и риск, терпя при этом физические лишения и материальные затраты. Это было связано с определенной установкой Кабинета в переселенческом вопросе. Разрешив поселение на свои земли, Кабинет при этом, сделал ставку на крепкого хозяина-земледельца, способного без посторонней помощи, без льгот, кредитов и ссуд обзавестись прочным хозяйством. Переселенцы-бедняки на кабинетских землях были нежелательным явлением.

Исключительные природные условия округа, его земельные и лесные богатства, широкие возможности для промысловой деятельности и собственное трудолюбие с лихвой вознаграждали крестьян-переселенцев. Поэтому, как указывали ведомственные издания, переселенцы на Алтай шли с необыкновенным упорством, искали новые места¹. Постепенно волны переселенческого движение доходили до алтайских предгорий и дальше в горы южной части округа. Стремление европейских крестьян переселиться в Алтайский округ было настолько сильным, что окружной и губернской администрации было трудно контролировать и направлять потоки переселенческого движения на кабинетских землях. Сложность положения заключалось еще и в том, что в Управлении Алтайским округом не было точных сведений о числе прибывших. По официальным данным, с 1860 г. до 1884 г. в округ переселилось дол 100 тыс. душ мужского пола, которым было предоставлено из кабинетского фонда около 11.5 млн. дес. земли. Поток переселенцев между тем нарастал, новым жителям округа требовалась земля. По сведениям статистического комитета Алтайского округа, в 1894 г. на Алтае была образована 212 переселенческих участков общей площадью 108845 дес. земли. Что касается статистики переселений в Горный Алтай, то можно сделать вывод, что общее количество переселенцев в эту часть округа было крайне незначительным.

Кабинет и его администрация одинаково относились к двум категориям переселенцев: размещенным на свободных землях и в старожильческих поселениях. Но их фактическое положение было различным. Не все прибывшие на Алтай могли сразу же вести самостоятельное хозяйство, приобрести необходимый земледельческий инвентарь и рабочий скот. Поэтому переселенцы предпочитали приселяться к старожилам, которые обеспечивали их дополнительными источниками существования, давали займы семена, сельскохозяйственные орудия труда, лошадей для пахоты, могли продать сено, дешевый рабочий скот, сельскохозяйственный инвентарь. Недаром, в официальных изданиях отмечалось, что переселенцы «как мухи на мед льнули к старожилам, потому что только в старожильческих селениях они находили достаточно крепкую экономическую базу вселения». Поначалу старожилы довольно лояльно относились к своим новым соседям. Но появление новых мигрантов из европейской России приводило к земельным стеснениям крестьян-старожилов. К тому же упорное стремление переселенцев закрепиться именно в старожильческих селениях без согласия жителей вело к земельной неустроенности новопоселенцев. В 1890 г. число таких переселенцев достигло 100000 душ мужского пола.

Нужно отметить тот факт, что переселенцы для старожилов являлись дешевой рабочей силой. Старожилы были заинтересованы в поселениях на землях сельского общества новых переселенцев, так как оседая в старожильческих деревнях, они, как правило, попадали в зависимость к старожилам и вынуждены были работать на их полях и землях. В дальнейшем, с истечением срока поле-

¹ Краткий исторический очерк.

вых работ переселенцы подвергались изгнанию старожилами. Без приемного приговора общества они не могли пользоваться земельными угодьями и не имели на них никаких прав. Вследствие этих процессов число нелегальных переселенцев в округе увеличилось и составило в 1890-х гг. приблизительно 100000 душ. На такое положение переселенцев обратил внимание начальник Алтайского округа Н.А. Журин, который обратился в Кабинет с ходатайством о принятии мер к устройству быта переселенцев. В итоге, в феврале 1894 г. была создана особая комиссия по выработке проекта по вопросу устройства старожилов и переселенцев на землях Кабинета. В разработанный Кабинетом проект о землеустройстве крестьян были включены вопросы, касающиеся землеустройства коренного населения Горного Алтая, которое тоже нуждалось в урегулировании земельных отношений.

Следует отметить, что в горно-таежные районы округа, то есть в Горный Алтай, крестьяне переселялись неохотно. Не боялись гор только выходцы из Пермской, Вятской и других северо-восточных губерний европейской части страны, привыкшие к жизни в горах у себя на родине, а также сибиряки, не павшие перед суровыми природными условиями горного края. Другим же переселенцам было трудно приспособиться к необычному для них горно-таежному ландшафту Горного Алтая с его поясной зональностью¹. Сдерживающим фактором крестьянского переселения в Алтайские горы была патерналистская политика гражданских властей, горного начальства и Алтайской духовной миссии.

Переселение на земли Алтайского округа регулировалось законодательным актом 1865 г. Но данный закон ничего не говорил о возможности заселения Алтайских гор. Самовольное освоение территории Горного Алтая в эти годы русским населением происходило, как и в предыдущие времена, заимочным способом, позволявшим крестьянам быстрее приспособиться к окружающей среде и наладить контакты с местным населением. Одним из способов налаживания мирных отношений с коренным населением была уплата арендных платежей. Освоение Алтайских гор происходило заимочным способом. Крестьяне основывали в горных долинах заимки для занятий скотоводством, пашенным земледелием и пчеловодством, затем к ним присоединялись другие переселенцы. Так возникали небольшие населенные пункты от 1 до 5 дворов. Заимочный способ поселения позволял русским крестьянам быстрее приспособиться к окружающей горно-таежной среде и наладить контакты с местным населением.

Стихийная форма миграции русского населения в горную часть Бийского уезда сдерживалась кабинетскими запретами дореформенного времени, в том числе распоряжением 1831 г. Кабинет, разрешив законом 1865 г. добровольное переселение на Алтай, не обратил внимания на необходимость упорядочения стихийного переселенческого движения в горную часть округа. Это привело к некоторому обострению земельных отношений между народами, проживающих на территории Горного Алтая. Считая свои земельные права нарушенными, ал-

¹ Мукаева Л.Н. Заселение и хозяйственное освоение русским населением Горного Алтая в досоветское время. – С.43.

тайцы обращались с жалобами в административные и судебные учреждения. Администрация округа в бессистемном расселении крестьян и промысловиков в Алтайских горах тоже видела нарушение экономических интересов своего ведомства и пыталась обложить арендой русских поселенцев в свою пользу. Это вызывало недовольство местных зайсанов, и они начинали требовать восстановления своих прав. Полицейские власти отказывались выселять русских крестьян и мещан, ссылаясь на статьи 1298 и 1310 Устава Гражданского судопроизводства. Судебно-мировые учреждения отказывали в исках кабинетской администрации, поскольку эти земли находились в «инородческом» пользовании. В результате, процесс стихийного заселения Алтайских гор продолжался, а путаница в земельных отношениях увеличивалась. Интересы переселяющихся в Горный Алтай крестьян и промысловиков попыталась защитить томская администрация.

Увеличение численности переселенцев в 1870-х гг. заставило кабинетскую и гражданскую администрацию поставить вопрос о более планомерном расселении мигрантов на всей территории округа, включая его горные районы. Инициатива в данном случае принадлежала томской губернской администрации. Тогда же встал вопрос о заселении русским населением и территории Горного Алтая. Поводом к этому послужили поступавшие в канцелярию томской губернской администрации многочисленные заявки от крестьян алтайский предгорий о разрешении им переселиться в плодородные речные долины.

Для того, чтобы на месте ознакомиться с действительным положением вещей, томский губернатор Н.М. Супруненко в 1873 г. совершил поездку по Горному Алтаю с целью выяснения вопроса о возможности его колонизации¹. В Алтайских горах губернатор побывал практически во всех селениях, в том числе и в русских селах и на крестьянских заимках. Практическим итогом его экспедиции явилось определение мест под возможные переселения. Тогда же была уточнена граница горного края, впервые была определена площадь алтайских кочевий и всего Горного Алтая. По приблизительным подсчетам общая площадь Горного Алтая составила 7800000 дес. земли. По итогам своего обследования он пришел к выводу о наличии свободного фонда колонизационных земель и возможности заселения данной территории русским населением, прибывающим на кабинетские земли Томской губернии. Томский губернатор счел крестьянские просьбы о разрешении переселиться в горные долины вполне обоснованными, принимая во внимание то, что сельские общества предгорных селений испытывали земельную тесноту. В них на одну ревизскую душу приходилось в среднем по 7 дес. земли, в то время как по всем нормам общероссийского и сибирского законодательства требовалось не менее 15 десятин на одну мужскую душу.

В 1874 г. Н.М. Супруненко поставил перед генерал-губернатором Западной Сибири Н.Г. Казнаковым вопрос о необходимости заселения речных долин по среднему и верхнему течению Катуня. Он писал, что ему каждый год посту-

¹ Михайлов В.П. Указ. соч.

пает множество прошений от крестьян о разрешении переселиться на «лежащие впусе» земли Горного Алтая. Н.Г. Казнаков обратился с аналогичными предложениями к министрам внутренних дел и Императорского двора. Министры в свою очередь, передали этот вопрос на рассмотрение администрации Алтайского округа. Горное начальство согласилось с предложениями томского губернатора, посчитав, что они не противоречат экономическим интересам Кабинета. Кроме того, кабинетская и губернская администрация в своих решениях руководствовалась соображениями укрепления южной границы округа русским населением и необходимости социально-экономического развития горного края.

Вся вторая половина 1870-х гг. прошла в согласовании центральными и местными учреждениями деталей законопроекта о переселении в Алтайские горы. Разработкой законопроекта занималась западносибирская администрация под личным руководством губернатора Н.Г. Казнакова. Он, желавший ускорить экономическое развитие вверенного ему региона, никогда не выпускал из вида Горный Алтай, который, по его мнению, более чем другие районы Алтая нуждался в хозяйственном освоении и внимании властей. Понимая, что организованному движению на земли отдаленного и труднодоступного края должен предшествовать ряд мероприятий социального и экономического характера, Н.Г. Казнаков привлек к выполнению данной сложнейшей задачи томскую администрацию и научные силы Западной Сибири. Он поручил томскому губернатору Н.М. Супруненко решить вопрос о создании в горной части Алтая сети колесных дорог. Губернатор при содействии кабинетских властей округа удалось добиться от местного русского и алтайского населения того, что оно своими силами проложило колесные дороги на сотни верст от с. Алтайского до Абая и Онгудая между долинами Чарыша и Урсула, соединив, таким образом, Центральный Алтай с предгорьями.

Западно-Сибирскому отделу Русского географического общества Н.Г. Казанков поручил выяснить состояние русско-китайской торговли через территорию Горного Алтая. Особенно губернатора интересовал Чуйский тракт как главная коммуникация в деле установления более прочных и обширных торговых отношений с Северо-Западной Монголией и через нее с Китаем. Понимая, что благодаря торговле Горный Алтай в будущем приобретет большое экономическое значение и, желая приблизить это время, Н.Г. Казнаков намеревался даже создать новую административную единицу в Алтайском округе из срединной части Алтая с центром в Онгудае. В целях выяснения возможностей лучшего осуществления задуманного он дал задание Западносибирскому отделу ИРГО и Н.М. Ядринцеву изучить несколько вопросов. Губернатор поручил выяснить общее состояние торговли между Россией и Китаем через территорию Горного Алтая и исследовать быт алтайских кочевников и представить статистические данные по переселенческому движению русского населения в Горный Алтай. Выполняя социальный заказ западносибирского генерал-губернатора, Н.М. Ядринцев посетил Алтай и его горную часть дважды: в 1878 г. и 1880 г. Он самым внимательным образом изучил пути и формы проникновения

переселенцев в Алтайские горы и дал обстоятельный анализ народонаселения Горного Алтая, его хозяйственных занятий и промыслов. Вывод ученого сводился к следующему: хозяйственное освоение русским населением земель Горного Алтая не только возможно, но и полезно для его экономического развития. Он писал о необходимости заселения правой стороны р. Катунь¹. При этом Н.М. Ядринцев сам лично убедился, как далеко русские поселения прошли вглубь инородческих земель Алтая. «В самых сокровенных долинах Алтая по направлению к высочайшим горам и в районах калмыцких земель» Н.М. Ядринцев встречал не только «разбросанные заимки русских крестьян, но и целые селения»^{2, 13}. Ученый отмечал, что на всех жителях Горного Алтая лежит печать влияния гор и борьбы с природою, даже «женщины здешние отличаются редким мужеством и отвагой». Анализируя переселенческое движение, он пришел к выводу, что заселение Горного Алтая происходило различными путями: через освоение территории горными заводами, заселение труднодоступных горных районов старообрядцами, продвижение к югу казачьих линий, поселков, форпостов, пикетов, передвижение местных сибирских крестьян из степных и лесостепных районов в предгорья и горы³. Так, писал он, образовалась деревня Уймон. В последнее столетие «успех заселения» Горного Алтая «весьма значителен» указывал Н.М. Ядринцев⁴. К этим выводам ученого следует прибавить, что заселению Горного Алтая способствовала русско-китайская торговля.

Официальное разрешение на земли Горного Алтая выходцами из европейской части страны и другими мигрантами последовало спустя несколько лет. Подготовленный проект о переселении в горную часть округа был утвержден в 1879 г. министрами Императорского двора и внутренних дел в виде особых «Правил заселения Горного Алтая». Согласно «Правилам 1879 г.» право на заселение земель Горного Алтая распространялось на всех российских подданных православного вероисповедания. Что касается крестьян округа, то им разрешалось переселяться в горы только в тех случаях, когда в их пользовании имелось менее 15 десятин земли на одну мужскую душу. Таким образом, закон оказался ориентированным не на внутренних мигрантов округа, а на выходцев из европейских губерний страны. Выбор участков под поселение предоставлялся самим переселенцам. На переселение в горный край обязательно нужно было получить разрешение Алтайского Горного правления. На последнее возлагалось обмежевание и отвод земельных участков для лиц, получивших официальное разрешение. Размер надела определялся в 18 десятин из расчета по 15 десятин на одну наличную душу и 3 десятин на допринятие. На причисленных переселенцев распространялись действующие в округе общие правила пользования угодьями. По настоянию горной администрации в «Правилах 1879 г.» был закреплен пункт, по которому запрещалось переселение крестьян в районы

¹ Отчет ЗСоРГО за 1878 г. Омск, 1878. – С.71.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

с существовавшей или предполагаемой в будущем золотодобычей. По пункту 13 «Правил» 1879 г. переселенцы из губерний Европейской России освобождались от уплаты податей сроком на три года, но при этом они были обязаны выплачивать оброк в пользу Кабинета. На остальных крестьян, в том числе и на жителей округа, переселяющихся в Горный Алтай, никакие льготы не распространялись.

Министр Императорского двора предложил действие «Правил» 1879 г. ограничить трехлетним сроком, после чего с учетом полученных данных о ходе заселения их пересмотреть и с новыми исправлениями и дополнениями представить на окончательное утверждение. Но так не получилось. Применение «Правил» 1879 г. на практике сразу же столкнулось со значительными затруднениями. Камнем преткновения стал пункт 13 о льготах для переселенцев. Оказалось, что по ранее принятому закону от 30 июля 1865 г. никакие льготы для переселенцев в Алтайский округ не полагались. Между центральными и местными учреждениями по этому поводу завязалась переписка. Западносибирский генерал-губернатор в 1880 г. просил министра внутренних дел добиться введения в действие пункта 13 «Правил 1879 г.» хотя бы в качестве временной меры на срок действия последних. Министры внутренних дел и финансов обратились с соответствующими запросами к министру Императорского двора. Последний отложил решение проблемы до окончания работы комиссии Н.М. Ржевского, ревизовавшей кабинетское хозяйство на Алтае в 1882 г. Но в связи с проведением более важных для Кабинета преобразований в управлении округом и хозяйственных реформ в кабинетской промышленности проблема заселения Горного Алтая больше не поднималась ни Кабинетом, ни правительственными кругами. Вопрос о льготах для переселенцев вместе с вопросом о новых правилах переселения в горную часть округа был отложен до разработки закона о землеустройстве на кабинетских землях. В течение этого времени продолжали действовать «Правила заселения Горного Алтая» 1879 г.

Согласно «Правилам» 1879 г. желающим переселиться в Горный Алтай для заселения предлагались 26 переселенческих пунктов, намеченных еще Н.М. Супруненко во время его поездки по Алтайским горам в 1873 г. Они располагались по двум трактам Горного Алтая: Чуйскому и Уймонскому. Из них 16 находились по Чуйскому тракту: Топучая, Теньга, Туехта, Онгудай, Хабаровка, Усть-Иня, Купчегень, Усть-Чуя, Иодро, Салкандар, Айгулак, Сарытума, Курай, Колконор, Кош-Агач, Сальджар. Остальные 10 располагались по Уймонской дороге: Черный Ануй, Белый Ануй, Келей, Усть-Кан, Кырлык, Тюдрала, Ябоган, Абай, Тюгурюк. В общей сложности, в переселенческих поселках администрация округа и губернии намеревалась разместить около 1500 человек¹. Кроме крестьян в переселенческие поселки зачислялись мещане, новокрещенные алтайцы и другие лица, не терявшие прежних прав состояния. По мысли авторов «Правил 1879 г.» выбранные переселенческие участки должны были соединить существовавшие в горах русские поселения, миссионерские

¹ ГААК. Ф.3. Оп.1. Д. 514. Л.1 – 11.

поселки, Чуйскую и Курайскую степи с населенными местностями Бийского уезда¹. Заселением таких мест гражданские власти Томской губернии и Западной Сибири хотели положить конец экономической и социальной замкнутости Горного Алтая от остальных регионов Западной Сибири.

Подбирая места под заселение, губернская администрация рассчитывала, что переселенцы, занимаясь земледелием, скотоводством и другими видами хозяйственной деятельности, оживят экономическую жизнь края. В обозначенных местах переселенцам рекомендовалось заниматься земледелием, скотоводством, заводить сенокосы. В ряде мест, таких как Топучая, были прекрасные условия для пчеловодства и орехового промысла. Практически везде можно было охотиться, ловить рыбу. Выбор высокогорных Курайской и Чуйской степей под место жительства для русских переселенцев был продиктован тем, что здесь, по мнению Н.М. Супруненко, можно было заниматься в обширных размерах скотоводством. Значение переселенческих поселков оказалось неодинаковым. Так, в их число попали миссионерские станы и поселки, такие как Онгудай, Черный Ануй, Белый Ануй, с населением от 120 до 170 человек в каждом, торговые заселки, например, Хабаровка, расположенная на р. Ульгумень, и небольшие крестьянские заимки. Для других были выбраны совершенно безлюдные места по Чуе. Дополнить 51.

Из-за земельного изобилия в степном Алтае, где были самые хлебодородные места, желающих попасть в Горный Алтай было немного. По подсчетам ученых, из 134761 переселившихся из европейской части на Алтай за 1883 – 1893 гг. до Горного Алтая добралась только самая малая часть. В первую очередь, на плодородные земли речных долин Горного Алтая переселялись страдающие от малоземелья крестьяне алтайских предгорий, уже знакомые с горным краем. Они издавна наведывались в горы на охоту, рыбную ловлю, для сбора кедрового ореха. Переселенцы, как правило, стремились обосноваться на пустом месте, а в культурных центрах, какими являлись миссионерские станы и поселки. Многих переселенцев привлекал Онгудай, расположенный в просторной долине Урсула по Чуйскому торговому тракту. Не случайно, это село стало одним из самых крупных селений дореволюционного Горного Алтая. В Онгудае устраивались крупные ярмарки, в нем располагались миссионерский стан, церковь, школа, почтово-телеграфное ведомство, с 1890-х гг. еще и таможня. Здесь же жил алтайский заседатель. Недаром, это село С.П. Швецов называл центром Горного Алтая. В 1878 г. в Онгудае проживало 120 крещеных алтайцев, которые успешно занимались земледелием и скотоводством. В конце XIX в. из 126 хозяйств 50 уже были русскими².

Благоприятные условия для переселения были в западной части Горного Алтая, в таких селениях, как Черный Ануй и Белый Ануй с их обилием пахотных, сенокосных и лесных угодий. В процессе заселения разными группами населения они превратились в большие села. В них издавна сложился смешанный

¹ Михайлов В.П. Указ. соч. – С.62.

² Горный Алтай и его население. – С. 27.

национальный и конфессиональный состав населения. Здесь проживали кочевники-алтайцы, новокрещенные алтайцы, телеуты, казахи, русские старожилы, переселенцы и старообрядцы. В 1878 г. в Белый Ануй переселились 26 душ мужского пола из деревни Солдатовка Нижне-Чарышской волости. По данным официальной статистики в 1897 г. в селе насчитывалось 195 хозяйств. В связи с притоком переселенцев к концу XIX в. в Белом Ануе стал ощущаться недостаток пашенной земли. В Черном Ануе из 194 хозяйств 74 были переселенческими, из 113 инородческих хозяйств 107 являлись казахскими с общей численностью в 170 человек.

Смешанным был национальный состав в Тюдрале. В этом селе проживали алтайцы 2-ой, 3-ей, 4-ой дючин, казахи – выходцы из Семипалатинского и Усть-Каменогорского уездов, причисленные крестьяне, подчинявшиеся сельскому старосте Чечулихи. Такая социальная пестрота объяснялась общими этническими тенденциями, присущими всему Горному Алтаю и тем, что Тюдрала одновременно была миссионерским и переселенческим поселком. Поэтому каждая из социальных и этнических этих групп в административном отношении подчинялась своему управлению. Вследствие чего, констатировал С.П. Швецов, сложилась «удивительная путаница взаимных отношений на почве самоуправления и экономических интересов». Из русских первым в Тюдрале поселился крестьянин Колыванской волости Змеиногорского округа Шестаков с пятью сыновьями. К Шестакову стали приселяться и другие крестьяне из числа старожилов из селений Колыванской, Ануйской и других предгорных волостей. По данным переписи 1897 г. в Тюдрале насчитывалось 662 жителя, из них 387 были алтайцами и казахами, а 275 – русскими. Из последних 194 жителя, что составило 71%, прибыли из Томской губернии. Общая численность казахских хозяйств составляла 24 двора. В земельном отношении положение Тюдралы было таким же неопределенным, как почти во всех других переселенческих поселках Горного Алтая. Тюдралинцы считали своими землями все те, которые находились в пределах пятиверстного расстояния от селения.

В 1866 г. жители Чечулихи, братья Фоминых основали маральник, который стал основой дер. Талица. Следует отметить, что мараловоды сыграли большую роль в хозяйственном освоении этой части Горного Алтая. Благодаря им были созданы села Талица, Усть-Кумир, Санаровка.

Понемногу заселялись и другие переселенческие пункты. В 1879 г. о разрешении переселиться в Туехту просили 12 крестьян деревни Нижней Каменки Алтайской волости Бийского уезда: Ждановы, Воробьевы и другие. Горный Алтай был им знаком как место орехового промысла. Туехта им представлялась удобным местом для прочного домообзаводства. Кругом было много леса, в которых можно было заниматься кедровым и звериным промыслом, обилие кормовых трав для занятия скотоводством. По данным официальной статистики, в 1882 г. в Туехте проживало 36 русских семей, в 1897 г. насчитывалось 39 хозяйств и 39 жилых построек¹. В 1881 г. в дер. Топучей поселились две семьи.

¹ Там же.

Это были крестьяне Лукины из Барнаульского округа и Шагарины из Вятской губернии. О Горном Алтае им стало известно от орехопромышленников. Здесь же находились амбары скупщиков ореха и скотопромышленников Соколова и Махалова. К весне 1882 г. Топучая уже насчитывала 10 крестьянских дворов¹. В 1885 г. здесь появились две староверческих семьи: Колупаевы и Чечулины. Новый значительный приток переселенцев в Топучую произошел в 1896 г., когда сюда сразу водворилось 12 семей. В 1897 г. в поселке было 42 хозяйства и 50 жилых строений.

Переселенческие пункты Кырлык и Салкандар стали станциями. В Кырлыке, в котором власти планировали расселить до 30 русских крестьян, обосновался оседлый казах из Сарасинской управы И. Ермилов, которого местные алтайцы пригласили для содержания ямской станции. Новопоселенец быстро обзавелся хозяйством, построил дом-связь, небольшой кожевенный завод с производительностью 500 кож в год. Кроме него никто из старожилов и переселенцев не выразил желания поселиться на этом месте, которое больше подходило для занятия скотоводством, чем для земледелием.

Следует отметить, что заселение кабинетских земель Горного Алтая происходило постепенно. Крестьяне не бросали на прежнем месте жительства дом и хозяйство до тех пор, пока не обзаводились новыми. Те же черты миграционных процессов были характерны для всего Алтая. Прежде чем переселенческий пункт превращался в заселенный поселок, проходило много времени. Не все шло гладко. Некоторые переселенцы бросали уже освоенные места, потом снова возвращались.

По данным статистико-экономической экспедиции С.П. Швецова, исследовавшей южную горную часть округа в 1897 г., алтайское население срединной части Горного Алтая Хабаровки, Теньги, Купчегени неприязненно встретили крестьян-переселенцев. Губернская администрация планировала поселить на месте хабаровской заимки до 60 душ обоего пола, в Теньге – до 80 человек, в Купчегени – до 30 душ обоего пола. На деле вышло по-другому. Закрепиться удалось лишь немногим. Крестьяне жаловались С.П. Швецову, что местные жители употребляли все средства борьбы, чтобы выжить переселенцев. Они уничтожали огнем и потравой посевы, угоняли и резали скот, отнимали земледельческие орудия труда, не давали косить сено. Поэтому новопоселенцы переселялись в другие места, или вообще покидали горы. Так, первые основатели с. Хабаровки – это были коми-зыряне из Пермской губернии, побросали свои дома. В дальнейшем, заселение Хабаровой происходило более удачно. Сюда в 1884 г. переселились 30 старообрядцев во главе С.Т. Польшинным из с. Шульгина лога Алтайской волости. Шульгинские староверы были знакомы уже с этими местами, так как приезжали сюда на рыбную ловлю. В 1886 г. деревня уже насчитывала 14 дворов. В переселенческом пункте Купчегени, основанном на месте крестьянской заимки Куликова, поселились четыре крестьянских семьи, привлеченные сюда обилием плодородных земель, но две из них вынуждены

¹ ГААК Ф. 3. Оп. 1. Д. 514. Л. 2.

были вскоре уехать. В Теньге поселились четыре крестьянских семьи, которые сделали попытку закрепиться на новом месте. Они построили дома, обзавелись хозяйством, но из-за недоброжелательности местных жителей, которые табунами лошадей вытаптывали хлебные и другие посевы, вынуждены были бросить дома и освоенную землю.

В свою очередь, коренные жители жаловались на то, что русские переселенцы занимают их лучшие земельные и сенокосные угодья, оттесняя их в другие места. Из-за земель происходили постоянные столкновения крестьян и местных алтайцев в Эликмонаре. Этому прикатунскому селу в 1866 г. был отведен надел в 2195 дес. 2000 кв. саженой без точно обозначенных границ. «Главным источником раздоров» стали «земли по рчк. Куюм». Эти земли алтайцы считали своими, а крестьяне своими. Последние ссылались на межевые границы, которых в действительности не знали, первые на свою принадлежность к алтайскому народу, которому принадлежит вся территория горного края.

Еще в конце XIX в. С.П. Швецов указывал, что причины социальной напряженности, складывавшейся между русскими переселенцами и кочевниками, оседлыми алтайцами, казаками коренились в неопределенности земельного положения всех групп алтайского и русского населения. Причем споры о земле принимали хронический характер вследствие неопределенности прав земельной собственности и пользования угодьями.

Переселенческое движение имело одним из последствий увеличение крестьянских миграций внутри округа. Старожилы и переселенцы в поисках лучших условия жизни устремлялись на новые места.

Постоянной приманкой для крестьян алтайских предгорий, жители Степного Алтая сюда не шли, являлся Горный Алтай, богатый различными промысловыми угодьями и располагающий широкими возможностями для промысловой деятельности. Но проникновение в этот горный регион было разрешено только в рамках правил 1879 г. Однако поставить под контроль переселенческое движение в горы Кабинету и губернским властям не удалось. Часть крестьян устраивалась в самовольном порядке, вне переселенческих поселков. По данным начальника Алтайского округа В.П. Михайлова в 1890 гг. в черте Горного Алтая насчитывалось 20 русских поселений¹.

Трудности освоения русским крестьянство самой южной части Бийского уезда осложнялось общим ужесточением порядка переселения как в целом по стране, так и на Алтае в 1890-х гг. Это было связано с попытками правительства направить крестьянские миграции в организованное русло. Но никакие ограничения и прямые запреты не могли остановить поток желающих переселиться на богатые кабинетские земли Алтая. Число самовольных переселенцев особенно резко возросло после строительства Сибирской железной дороги. Кабинет был поставлен в такие условия, когда ему пришлось решать вопросы об открытии всех регионов Алтая для свободного поселения.

¹ Михайлов В.П. С.88.

В этих целях в 1897 г. в Горный Алтай была отправлена специальная статистико-экономическая экспедиция под управлением главного сотрудника Главного управления Алтайского округа С.П. Швецова. Экспедиция выясняла возможности образования в этом регионе нового колонизационного фонда округа. С.П. Швецов и его сотрудники исследовали переселенческие поселки, заимки русского и оседлого алтайского населения, быт и хозяйство кочевников. Тогда же был изучен опыт правительственной колонизации Алтайских гор.

Данные экспедиции показали, что из 26 переселенческих пунктов, образованными «Правилами 1879 г.» 12 оказались незаселенными. Правительственный план заселения русским населением долин Чуи полностью провалился. Никто не поселился в Курае и в других пунктах по Чуе из-за суровых климатических условий высокогорного района и невозможности для русского человека заниматься пашенным земледелием из-за отсутствия здесь пахотных земель. Никто не поселился в Курае, и во многих других пунктах, предназначенных для заселения по р. Чуе, из-за отсутствия и суровых природно-климатических условий. В Курае планировался небольшой переселенческий поселок с численностью до 25 душ мужского пола. Как выяснила экспедиция С.П. Швецова, опираясь на сведения местных теленгитов, за 20 лет с момента действия «Правил 1879 г.», никто из потенциальных переселенцев не явился для осмотра этой местности. В конце XIX в. по холодной Курайской степи, с очень коротким летом, когда в мае и в сентябре, выпадал снег, кочевало редкое алтайское население. Курайские теленгиты предпринимали, по словам С.П. Швецова, неудачные попытки возделывания хлеба. Но все посеы вымерзали. На самой степи отсутствовали сенокосы, но зато их было много по горам Курайского и Северо-Чуйского горных хребтов. С.П. Швецов писал, что создание пашенного земледелия на Курайской степи требует основательных опытов. Но главную причину того, что русский элемент не шел в высокогорные степи, С.П. Швецов видел в отсутствии колесного пути. С превращением Чуйского пути в колесный тракт Курай получал возможность стать важнейшим населенным пунктом, русские семьи, если таковые поселятся здесь, получают возможность заниматься извозным промыслом и дворничеством, то есть постоянными дворами. Но, относительно земледелия, то по выводам С.П. Швецова его развитие в Курайской степи было возможно только в очень ограниченных размерах.

В 1880 г. исследователь В. Брецинский, изучавший пути сообщения в Горном Алтае, сомневался в возможностях правительственной колонизации Чуи в виде переселенческих поселков. По его мнению, единственно оптимальным вариантом освоения Горного Алтая являлись заимки. В 1897 г. С.П. Швецов подтвердил вывод В. Брецинского. Он тоже отнес попытку крестьянской колонизации долин Чуи к числу «безусловно неудавшихся». На всем протяжении Чуи не возникло отдельного оседлого населения, хотя бы, по словам С.П. Швецова, «самого ничтожного». Глинистая сухая почва Чуйской степи с примесью гальки с очень «скудно» покрытой травянистой растительностью никак не годилась для земледелия. Единственным оседлым поселением на Чуйской степи являлся Кош-Агач, котрый как был, так и остался торговой факто-

рией бийских купцов, единственной на юге Западной Сибири. Вот как его описывал историк-путешественник Е.Ф. Шмурло. «Эта фактория, состоящая из разбросанных без всякого плана на версту и более построений»¹. Для Е.Ф. Шмурло Кош-Агач предстал складочным местом для товаров, экспортируемых из Монголии и обратно. В стационарных жилищах жили купцы, приказчики, работники. Во время отсутствия хозяев жилища оставались заколоченными. В доме купца Копылова располагалась волостная администрация. Кроме русских в Кош-Агаче проживали теленгиты, но их было немного. Торговое оживление в Чуйской степи начиналось в мае и декабре. Весной отправляли товары из Сибири, а зимой подвозили из Монголии².

По данным С.П. Швецова в Кош-Агаче насчитывалось 65 душ населения обоого пола. С.П. Швецов попытку заселить чуйские долины и высокогорные степи русским земледельческим населением оценил как абсолютно неудачную. Он предложил другую форму освоения чуйских долин путем создания небольших почтовых станций в 2 – 3 двора на Чуйском торговом тракте. По его мнению, это было бы самым простым способом привлечения русского населения на Чую. Источником существования населения в таком случае должен был стать извозный промысел, а не земледелие. Правительственная и кабинетская помощь в данном случае должна была состоять из денежной помощи, необходимой для обзаведения хозяйством и более высокой оплаты за содержание станций.

Что касается остальных 14 переселенческих поселков, то в 1897 г. их русское население составляло 1598 душ обоого пола вместе с старожилами. Некоторые поселки, такие Белый Ануй, Черный Ануй, Онгудай, Абай, Топучая, Тухта превратились в довольно большие селения. В Онгудае по данным С.П. Швецова численность русского и инородческого населения составила 522 души обоого пола, включая 268 мужчин и 254 женщин.

Остальные переселенческие поселки развивались крайне медленно. По материалам обследования 1897 г. видно, что наиболее успешно переселение осуществлялось в миссионерские поселки. По мнению С.П. Швецова, процесс переселения русского населения в Алтайские горы тормозило отсутствие развитой системы путей сообщения. С.П. Швецов писал, что населенные пункты по выше с. Шебалино приобретут значение, когда будет открыт колесный путь до Кош-Агача, а население получит возможность заниматься извозным промыслом и организацией постоянных дворов.

Между Онгудаем и Кош-Агачем на расстоянии 250 – 255 верст экспедиция С.П. Швецова зафиксировала всего три переселенческих поселков. Это Хабаровка, в которой насчитали 94 душ обоого пола, из них 47 мужчин и 47 женщин: заимка Куликова, или Купчегень, в ней было 13 душ обоого пола: 5 мужчин и 8 женщин. За Катунью по рчк Ине расположился маленький переселенче-

¹ Шмурло, Е.Ф. Описание пути между Алтайской станицей и Кош-Агачем в Южном Алтае // [Текст]: Е.Ф. Шмурло // Записки ЗСОИРГО. Кн. XXIII. – Омск, 1898 – С. 1 – 48.

² Там же.

ский поселок Иня, с численностью 7 душ обоего пола, из них 2 мужчин и 3 женщины. Здесь находится православный молитвенный дом. От Ини до Кош-Агача на расстоянии 170 – 175 верст не было ни одного оседлого пункта. Чуйские теленгиты располагались, в основном, по долинам многочисленных речек, впадающих в Чую, где занимались скотоводством и охотой. Охотничьему промыслу способствовало обилие лесов, которыми были покрыты ближайшие и далекие к Чуе горы. Небольшие пашни в «ничтожных размерах не превышающих несколько десятин» С.П. Швецов нашел только возле Иодро и Чибита. Выше Чибита до самой китайской границы экспедиция 1897 г не обнаружила никаких признаков земледелия.

Распределение переселенцев по поселкам было далеко неравномерно. В 4 поселках (Кош-Агач, Верхний Келей и др.), составлявших 28,6% от их общей численности, переселенцы так и не появились. В пяти поселках: Топучая, Хабаровка, Юстик и Усть-Кан и др., переселенческих хозяйств насчитывалось менее 10 в каждом. В трех поселках: Онгудае, Абае, Тюдрале – их доля от общей численности переселенческих поселков составляла 21,4 %, процент переселенцев составлял от 10 до 30%. В Белом Ануе и Черном Ануе число переселенцев было более 50% в каждом. Так, в Белом Ануе насчитывалось около 75 переселенческих хозяйств.

По данным экспедиции 1897 г. в 14 переселенческих поселках проживало 5148 душ обоего пола, включая 2665 мужчин и 2533 женщин, на 1024 хозяйства. Русское население являлось разнородным по сословному признаку и состояло из крестьян, мещан, купцов. Купцов и мещан больше всего было в Онгудае.

Этнический состав горно-алтайских переселенцев был довольно пестрым. В Центральный Алтай переселялись не только русские, но и оседлые алтайцы из северной части Горного Алтая, выходцы из Кузнецкого края, казахи. Последные предпочитали селиться в таких селах, как Черный Ануй, Турата, Тюдрала, Онгудай. Как видно из данных таблицы, Коренные жители занимали первое место по числу хозяйств и второе по числу населения.

Общую численность всего населения Горного Алтая С.П. Швецов определил в несколько десятков душ мужского пола. Русское население переселенческих поселков насчитывало 649 хозяйств с 3627 душами. Из них выходцы Томской губернии составляли 48,6% от общего числа переселившихся. Значительным был процент поселенцев из таких регионов Западной Сибири, как Тобольская губерния и Семипалатинская область. Экспедиция С.П. Швецова подтвердила тот факт, что в горные места предпочитали селиться коренные сибиряки. Опыт переселенческих поселков Горного Алтая убедил С.П. Швецова в том, что центральной фигурой переселения в Алтайские горы должен стать сибиряк. Главными занятиями, как старожилов, так и вновь переселившихся, становились земледелие и многоскотное скотоводство, пчеловодство¹.

¹ Горный Алтай и его население. Т.1. Вып. 1. – С. 21 – 56.

В целом, выводы экспедиции 1897 г. сводились к следующему:

– основной фигурой переселения в Горный Алтай должен стать сибирский самостоятельный и зажиточный крестьянин;

– так как столкновения алтайцев-кочевников с русскими крестьянами, оседлыми алтайцами и казахами носят хронический характер вследствие неопределенности прав земельной собственности и землевладения и пользования угодьями, то необходимо земельное устройство для всех групп населения. Этого же требовали интересы не причисленных крестьян и самого Кабинета.

В начале XX в. социальный состав переселенцев, прибывших на земли Алтайского округа и следовательно Горного Алтая значительно изменился. Если раньше кабинетские земли заселяла наиболее самостоятельная часть крестьянства из европейской России и с казенных земель Тобольской и Томской губерний, то со временем на эти земли стала переселяться середняки и бедняки. В ходе алтайского землеустройства старожилов и переселенцев предполагалось каждого наделить землей по 15 десятин, а коренное население должно было получить по 18 десятин земли на одну мужскую душу. Но эти меры не решили полностью земельного вопроса применительно к переселенцам. Вследствие этих причин переселенцы и старожилы вынуждены были арендовать земельные участки у Кабинета. В 1890 г. на таких участках, включая статистику по Горному Алтаю, вынуждены были осесть почти 76 % от общего числа переселенцев.¹⁴

Впоследствии, число переселенцев, селившихся в предгорьях и на свободных участках Горного Алтая, постоянно увеличивалось. По данным официальной статистики в конце XIX – начале XX в. в «калмыцких стойбищах» образовалось 3 многолюдные волости с русским населением.

Таким образом, во второй половине XIX в. русское население частично заселило и освоило некоторые районы Горного Алтая, преимущественно в его северной, северо-восточной частях, не считая старообрядческих общин, издавна образовавшихся в Уймонской и других долинах. В Горном Алтае сложился определенный социально-психологический и культурологический тип русского крестьянина-земледелца существовавшего в особых природных условиях горно-таежного Алтая, и влиявшего на кочевое, полукочевое инородческое население. В пореформенное время часть крестьян переселялась в Горный Алтай самовольно. Другие пытались переселиться согласно кабинетским и губернским правилам. В переселенческой политике в Горном Алтае во второй половине XIX в. выбранный курс организованного переселения себя не оправдал. Двадцать лет действия «Правил 1879 г.» показали, что крестьяне Европейской России не стремились к освоению Алтайских гор, для них предпочтительнее были равнинные местности округа. В горы шли в основном жители алтайских предгорий и сибирские старожилы. Последние же организованному процессу переселения предпочитали вольное заселение заимочным способом.

2.2. Хозяйственное освоение русским населением Горного Алтая в досоветское время

Во второй половине XIX в. в социально-экономическом развитии Горного Алтая произошли существенные изменения. Реформа 1861 г., открывшая Алтайский округ для переселения крестьян из европейских губерний, послужила толчком для ускоренного развития земледелия, животноводства и крестьянских промыслов¹. Переселенцы в немалой степени содействовали превращению Алтая из горнопромышленного округа в основной зерновой район Сибири.

Поток переселенцев, хлынувший в Сибирь, не мог не привести к изменениям в хозяйственной жизни старожилов. Переселенческие потоки в 1860 – 1870 гг. XIX в. частично затрагивали и Алтайские горы, по-прежнему закрытые для свободного заселения русским крестьянством. Но все же, несмотря на все ограничения и подчас прямые запреты, во второй половине XIX в. переселенцы, самовольно заселявшие Алтайские горы, стали реальными участниками социально-экономических процессов в этой части Бийского округа.

Переселенческое движение на кабинетские земли Алтайского округа привело к необратимым изменениям в социально-экономическом развитии края и ускорило хозяйственное освоение Горного Алтая. Переселенческое движение в округе и в Горном Алтае представляло довольно значительное явление, имевшее важные последствия для экономического и социального развития края. Переселенческое движение и развитие рыночных начал в экономике горного края во второй половине XIX в. оказало большое влияние на хозяйственно-практическую деятельность русского крестьянства Алтая и Горного Алтая. Освоение речных и горных долин гор старожилами и прибывающими переселенцами сопровождалось ростом сельскохозяйственного производства, его специализацией. Выходцы из европейской части страны способствовали возникновению целого ряда промыслов: шубного, овчинного, пимокатного, экипажного, столярного, смолокурения и других. Переселенцы завезли новые сорта зерновых, огородных и технических культур, распространили неизвестные до этого времени садовые культуры, более передовые орудия сельскохозяйственного труда, методы и способы обработки земли. Они способствовали селекции более продуктивных пород скота, домашней птицы, возникновению целого ряда промышленных промыслов, созданию новых отраслей крестьянской экономики: маслоделия и сыроварения, создали селекционное овцеводство². В тех случаях, когда переселенцы, используя свои хозяйственные новации, добивались позитивных результатов, местные крестьяне под их влиянием довольно быстро усваивали новый опыт хозяйственно-практической деятельности. В свою очередь, переселенцы в новых для себя условиях природной и социальной среды перенимали практические навыки местной хозяйственной и материальной культуры, например ведения мараловодства, горного пчеловодства и других занятий.

¹ История Алтая. Часть I: Учебное пособие. – Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та. 1995. – С. 198.

² Там же. – С.43 – 44.

Таким образом, приток переселенцев явился одной из причин экономического оживления Горного Алтая в целом и роста зернового производства.

При обследовании переселенческих поселков и крестьянских хозяйств в 1897 г. экспедиция С.П. Швецова выяснила, что земледелие имеет главное значение для крестьян-старожилов и переселенцев и служит основным источником их существования. Как уже упоминалось, в течение XIX в. земледелие староверческого и старожильского крестьянства в Горном Алтае прошло определенную эволюцию. Так, путешественники, побывавшие в Горном Алтае в первой трети XIX в., упоминали о затруднениях уймонских староверов с выращиванием хлеба, у них от суровых заморозков часто вымерзала рожь. Но к середине XIX в. староверам Уймона и другим русским старожилам удалось вывести морозоустойчивые сорта зерновых культур и приспособиться к природным ритмам горного региона с его резко континентальным климатом¹.

Сотрудник РГО А. Принтц, побывавший на Уймоне в 1863 г., томский ученый В.В. Сапожников, неоднократно посещавший с исследовательскими целями Уймонско-Катунский край в конце XIX – начале XX вв. отмечали, что хлебопашество уймонских крестьян находится в хорошем состоянии, зажиточные крестьяне засевали по 20 и более десятин земли.

Основной земледельческой системой русских крестьян почти на всей территории Горного Алтая была переложная. Выращивали рожь, пшеницу, овес, ячмень, в переселенческих поселках преобладающей зерновой культурой была пшеница.

Хлеб сеяли на одном и том же месте около десяти лет. Из них первые два года поля засевали рожью, затем переходили на пшеницу, после чего земля забрасывалась в залежь. Так как яровые хлеба в горах вызревали лучше, чем озимые, то определяющей тенденцией развития зернового хозяйства русского крестьянина Горного Алтая во второй половине XIX в. стало сокращение площадей под озимые и расширение под яровые культуры². Для посевов крестьяне выбирали земельные участки, расположенные в речных долинах и на горных склонах, защищенных от ветров. Землю пахали на небольшую глубину плугами. Такой способ обработки полей не наносил вреда плодородному слою земли. Мягкая земля обрабатывалась без вспашки под «ленивку. Такие полеводческие системы не потеряли ценности до нашего времени. В некоторых районах Горного Алтая использовался искусственный полив полей»³.

Что касается сельскохозяйственных орудий, то для пахоты использовали плуг, за исключением Онгудая, где во второй половине XIX в. пахали сохами. Плуги среди алтайского населения стали применяться с 1880-х гг. Начало посевной компании напрямую определялось природно-климатическими условиями местности. Так, в большинстве переселенческих поселков сев начинался с 15 – 20 апреля по последние числа этого месяца, в Туехте – только со второй

¹ Там же. – С.52.

² Там же. – С.53.

³ Там же.

половины мая. В некоторых селах, как Черный и Белый Ануй, крестьянами практиковалось выпалывание сорных трав. Жатва начиналась примерно с 15 августа и длилась около месяца до половины сентября. Хлеб жали серпами, жаток в деревнях Горного Алтая в конце XIX не было, зато в Абае предприимчивые крестьяне использовали молотилку. Зерно большинство крестьян веяли лопатами. Но в Абае и Тюдрале использовались веялки. Простые сельскохозяйственные орудия крестьяне изготавливали сами, усовершенствованные закупали в Смоленском, Алтайском, Бийске.

Наиболее благоприятными для земледелия были широкие долины рр. Катунь и Коксу, такие как просторные Уймонская, Абайская, Катандинская степи. Наиболее благоприятными для земледелия были широкие долины р. Катунь, где средняя запашка составляла в 1908 г. на одно хозяйство 3,8 десятины пашенной земли. Здесь в благоприятные годы русские крестьяне собирали до 120 до 200 пудов зерна с десятины земли. Урожаи на Уймоне были настолько значительными, что крестьяне-раскольники запасались хлебом на несколько лет. Не случайно, во второй половине XIX в. земледельческое хозяйство уймонских крестьян: старожилов и староверов быстро принимало товарный характер. На сибирские рынки они со своей сельскохозяйственной продукцией не могли выйти из-за большой удаленности от водных и других путей сообщения. Свой хлеб уймонцы сбывали алтайскому населению, русским переселенцам, не сумевших на первых порах основать прочное пашенное земледелие, рабочим золотых приисков. Состоятельные земледельцы вывозили зерно для продажи в Бийск. Уймонская долина считалась самым плодородным краем, обеспечивающим хлебом весь Горный Алтай.

Неплохие условия для земледелия были в долинах Ануй, Чарыша, Семь, Песчаной, где русские крестьяне-старожилы и переселенцы с успехом занимались пашенным земледелием. В этих местах посевная площадь в среднем, на одно хозяйство достигала 2,79 дес. Плодородные земли в ряде мест Горного Алтая позволяли собирать высокие урожаи зерновых культур.

Отмечая успехи пашенного земледелия в Горном Алтае к концу XIX в., все следует признать, что, в целом, посевная площадь в Горном Алтае даже на рубеже XIX – начале XX столетий оставалась незначительной. В горах довольно сложно было заниматься зерновым производством в широких масштабах. В среднем, на одно русское хозяйство приходилось по 1,3 десятины. Другими причинами, сдерживающими развитие земледелия, были земельная неустроенность русского и инородческого населения, а также земельная монополия Кабинета. В целом, посевная площадь в Горном Алтае в начале XX в. оставалась незначительной, составляя 2647 дес. земли.

Занимались крестьяне Горного Алтая и огородничеством. На крестьянских огородах и приусадебных участках основными культурами были капуста, свекла, репа, редька, брюква, лук, чеснок, тыква, огурцы и другие, но за исключением теплолюбивых бахчевых культур. К концу XIX в. в крестьянском хозяйстве прочное место занял подсолнечник. Барнаульскими историками отмечаются успехи земледельческой культуры Алтая во второй половине XIX в.,

которые они видят в массовом распространении в округе посадок картофеля¹. Благодаря своей неприхотливости и высокой урожайности картофель за короткое время стал вторым хлебом для алтайских крестьян. Во второй половине XIX в. посадки картофеля быстро расширялись. Эти процессы не обошли стороной и горный край. Горно-алтайские крестьяне выращивали несколько сортов картофеля. Сначала старожилы сажали картофель, который в крестьянском обиходе именовался «яблочком» или «яблочкой» на огородах, но под влиянием примера переселенцев, поток которых к концу XIX в. значительно увеличился, стали садить на пашне. Позже всех групп русского населения картофельную культуру в горном регионе стали разводить староверы, поначалу считавшие картофель «Антихристовым», или «чертовым» яблоком.

Садоводство в Алтайских горах отсутствовало. Зато важным подспорьем являлся сбор дикорастущих растений, в изобилии произраставших по всем горам и долинам. Русское население охотно собирало черемшу, дикие луки, ревеня, ягоды, грибы. Грибы и ягоды заготавливали на зиму в огромном количестве. Из ягодных растений русским населением особенно ценились малина, смородина, клубника, брусника. Горно-алтайские старожилы хорошо знали лекарственные и пищевые свойства трав. Из кипрея, белоголовника, чабреца, бадана, душицы, зверобоя готовили травяные чаи и целебные настои.

Из технических культур русские крестьяне Горного Алтая выращивали лен и коноплю и практиковали небольшие посадки табака. Лен и конопля в Горном Алтае, как и в округе в целом, не получили широкого распространения и шли лишь на удовлетворение нужд собственно крестьянского хозяйства. Из льна русские крестьянки ткали холсты, которые отбеливали в летнее время на берегах горных речек. В отличие от других районов Бийского округа, в которых население с успехом занималось товарным табаководством, горно-алтайские крестьяне разводили табак для собственных потребностей и небольшой меновой торговли с алтайским населением.

Таким образом, русское крестьянство в результате освоения земельных ресурсов Горного Алтая сумело приспособить традиционные полеводческие системы к природным условиям. Земледелие в процессе хозяйственного освоения стало базовой отраслью практической деятельности крестьян, и заняло главное место в хозяйстве русских старожилов и переселенцев.

После земледелия одно из главнейших занятий крестьян Горного Алтая составляло скотоводство. Прекрасные горные пастбища, альпийские луга с богатым разнотравьем создавали оптимальные условия для скотоводства. Другим благоприятным фактором для развития животноводческого хозяйства являлось отсутствие в горах эпизоотий, от которых вымирал домашний скот в других районах Алтая. Русские крестьяне Горного Алтая предпочитали держать многокотное хозяйство, включающее лошадей, крупный рогатый и молочный скот, маралов, в меньшей степени овец, коз, свиней, а также домашнюю птицу. Особое развитие скотоводство получило в хозяйстве уймонских староверов и

¹ История Алтая. Часть I: – С. 202.

крестьян-заимочников. В 1860-х гг. отдельные хозяева держали до 500 лошадей, 50 – 70 голов рогатого скота, до 200 овец.

Особо в крестьянском хозяйстве ценились лошади, неслучайно, состоятельность домохозяина измерялась количеством лошадей. По данным статистической комиссии 1908 г., в Горном Алтае практически не было безлошадных хозяйств, и в среднем, на одно хозяйство русского населения приходилось 6 лошадей¹. Среди старожилов наблюдался гораздо больший процент хозяйств многолошадных, чем среди переселенцев. Определяющей тенденцией развития коневодства русской деревни Горного Алтая во второй половине XIX в. было возрастание его количественных показателей. На развитие коневодства кроме главной причины – земледелия оказывали большое влияние извозный промысел, а также спрос на лошадей, отправляемых на продажу. Но лошади, в крестьянском хозяйстве, как правило, были рабочими. Их использовали на пахоте и уборке хлеба, на сенокосе, в извозном промысле, на охоте и в других видах работ. Но практиковалась селекционная работа по выведению лошадей разных пород, в том числе и элитных. Лошадей в зависимости от породы продавали от 5 руб. и выше; средняя цена составляла 20 руб., наивысшая – 25 руб.

Наибольшую ценность в хозяйстве русских крестьян имел рогатый мясо-молочный скот, количество мелкого рогатого скота было сравнительно невелико, свиноводство носило потребительский характер. По данным экспедиции 1897 г. русские крестьяне опережали алтайских скотоводов по числу поголовья крупного мясо-молочного скота². Мясное направление животноводства горных деревень относительно рано приняло товарный характер. Быков и телят выращивали на продажу на золотые прииски Лебедского района и Кузнецкого округа, а также скупщикам для перепродажи в другие сибирские регионы, в том числе в Восточную Сибирь. Торговля скотом была очень выгодной. В 1890-х гг. годовалый бычок стоил 3 руб., двухгодовалый – 6 – 7 руб., трехлетний – 12 – 15 руб., пятилетний – от 13 руб до 18-17 руб., корова – 12 – 15 руб.³ Насколько значительна была продажа рогатого скота, можно судить по Топучей, население которого в конце XIX в. продавало по 200 и более быков в год.

К концу XIX в. в рамках общих западносибирских процессов развития торгового молочного животноводства крестьяне Горного Алтая из молока стали вырабатывать масло на продажу. В конце XIX в. появились свои небольшие маслодельные «заводики» в Бирюле, Шебалино, Улале, Майме, Александровском⁴.

Большинство русских крестьян держало по 4 – 9 голов молочного скота⁵. Но были и очень крупные молочные хозяйства, как, например, в Уймонской долине у староверов, или на заимках, разбросанных по горным долинам. Мно-

¹ Мукаева Л.Н. Заселение и хозяйственное освоение русским населением Горного Алтая в досоветское время. – С. 54.

² Горный Алтай и его население. Т.1. Вып. 2. – С. 78.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

гие уймонские староверы и старожилы Катунского Правобережья держали по несколько десятков голов молочного скота. Так, в 1860-х гг. в отдельных старообрядческих дворах содержалось от 50 до 70 коров. Не случайно, на столе уймонцев всегда было в изобилии, за исключением постных дней, мясо, масло, молоко, сметана, творог и другие молочные продукты питания. По мнению Т.С. Мамсик, скотоводство являлось базовой отраслью хозяйства уймонских раскольников¹.

Примером организации крупного молочного хозяйства являлась ферма инспектора томской врачебной управы Маткевича, основанная в 1876 г. возле с. Черги. Она занимала 300 десятин земли и насчитывала в 1880-х гг. 390 голов крупного рогатого скота, в том числе голландской и холмогорской породы.

В горах русские крестьяне практиковали разные системы скотоводства: отгонное животноводство, круглогодичный выпас и стойловое содержание домашнего скота. Под влиянием переселенцев во второй половине XIX в. увеличился процент крестьянских дворов, практикующих стойловое содержание домашних животных. К концу XIX в. появились улучшенные помещения для скота, распространенным явлением стало сенокосение.

Как уже упоминалось, одной из заслуг русских крестьян горных деревень в хозяйственном освоении края являлось создание новой отрасли животноводства – мараловодства. У истоков горно-алтайского мараловодства стояло несколько старообрядческих семей². Умелыми мараловодами были практически все уймонские староверы, которые способствовали развитию мараловодства на всей территории Горного Алтая. Но приоритет в распространении этой отрасли в Горном Алтае во второй половине XIX в. принадлежал двоюродным братьям Р. Чернову и И. Чернову из Верхнего Уймона, прямым потомкам первых мараловодов. Именно Черновым были обязаны своим происхождением большинство маральников Северного и Западного Алтая. Черновы сделали очень много для распространения мараловодства в Горном Алтае. Заложенные ими маральники стали базой для развития этой отрасли в других районах края. Черновские маральники являлись своего рода «торговыми питомниками», которым были обязаны своим происхождением все остальные алтайские маральники северной и северо-западной частей Горного Алтая. Черновы продавали бычков и маток за деньги, а также включали их в состав приданого невест из своего клана. Последнее настолько вошло в практику, что превратилось в своего рода обычай. В 1897 г. один из уймонцев сначала отгородил место под маральник, и только потом стал свататься к Черновым. Завести маральник было любимой мечтой каждого старовера.

В среднем, маралы жили по 18 – 20 лет и даже 24 года. Многие семьи, раздобыв телят или бычка, благодаря «получавшейся с его головы жатвы» быстро становились состоятельными. Один марал приносил хозяину тысячу и более руб. До 1880-х гг. мараловодство развивалось относительно медленно.

¹ Мамски Т.С. Указ. соч.

² Там же.

Относительная легкость ведения мараловодства, его очевидная выгодность и прибыльность породили во 1880-х гг. настоящий бум в развитии этой отрасли. Мараловодство быстро распространилось по западной части Горного Алтая, а затем появилось и на Северном Алтае. Только за 1880 – 1897 гг. было открыто 39 маральников. Больше всего маральников было в Уймонском крае. Всего домашних маралов по сведениям, собранных Н.М. Ядринцевым насчитывалось: 139 быков, 54 маралухи, 26 подростков. В 1877 г. родилось 16 маралят. Общая численность поголовья маралов насчитывала 235 голов. В Верхнем Уймоне исследователь насчитал 80 домашних маралов. Н.М. Ядринцев видел в Уймоне маральник на 100 маралов в три отдела, и зверей для обновления травы периодически перегоняли из одного отдела в другой. Много маральников располагалось по рр. Коксу, Катуню до впадения в нее Аргута.

В Бухтарминском крае маралов держали в полудиком состоянии и следовательно меньше уделяли внимание их содержанию. В северной части Бийского округа мараловодство менее развито, потому что маралов для обновления стада нужно было приводить издалека. В этой части Алтая, как упоминал Н.М. Ядринцев, маралов держали как домашних животных, размещали в деревенских дворах для скота, кормили сеном. Итальянский князь Сан-Дonato, проезжавший по Чуйскому тракту в 1897 г. упоминает о большом маральнике шебалинского торговца-мараловода, в котором находилось около 150 маралов. Г.Н. Потанину тот же, наверное, шебалинский мараловод сообщил, что он продал очень хорошие рога за 180 руб.

Старались обзавестись выгодным промыслом и переселенцы. В официальной статистике есть сведения о маральниках в 4 переселенческих поселках. В Онгудае два местных жителя завели артельный маральник в 30 десятин. В нем насчитывалось 23 взрослых марала, 16 маралуз и 6 телят, всего 45 голов. В Хабаровке крестьянин Куликов загораживал около 1,5 дес. земли, на которых содержал 5 взрослых маралов и двух телят. В Абае у жителя Поносова был маральник из 4 взрослых зверей. Тюдралинский житель Шестаков на своей зимке в 3 верстах от села на рчк. Ергале завел маральник из 4 взрослых маралов и 1 теленка. Новые мараловоды сдавали рога либо нижнеуймонскому староверу Ошлыкову, либо усть-канскому купцу Мокину.

Данная отрасль крестьянского хозяйства имела ярко выраженный торговый характер. К концу XIX в. мараловодство стало самой доходной отраслью крестьянского хозяйства. Мараловодство являлось наиболее продуктивным хозяйственным занятием, обеспечивающим высокий доход, хозяева-мараловоды получали за продажу маральих рогов-пантов большие деньги. Обеспечивая высокую прибыль, мараловодство в отличие от традиционного скотоводства не требовало каких-либо трудоемких дополнительных затрат. Так, уймонец Р. Чернов в начале 1890-х гг. зарабатывал до 3 тыс. руб. в год. В конце XIX в. по данным таможенного ведомства с Алтая было вывезено в Китай 180 пудов сухих пантов на сумму 50 тыс. руб.¹

¹ Струков М.И. Краткий очерк Алтайского округа. СПб., 1896. – С.48.

Мараловодство было практически безотходным. Помимо пантов использовались маралье мясо и шкуры. Помимо пантов использовались маралье мясо и шкуры. Из шкур в с. Алтайском выделяли прекрасного качества замшу, которая расходилась на местных рынках Сибири, кожи маралов вывозились в Европейскую Россию для производства перчаток. Кроме того, из шкур маралов шили верхнюю зимнюю одежду: яги и дохи, а также штаны и куртки. По данным Н.М. Ядринцева маральи шкуры в сыром виде покупали от 2,90 до 5 руб. за шкуру. Из сала марала изготавливали хорошие по качеству свечи, целебные мази для лечения нарывов и воспалений кожи. В лечебных целях использовали маралью кровь, которую собирали во время резки пантов. Костный мозг был прекрасной мазью для смазывания ружейных замков охотников.

Следует отметить, что большинство алтайских маральников были небольшими и содержали около 10 голов маралов. В зависимости от поголовья стада маральники представляли собой большие огороженные участки, размером от 2 до 20 десятин, были и больше. Наиболее крупные мараловодческие хозяйства на территории Горного Алтая были в старообрядческих деревнях Уймона. Среди зажиточных хозяев выделялись уже упоминавшиеся Черновы и другие. В конце XIX в. общее число домашних маралов на территории Горного Алтая составляло 500 голов¹. К концу XIX в. горно-алтайские мараловоды столкнулись с проблемой вырождения животных в условиях неволи, что стало отражаться на качестве основной продукции мараловодческого хозяйства – пантов. Для сохранения стада они старались обмениваться племенными животными.

В конце XIX – начале XX вв. мараловодство являлось самой доходной отраслью сельского хозяйства. На значимость мараловодства в хозяйственном развитии Алтая обратило внимание правительство. Министерство земледелия летом 1897 г. на Алтай отправило ученого-зоолога А.А. Силантьева для исследования этой новой и ценной отрасли животноводства. В Горном Алтае экспедиция А.А. Силантьева выявила 1475 маралов в 46 маральниках; мараловодством занималось 45 семей². В беседах с ученым уймонские староверы просили государственного покровительства и официального разрешения на прямую торговлю пантами с китайскими фирмами – покупателями без посредников. Осенью 1897 г. начальник Алтайского округа В.К. Болдырев на основании предложений А.А. Силантьева обратился в Кабинет о запрете охоты на маралов. Кабинетское ведомство издало несколько законодательных актов об охране этого ценного зверя.

Итак, в пореформенный период скотоводство русских крестьян Горного Алтая сделало заметный шаг в своем развитии. Животноводство в Горном Алтае во второй половине XIX в. велось в довольно широких масштабах. Особенно быстрыми темпами скотоводство развивалось в заимочном хозяйстве староверов и старожилов. В этой отрасли сельского хозяйства достаточно быстро

¹ Михайлович А. Указ. соч. – С.27.

² Силантьев А.А. Исследование мараловодства на Алтае. – СПб., 1902. – С.21.

развивался процесс накопления количественных показателей, что способствовало товарности животноводства. В конце XIX в. скотоводство превратилось в высокодоходную отрасль горной экономики.

Другим значительным промыслом в жизни русских крестьян Горного Алтая было, появившееся в первой половине XIX в., пчеловодство, которое в пореформенное время достигло больших успехов. Особенно много пасек было в Уймонском крае и на заимках русских крестьян, разбросанных по небольшим долинам и альпийским лугам Правобережья Катуня, в Семинской долине, в Белом и Черном Ануе. Мед шел на внутреннее употребление и на продажу. Он заменял дорогой сахар, на нем варили варенья из различных ягод, из него делали домашнее пиво и медовуху¹.

Продукты данной отрасли сельского хозяйства пользовались широким спросом, увеличению которого способствовала дороговизна привозного сахара. Товарными считались пасеки, имевшие 50 и более пчелиных колод. В Горном Алтае известны были пасеки, в которых насчитывалось по несколько сотен колод. Продукты горно-алтайского пчеловодства пользовались широким спросом. Горно-алтайские крестьяне в 1890-х гг. продавали мед в среднем по 7 руб. за пуд., воск по 18-20 руб. за пуд². Основными поставщиками меда на рынок являлись староверы Уймонского края и старожилы деревень и заимок, располагавшихся на территории современных Шебалинского и Чемальского районов РА. Пасеки, как правило, располагались большей частью вдали от селений, часто на заимках. Для пасеки выбирали защищенное от ветра место в черноземном логу, на южном склоне горы, или близ его подошвы, изобилующем медоносными травами и кустарниками, и обязательно с древесной растительностью и ключом, или ручьем, расположенном неподалеку. Пасеки располагались не ближе одного километра друг от друга, чтобы пчелы не дрались и не воровали друг у друга мед. Хорошие пасечные места ценились. Во второй половине XIX в. горное и высокогорное пчеловодство занимало одно из наиболее видных мест в хозяйстве русских крестьян, как старожилов, так и переселенцев.

Одним из подсобных промыслов русского населения был орешный, распространенный в Уймонском крае, на Семинском перевале, по правому берегу р. Катуня в селениях Эдиган, Чемал, Эликманар, в Прителецкой тайге и в других местах Горного Алтая³.

Несмотря на обилие в реках и озерах Горного Алтая ценных пород рыбы, рыбный промысел так и не приобрел промышленного значения, хотя попытки его создания неоднократно предпринимались в течение XIX в. Первая попытка создания рыболовного дела в широких масштабах на территории Горного Алтая относится к 1820-м гг. В начале 1820-х гг. западносибирский губернатор П.М. Капцевич распорядился основать казачье поселение на берегах Телецкого озера для хозяйственного освоения его рыбных ресурсов. Особое внимание гу-

¹ Мукаева Л.Н. Указ. соч. – С. 55.

² Струков М. Указ. соч. – С.48.

³ Там же.

бернатора привлекла так называемая телецкая сельдь (сиг). Последней по замыслам генерал-губернатора предполагалось обеспечивать казачьи поселения и остальное население Алтая. В 1822 г. казачий поселок на Телецком озере был построен. Казаки проложили дорогу от р. Кебезени до Телецкого озера, построили складские помещения для хранения выловленной рыбы. В первый промысловый сезон они выловили 6290 штук рыбы, во второй – 5400. В последующие годы улов рыбы стал сокращаться. По устным преданиям, записанных исследователем В.В. Верещагиным, казаки намеренно выпускали рыбу обратно в озеро, не желая заниматься тяготившей их рыбной ловлей¹.¹⁷ Попытка П.М. Капцевича не удалась, да и в то время она не могла увенчаться успехом, поскольку потребительские запросы казаков и крестьян вполне удовлетворялись продуктами земледелия и скотоводства. А рыбу для собственных нужд они могли без особых хлопот добывать из Катуня, Бии и других рек Алтая.

В 1860-х гг. рыболовством на Телецком озере занимались два предпринимателя. Один из них был улалинский купец, другой местный торговец – Тринихин². В «Путеводителе по Алтаю» упоминаются склады Тринихина³. Впоследствии, по данным «Отчета совета Общества любителей исследования Алтая», Тринихин, «не имея по торговым делам времени ловить рыбу», передал свои невода местным инородцам, ловившим рыбу для внутреннего потребления.

В более широких масштабах попытался развить рыболовецкое дело алтайский инженер-технолог Абрамов в 1880-х гг. XIX в. Он, вложив в рыбный бизнес до 13000 руб. наладил производство телецкой сельди в широких масштабах. Его начинание оказалось успешным. В первые годы он добывал до 300 пудов князька, так называли местные тубалары телецкую сельдь. В последние годы предпринимательской деятельности Абрамова добыча рыбы достигала до 500 пудов. В последние два года Абрамов помимо соленой рыбы заготавливал еще копченую, маринованную и консервированную в масле сельдь. Консервированная телецкая сельдь пользовалась спросом в сибирских городах: Омске, Верном. Так, в Верном телецкая рыба разошлась по 1,5 руб. за консервированную коробку. Предприниматель получал большие заказы на новые партии. Но после смерти Абрамова сельдяной промысел в Горном Алтае заглох. Все попытки его оживить оказались безуспешными. После смерти Абрамова, по словам исследователя Н.С. Гуляева, какая-то полька, жившая в Бийске, создала новую компанию для продолжения рыболовного промысла Абрамова. Но ее производство развивалось «вяло», по предположениям Н.С. Гуляева «из-за недостатка средств» и окончательно заглохло через пару лет

Зато излюбленным промыслом, особенно старожильческого населения, по-прежнему оставалась охота. Охотничий промысел тоже был выгодным занятием, но его роль в экономике горных деревень к концу XIX в. неуклонно снижалась.

¹ Верещагин В.И. По Восточному Алтаю // Алтайский сборник. Т.6. 1907. – С. 20 – 22.

² Там же.

С конца XIX население Горного Алтая активно включилось в туристическую и лечебно-оздоровительную деятельность. Чистый горный воздух, живописные потрясающе красивые места по Правобережью Катуня и западной части от Чуйского тракта превратили Чергу, Белый Ануй, Черный Ануй, Чемал, Эликманар и другие селения в излюбленные дачные места для жителей Томска, Барнаула. Сосновые и кедровые леса, кумысные фермы способствовали профилактике и лечению легочных заболеваний. Летом на правый берег Катуня и в Ануйский район приезжало большое количество дачников для отдыха и больных людей для лечения. Самым известным курортным местом являлся Черный Ануй, жители которого умели готовить кумыс, равному которому в Западной Сибири не было. Чемальский, эликманарский кумыс, хотя по качеству уступал черно-ануйскому, но тоже пользовался популярностью. Дачники и больные охотно его покупали. Дешевизна квартир и продуктов питания, а также других услуг способствовали доходности этого вида хозяйственной деятельности населения Горного Алтая. Значительная часть дачников располагалась не только на правой стороне Катуня, но и в таких малых селах, как Аюла, находившихся на левой стороне реки. Здесь тоже были дешевые квартиры и много кумыса в летнее время. Так, с конца XIX в. жители больших и малых селений Чемальского и Ануйского края с успехом стало заниматься новым видом сельского бизнеса: обслуживанием дачников и приезжавших на лечение больных.

Таким образом, русское крестьянство в процессе заселения и освоения естественных природных ресурсов Горного Алтая создало комплексное многоотраслевое сельское хозяйство, основу которого составляли земледелие и скотоводство, мараловодство, пчеловодство, орешный промысел и другие занятия.

Управление коренными жителями на Алтае, организованное на основании Положения 1822 г. в течение XIX в. оставалось без малейших изменений. За это время быт инородцев претерпел значительные изменения. По ряду причин, включая переселение на земли Горного Алтая, началась частичная ассимиляция русским крестьянством. Среди северных алтайцев произошли значительные перемены в хозяйственной деятельности и укладе жизни. Одновременно шел процесс христианизации населения Горного Алтая. Часть северных алтайцев по способу существования и образу жизни стала близка к русскому населению. Большое распространение среди северных алтайцев имели русский язык, православная вера, смешанные браки. Что касается последнего явления, то оно сыграло значительную роль в установлении тесных межэтнических контактов русского и алтайского населения. Русские крестьяне охотно отдавали своих дочерей за инородцев, так как впоследствии их потомство, получая инородческие права, освобождалось от ряда государственных повинностей и податей.

Но население среднего Алтая по-прежнему сохраняло хозяйственную замкнутость и национальную обособленность, хотя подобные явления межкультурной коммуникации и здесь имели место. Как отмечали все путешественники и ученые, посетившие Горный Алтай в XIX в. в наибольшей степени свои культурные особенности сохранили южные алтайцы – алтай-кижи.

По мнению отдельных историков, в хозяйственном освоении Алтайских гор более рачительной и дальновидной оказалась духовная миссия. Миссионеры способствовали развитию в алтайском социуме земледелия, пчеловодства, домашнего животноводства. Под влиянием миссии и переселенцев земледелие среди местного населения стало развиваться более быстрыми темпами, по сравнению с дореформенным временем. Северные алтайцы успешно занимались пчеловодством. По подсчетам исследователей в миссионерских станах почти 10 % алтайских дворов имели свои пасеки. Определенный вклад в развитие горно-алтайской экономики внесли монастыри. Монастырские хозяйства ориентировались на занятия земледелием, хлебопашеством, пчеловодством.

Под влиянием русских переселенцев у алтайцев, живущих в северо-восточной части региона, все больше входит в практику стойловое содержание скота в крытых пригонах и сенокосение. Решающую роль в развитии молочного скотоводства сыграло введение технической новации – сепаратора, с помощью которого стало возможным усовершенствование производства сливочного масла. В результате, роль скотоводства у северных алтайцев возросла.

Традиционное земледелие алтайцев было мотыжным. Мотыжное земледелие, широко распространенное у северных алтайцев, исчезло лишь в начале 30-х годов XX в. В некоторых селениях Северо-Восточного Алтая встречался простой тип сохи – андазын. Ручная обработка пашни у северных алтайцев в досоветское время представляла собой очень тяжелый процесс. Практиковалась подсечно-огневая система. Пашни устраивались на небольших участках южных склонов гор, очищенных от тайги, и на местах лесных гарей. Земледельческий процесс начинался в мае. При обработке земли мотыгой производительность труда была чрезвычайно низкой, участок земли размером в гектар семья в 2 – 3 человека вскапывала около месяца. Такой участок назывался «загоном». Бедняки засевали по 2 – 3 загона, урожай составлял около 1,5 центнеров зерна. Уборка хлеба начиналась в августе. Зерно мололи на ручной круглой каменной мельнице, которая имела в каждой семье: Работа на такой мельнице была очень тяжелой, а результаты скромными. На ней можно смолоть только до 8 кг. зерна день. К концу XIX в. у северных алтайцев под влиянием постоянного общения с местным русским населением получили распространение многие крестьянские орудия и способы уборки урожая. Это соха, плуг, бороны с деревянными и железными зубьями, жатва серпом и обмолот зерна лошадьми, цепом. Особенно больших успехов в пашенном земледелии добились кумандинцы, которые к тому же на рубеже XIX-XX столетий занимались и огородничеством.

Ограниченность земледелия обусловила большую роль собирательства в таежной экономике населения Северного Алтая. Собирательство дикорастущих растений было чисто женским занятием. Но сбором кедрового ореха северные алтайцы, особенно кумандинцы и тубалары, занимались целыми семьями, артелями и поселениями, включая детей-подростков, женщин и мужчин.

Самым важным занятием в хозяйственной жизни кумандинцев являлся охотничий промысел. Охота обеспечивала их мясом, шкурами, пушниной. Деньги от продажи пушнины шли на уплату ясака и приобретение важных

предметов быта. Из шкур шили одежду и обувь. Осваиваемая кумандинцами тайга была распределена по родовым угодьям. В богатой тайге Северного Алтая они охотились на крупных и пушных зверей. Промышляли копытных животных: марала, лося, косулю. На крупных копытных зверей они охотились на лыжах в начале зимы по глубокому снегу, либо весной, преследуя зверя, например, марала, по насту (ледяной корке, покрывавшей снег). На крупных зверей охотились артелями из 4 – 8 родственников. В такую промысловую артель входили начинающие и опытные охотники. Руководил артелью старший по возрасту, он же делил поровну добычу между охотниками. Основным объектом пушного промысла у кумандинцев была белка, кроме нее промышляли лисицу, выдру, соболя. Белковать начинали после обора кедрового ореха (в конце октября — начале ноября).

Кумандинцы широко практиковали таежные промыслы: сбор кедрового ореха и дикорастущих растений: черемши, кандыка, сараны, ягоды в изобилии произраставших в черневой тайге. В начале XX кумандинцы уже не заготавливали в большом количестве кандык, сарану и другие дикорастущие растения, но сбор кедрового ореха и черемши (колбы) продолжал занимать важное место в их хозяйственной жизни. Их употребляли в пищу, а также продавали. На сбор ореха кумандинцы выезжали целыми семьями и жили в кедровниках несколько недель. С конца XIX в. даже стали создаваться мужские артели из 3 – 5 человек, уезжавшие в тайгу для заготовки ореха. Орехи сбивали палками с земли или с деревьев, пользовались колотушками, шестами для лазания. Просушенные шишки хранили в небольших срубах, в которых они и дозревали, после чего их перетирали на специальной терке, состоявшей из двух зазубренных досок. Отшелушенный орех просушивали.

Кумандинцы издавна занимались мотыжным земледелием в долинах по Бие и ее притоков. Но под влиянием русского населения, осваивавшего с начала XIX в. Северный Алтай, они переняли соху, плуг, борону и от мотыжного земледелия за короткое время перешли к плужному. Природно-климатические условия позволяли им выращивать зерновые культуры: ячмень, рожь, овес, пшеницу, технические культуры: лен и коноплю. Переняв от русских навыки огородничества, разводили капусту, лук, морковь, огурцы, картофель, свеклу и другие овощи. Постепенно пашенное земледелие превратилось в главное занятие кумандинцев.

Кумандинцы активно занимались бортничеством-пчелованием, то есть сбором меда диких пчел. Во второй половине XIX века у кумандинцев стало распространяться пасечное пчеловодство. Пасеки устраивали на таежных полянах, покрытых разнотравьем.

Будучи искусными рыбаками кумандинцы широко практиковали рыбную ловлю. В реках и озерах Северного Алтая они ловили рыбу мешками, удочкой, сакон, жерлицами, неводом, переметами, вершами. Щук ловили при помощи петли, свитой из конского волоса. Поздним летом и осенью, когда вода становилась светлой, добывали крупную рыбу острогой. В начале зимы глушили рыбу деревянной колотушкой по тонкому и прозрачному льду. Осенью на озе-

рах практиковали запорные способы ловли рыбы, устраивая целые изгороди из тальника, в которые попадала крупная рыба.

Скотоводство было развито слабо. Разводили преимущественно лошадей, которых держали немного. С распространение стойлового животноводства и сенокосения поголовье скота в кумандинском хозяйстве увеличилось.

Существенное место в кумандинском социуме занимало домашнее ремесленное производство. Самыми распространенными ремеслами были кузнечное дело, выделка кожи, овчин, ткачество, вязание, шитье обуви и одежды, изготовление войлока из овечьей шерсти, домашней утвари из дерева разных пород и бересты, витье веревок и арканов. Традиции металлургического дела на Алтае существовали с глубокой древности. Кумандинские женщины пряли, ткали на специальном станке лен и шерстяное сукно, красили ткани, занимались обработкой овчины, дубили кожи, из овечьей шерсти валяли войлок, шили верхнюю и легкую одежду, вязали носки, варежки, платки и шали. Одежда и обувь шилась вручную. Для шитья обуви использовали конскую или воловью кожу, льняные (конопляные) нитки. Наряду с домашней обувью носили русские сапоги и валенки. Мужчины вязали сети, невода и другие снасти для рыбной ловли, вили веревки и арканы, плетки, изготавливали седла, вытачивали из березы и кедра домашнюю утварь, посуду, из тополя долбили лодки, мастерили средства передвижения: сани, телеги, орудия труда, предметы культа. Дерево обрабатывали вручную простыми орудиями труда: топором, долотом, различными теслами.

В материальной культуре кумандинцев в конце XIX – начале XX вв. под влиянием русского населения произошли значительные изменения. Одежда кумандинцев, особенно мужская стала напоминать русскую. По внешнему виду кумандинские дома почти не отличались от русских, так как в большинстве они были построены по типу русских крестьянских изб. Рядом с домом возводили амбар, баню и другие хозяйственные постройки. На охоте и промыслах в тайге ограничивались возведением временных жилищ: шалашей и конусообразных юрт. Пищей кумандинцев было мясо диких и домашних животных, дичи, рыбы и молочные продукты: молоко, простоквашу, творог, сметану и топленое масло. Из растительной пищи употребляли хлебные злаки и различные дикие съедобные растения: орехи, кандык, черемшу сарану, дягиль, ягоды. Из круп наиболее часто употребляли пшено и ячменную крупу, из которой готовили талкан, варили каши. Таким образом, кумандинцы занимались пашенным земледелием, скотоводством, таежными промыслами: охотой, сбором кедрового ореха, собирательством.

Другая этническая группа Северо-Восточного Алтая – это тубалары. Одно из самых распространенных самоназваний тубаларов – это йыш-кижи, что означает «человек черневой тайги».

Основой традиционного хозяйства тубаларов в досоветское время были охота, собирательство, мотыжное земледелие и отчасти рыболовство. Самыми главными занятиями являлись охота и другие таежные промыслы. Охотничьи угодья тубаларов занимали собой горную тайгу от Телецкого озера до верховь-

ев Абакана и до современного г. Таштагола в Кемеровской области. Каждый род имел свою родовую тайгу, а также собственные охотничьи угодья. Родовой принцип разделения и использования охотничьей территории сохранился до нашего времени, но соблюдается уже не так строго, как в досоветское время.

Тубалары практиковали коллективные и индивидуальные формы охоты. Копытных зверей ловили при помощи загородей, протяженностью несколько километров. Кроме этого, на маралов и на косуль устраивались облавы. Самой распространенной охотой у тубаларов являлась охота на косулю. Промышляли этого зверя круглый год. В тайге охотились на белку, барсука, выдру, лисицу и других пушных зверей. На медведей устраивалась коллективная охота. Охотничьи группы-артели набирались по три-четыре человека из числа родственников по отцовской линии. Группу возглавлял самый опытный охотник. По способам и средствам передвижения охотничий промысел тубаларов был пешим, конным, водным. В весенне-летний период они передвигались верхом на лошадях, по горным рекам и озерам плавали на лодках и плотах. В северных районах Горного Алтая всегда выпадало много снега, поэтому тубалары, зимой пользовались лыжами. Для удобства они подбивались шкурой ворсом в одну сторону, чтобы легко можно было двигаться вперед и не скользить назад. Большую роль играла пешая охота.

Важными промыслами были орешный и собирательство дикорастущих растений. Черневая тайга Северного Алтая была богата различными растениями. В пищу шли черемша-колба, ревень, слизун, папоротник и сарана, а также все ягоды, в изобилии произраставшие в черневой тайге. В конце апреля – начале мая все население тубаларских селений уходило (это практикуется и в настоящее время) к подножьям гор собирать колбу. Сбор колбы представлял важный сезонный доход каждой тубаларской семьи. Ее заготавливали на зиму, продавали, сдавали перекупщикам. На зиму заготавливали дикие луки, сарану и кандык. Главный доход многим семьям Северо-Восточного Алтая в досоветское время приносила продажа кедрового ореха. Осенью тубалары целыми семьями уходили в прителецкую тайгу, где находились основные кедровники-кедрачи для заготовки ореха. Добывали его в огромном количестве. Собранный орех употребляли в пищу, продавали в старожильческие селения и скупщикам.

У тубаларов развивалось только коневодство как наиболее приемлемое занятие в суровых условиях Северного Алтая, но лошадей держали немного. Распространение стойлового содержания скота и сенокошения способствовало некоторому увеличению поголовья крупного рогатого и мелкого скота в тубаларском хозяйстве. В конце XIX – начале XX вв. каждая тубаларская семья держала по несколько голов крупного рогатого скота. Подчиненное место в хозяйственно-практической деятельности тубаларов занимало рыболовство. Рыбу обычно ловили удочкой, сетью, неводом, использовали вершу, иногда и колотушку для глушения рыбы, а также силки. У каждого местного жителя было свое место, где только он мог рыбачить. Итак, основными занятиями традиционной хозяйственно-практической деятельности тубаларов в конце XIX – начале XX вв. являлись охота, собирательство, скотоводство, земледелие, рыболовство.

Хозяйственная деятельность тубаларов во многом определяла их материальную культуру. В конце XIX – начале XX вв. тубалары жили оседлыми поселениями. В это время на смену традиционному жилищу пришла русская бревенчатая изба. Пространство жилища традиционно делилось на женскую и мужскую половины, посуда хранилась на женской стороне, охотничьи принадлежности – на мужской. Домашнюю утварь составляла деревянная, кожаная и металлическая посуда, которую изготавливали из древесины местных пород: из березы, кедра, а также из бересты, березового нароста – капа. Чугунные котлы для варки пищи покупали или выменивали. Внутреннее убранство и обстановка жилища тубаларов были и остаются даже в наше время очень простыми. Система питания тубаларов включала мясо диких животных, птиц, конину, реже рыбу, а также молочные продукты: творог, сметану, масло, чегень. Чай пили травяной, кирпичный с молоком. Из ячменя мололи талкан, который добавляли к чаю, или к кипятку. Важную часть тубаларского мужского костюма составлял тканый цветной пояс с геометрическим орнаментом. Одежда: рубахи, штаны, халаты, платья шилась ручным способом. На ноги надевали сапоги. Головным убором женщины являлся платок: легкий – летом и теплый – зимой. Летом и осенью женщины носили кожаную обувь в виде глубоких галош и чулки.

Самую малочисленную этническую группу Северного Алтая в досоветском прошлом и в наше время составляют челканцы. Челканцы в досоветское и в настоящее время проживают в основном в селах: Курмач-Байгол, Майское, Чуйке, Бийке и в ряде других населенных пунктов Турочакского района Республики Алтай, а также за пределами РА в Таштагольском районе Кемеровской области. В досоветское время их называли лебединцами, поскольку основная масса челканцев расселялась по Лебедю и его притокам, главными из которых являлись Байгол, Садра, Атла. Челканцы довольно рано перешли к оседлому образу жизни небольшими поселениями. Низкогорный ландшафт с пихтово-кедровой тайгой, преобладающий в бассейне Лебедя и его притоков, во многом повлиял на систему хозяйствования челканцев, составными частями которой являлись охота, рыболовство, мотыжное земледелие, собирательство, скотоводство.

Значительное место в хозяйственно-практической деятельности челканцев принадлежало охоте, во многом определившей основные явления их материальной и духовной жизни. Общие охотничьи угодья были поделены между родами, но поскольку их не хватало, то челканцы арендовали часть промысловых угодий у шорцов. Богатство животного мира черневой тайги Лебедско-Байгольского региона предопределило важность охотничьего промысла. Челканцы практически охотились на всех животных своей тайги. На каждого зверя и птицу были отработаны свои способы охоты. Охотились по сезонам года, в основном осенью с середины октября до середины ноября и зимой со второй половины ноября до марта. В осенне-зимний период промыслили соболя, зимой охотились на белку. Апрель назывался «месяцем охоты на бурундуков». Крупных копытных животных и медведя добывали летом и осенью, на маралов охотились в сентябре и ранней весной. На медведя ставили большие кулемы,

петли, устраивали засады. Мелких зверьков: крота, зайца и диких птиц ловили кулемками. Самым ценным промысловым зверьком являлся соболь, которого выслеживали собаками. На крупных копытных животных, медведей, а также на ценных пушных зверей челканцы охотились артелями от 2 до 12 человек-односельчан. Артелью руководил наиболее опытный старый охотник. Убитый крупный зверь (лось, олень, марал и другие), шкуры ценных пушных зверей (соболя, выдры) составляли достояние всей артели. Мясо делилось поровну, пушнину продавали и делили полученные от продажи деньги. Остальных мелких пушных зверьков: белку, крота, колонка, зайца, челканцы добывали индивидуально и считали добытого зверя личной собственностью.

Челканцы практиковали рыболовство, традиции которого они унаследовали с глубокой древности. Рыбу они ловили удочками, сетями, петлями, а также лучили ночью острогой, использовали рыбные ловушки: морды, верши и запорные сооружения. Крупных щук челканцы, как и кумандинцы добывали при помощи петли из конского волоса, привязанной к удилицу. О важности рыболовства в жизни челканцев свидетельствует их рыболовный годовой календарь: зимой в декабре-январе устанавливали мордушки, с середины мая до июля рыбу ловили вершами и удочками, в июле ставили сети, в июле и августе лучили, в сентябре-октябре на перекатах ставили запорные сооружения.

Важную роль играло собирательство дикорастущих и целебных растений. Челканцы собирали клубни, корни и стебли дикорастущих растений: пиона, пучки, колбы, кандыка, сараны, ягоды. Все это употреблялось ими в пищу. Травы и чагу собирали для чая. У челканцев меньшее значение в системе собирательства играл сбор кедрового ореха. Значение орешного промысла увеличилось лишь только в конце XIX в., когда челканцы стали осенью выезжать на орешниченье целыми семьями.

Особое место в хозяйственной деятельности челканцев занимало мотыжное земледелие. Выращивали ячмень, пшеницу, реже рожь и технические культуры: лен и коноплю. Челканцы практиковали подсечно-огневую систему. Землю вскапывали абылом на склонах гор, прогреваемых солнцем. Свои пашни челканцы никогда не удобряли и забрасывали их через каждые два года, поэтому они стремились использовать любой пригодный для обработки участок земли. Нередко обрабатываемые участки находились на значительном расстоянии от поселений. На ближние пашни ходили ежедневно всей семьей, на удаленные пашни переселялись тоже всей семьей и жили здесь месяцами во время посевной, прополки и уборки хлеба. Огородничество у челканцев стало развиваться только с начала XX в.

В бассейне р. Лебедя из-за длительной и холодной зимы с довольно высоким снежным покровом и отсутствием выпасов и скотоводство не получило широкого развития. В таких природно-климатических условиях домашнее животноводство у челканцев заключалось в разведении только одних лошадей. С конца XIX в. стали разводить понемногу крупный рогатый скот, в том числе и молочный. Мелкий рогатый скот: коз и овец, челканцы практически не разводили. На вольном выпасе животные находились с марта-апреля до ноября. Осе-

нюю и зимой их держали в крытом пригоне, подкармливая сеном, которое заготавливали в июле.

Бытовало у челканцев пчеловодство. Эта отрасль хозяйства у коренного населения бассейна р. Лебедь сформировалась в ходе культурного влияния русских северных предгорий Алтая.

Итак, основными направлениями хозяйственной деятельности челканцев являлись охота и земледелие, рыболовство, собирательство, скотоводство и сформировавшиеся под влиянием русского населения края пчеловодство и огородничество.

Под влиянием русской народной культуры челканцы к концу XIX – началу XX вв. стали строить бревенчатые дома с деревянным полом, окнами, русской печью, побеленными стенами и различные хозяйственные постройки: амбары, бани, скотные дворы. Традиционные жилища ими использовались как хозяйственные постройки или как летнее жилье. Общий вид челканского селения напоминал русскую деревню. Повседневный мужской костюм состоял из длинной рубахи, штанов, халата, на ноги челканцы надевали чулки и сапоги из хорошо выделанной конской кожи. Праздничные рубахи отличались обилием орнамента. Женщины-челканки не носили чегедека и шапок, а ходили в головных платках, повязанных концами назад. Праздничный женский костюм включал рубаху, которую шили из яркого шелка, узкую юбку и шаль красного или бордового цвета.

Основу питания челканцев составляла растительная, мясная и молочная пища. Из круп варили каши, супы, из пресного теста пекли лепешки, делали лапшу, из кандыка и сараны и других дикорастущих растений готовили жидкую похлебку. Повсеместно был распространен талкан из ячменя. Мясо диких животных и конину ели вареном и жареном виде, из рыбы готовили уху. Употребляли в пищу коровье молоко, топленое масло, творог. Пили чай из дикорастущих растений и чаги

Таким образом, коренное население Северо-Восточного Алтая в досоветское время создало таежно-промысловое хозяйство, основу которого составляли промыслы: охота, сбор кедрового ореха, собирательство дикорастущих растений. Скотоводство и земледелие в широких размерах исключались природными условиями, только у кумандинцев с конца XIX в. пашенное земледелие становится одной из ведущих отраслей хозяйства

2.3. Горнопромышленное освоение Горного Алтая во второй половине XIX- начале XX вв.

После отмены крепостного права для поддержания доходности Алтайского горного округа, Кабинет разрешил частное предпринимательство на своих землях. В декабре 1861 г. был составлен проект «Правил о допущении частных лиц к производству золотого промысла на Алтае». Данные «Правила» были утверждены императорским указом от 11 марта 1862 г. Этим самым существовавшее до 1860-х гг. полное запрещение частным лицам заниматься в округе

промышленным предпринимательством, было снято по отношению к золотодобыче¹. Но добывать золото разрешалось в ограниченных и строго определенных границах восточной части округа, включая и территорию Горного Алтая в бассейне рр. Лебедя и частично Бии². Золотопромышленникам предоставлялись земли по течению р. Абакан и его притоков, бассейны рек – притоков Телецкого озера, Чулышман, Башкаус со всеми их притоками, а также бассейны рр. Чуи, Аргута, Коксы до впадения в последнюю с левой стороны рчк Тюгуюк, а с правой Красноярки, верховья и правый берег р. Бухтармы до впадения в нее р. Черневой. Согласно распоряжению Кабинета запрещалась вольная добыча рудного золота. Частным лицам разрешалось разрабатывать только россыпи. Причем горная администрация оставляла за собой право производить разведку и добывать золото в районах, отведенных для частной золотопромышленности. С этого времени на территории восточной части Горного Алтая стал развиваться частный золотой промысел. Золотопромышленники платили Кабинету горные подати и подесятинный сбор.

Золотодобыча способствовала развитию сельского хозяйства. У местного населения расширились возможности для реализации земледельческой и скотоводческой продукции. Кроме этого, работа на золотых приисках давала части населения, правда, немногочисленной дополнительный источник существования, что, в конечном итоге, являлось некоторым стимулом для переселенческого движения на земли Горного Алтая.

На рубеже XIX – XX столетий промышленной деятельностью в Горном Алтае Кабинет не занимался. Отдельные районы Горного Алтая в это время исследовались частными лицами, которым удалось совершить несколько открытий полезных ископаемых³. После 1903 г. кабинетское ведомство приступило к разведочным работам в Алтайских горах. Кабинет и частные лица проводили разведку на золото в верховьях Ануя, в бассейнах Песчаной, Катунь, Бии, а также в районе Мунов и Улалы. Кроме этого предпринимались попытки разыскать полиметаллические руды и нерудные полезные ископаемые.

В 1905 г. геолог Э.К. Ширц искал россыпное золото по Пыже, Капше и другим горно-алтайским рекам. Летом 1906 г. под руководством кабинетского геолога С.А. Яковлева начались более масштабные геологические исследования между нижним течением Катунь и Бии. Они закончились летом следующего года. Практическим результатом двух поисковых сезонов стало открытие С.А. Яковлевым неплохого месторождения золота в бассейне р. Каянчи. Одновременно геологическим описанием бассейнов Бии и Катунь занимался Б.К. Поленов. В 1907 – 1909 гг. партия геолога А. Юферова искала золото по Улале, Мунам, Баранче и другим рекам Горного Алтая. Впоследствии разведка на золото проводилась в верховьях правых притоков Ануя и по всей Песчаной, Катунь от Сумульты до Урсула, а также в бассейнах Чарыша, Коксу, Пыжи и Капши.

¹ Голубев, П.А. Частная золотопромышленность / П.А. Голубев // Алтай: Историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа / Под ред. П.А. Голубева. – Томск. 1890. – С. 420 – 426.

² Краткий исторический очерк Алтайского округа 1747 – 1897 гг. – С. 45.

³ Исследователи Алтайского края. – С. 13.

Как видно, объектом детального изучения геологов было, в первую очередь, россыпное золото Горного Алтая. Предпринятые масштабные поиски этого драгоценного металла имели положительные результаты: были открыты золотые россыпи в бассейнах Ануя, Бии, Катуня, Лебедя и других рек. Наибольшими перспективами отличался Лебедский район, который Кабинет сдавал в аренду золотопромышленникам. Вторым золотопромышленным районом была местность по рекам Малый и Большой Колычак и частично по Телецкому озеру, где тоже действовали арендаторы. Передача золотоносных местностей частному капиталу осуществлялась на концессионных началах. В своей концессионной политике Кабинет отдавал приоритет крупным компаниям, таким как «Южно-Алтайское золотопромышленное дело» и «Сибирская компания». Золотопромышленники-арендаторы за разработку приисков платили денежные подати в пользу кабинетского ведомства.

Серьезным препятствием для развития частной золотодобычи являлись не арендные платежи, а скорее невозможность получить прииск в частную собственность. Отвод отбирался, если в течение одного года на нем не производилось подготовительных работ, и если в течение двух лет на нем предприниматель не мог наладить добычу золота. Кабинетская администрация отбирала прииски также в случаях неправильной разработки или при меньшей добыче золота, чем это было заявлено в договоре. Будучи временщиками, золотопромышленники для получения наивысшей прибыли разрабатывали самые богатые россыпи, забрасывая более бедные. Такое отношение к организации работ приводило к хищнической, нерациональной эксплуатации полезных ископаемых края, без механизации приисков. Техническое устройство приисков было примитивным, основу золотодобычи составлял ручной труд. Золотоносные пески разрабатывались открытым способом, при котором техника добычи основывалась на ручном труде рабочих. Кайла, лом, лопаты были основными орудиями производства на приисках. Добытый золотоносный песок доставляли к промысловым устройствам, из которых самыми распространенными были чаши, бутары, бочки. Механизация золотодобычи не могла развернуться на основе местных капиталов алтайских предпринимателей, поскольку их средств было недостаточно, чтобы приобрести дорогостоящее оборудование. Только крупная акционерная компания могла приступить к механизации своих предприятий.

Большую часть месторождений Лебедской системы разрабатывала крупнейшая акционерная компания «Южно-Алтайское золотопромышленное дело Мальцева и К^о»¹. Компании принадлежали Царево-Александровский, Больше-Коучакский, Андобинский, Чанышский, Албасский, Азарт и другие прииски². После проведенной некоторой модернизации производства в начале XX в. акционерная компания сумела наладить добычу золота в более крупных масштабах.

В 1903 г. компания приступила к разработке Воронцовского прииска, расположенного в системе р. Коучак, впадающей в Лебедь. В первый год из

¹ Голубев П.А. Указ. соч. – С. 421.

² Штейнфельд В. Справочник по городу Бийску и Бийскому уезду. – Бийск, 1911. – С. 54.

россыпи было добыто 2 пуд. 15 фунтов золота, в том числе довольно много крупных самородков. На следующий год именно на этом прииске состоялось самое знаменательное событие в истории золотопромышленности Горного Алтая. В апреле 1904 г. рабочий прииска П. Воробьев поднял из забоя золотой самородок весом более 24 кг. Администрация компании щедро поощрила не только Воробьева, но и всех рабочих и служащих прииска на общую сумму 3000 руб. Из них 1000 руб., огромную сумму для того времени, получил Воробьев, остальные – по 10 руб. на каждого¹. О находке такого громадного золотого самородка сообщили многие российские периодические издания. Были и другие находки. Так, на Бийкинском прииске разрабатывалась единственная в Сибири золотосеребряная россыпь. Здесь находили куски самородного серебра весом до 600 грамм. Но в целом, добыча золота в Лебедском районе оставалась невысокой и имела тенденцию к понижению. Так, если в 1910 г. на приисках «Южно-Алтайского золотопромышленного дела» было добыто 3 пуда 5 фунтов, то в 1910 г. только 1 пуд и 2 фунта².

В системе Песчаной и Катуня право разведки на золото получила «Сибирская компания». Отдельными частными лицами и немногими мелкими компаниями разрабатывались россыпи в бассейнах Песчаной, Ануя и в окрестностях Телецкого озера. Помимо акционерных компаний золотодобычей в Горном Алтае занимались несколько артелей старателей, но старательская золотодобыча осуществлялась в небольших размерах. В Центральном Алтае золото никто не разрабатывал, хотя сведения об его проявлениях на этой территории имелись. В 1913, 1916 гг. кабинетские геологи производили разведку золота в Чарышской системе, но никаких золотых месторождений, они не обнаружили. Неудачными оказались поиски других цветных металлов в Алтайских горах.

Из нерудных полезных ископаемых наибольший промышленный интерес у частного капитала вызывал асбест, или иначе горный лен, который использовали для создания огнеупорных материалов. Стоимость этого природного минерала на мировом рынке была велика, поэтому деловой мир чутко реагировал на все сообщения о месторождениях этого перспективного минерала, востребованный почти во всех отраслях промышленности и строительства. В 1895 г. геолог Астафьев в отрогах Терехтинского хребта обнаружил новые месторождения асбеста³. Открытием Астафьева заинтересовалось петербургское акционерное общество «Уралит», учрежденное в 1898 г. для разработки этого ценного сырья. На следующий год компания отправила в Алтайские горы специальную экспедицию под руководством Горавского и Вейденбаума на разведку терехтинских асбестов. Геологам «Уралита» удалось открыть асбестовые месторождения в нескольких местах по Терехтинскому и Катунскому хребтам. Но вкладывать капиталы в добычу асбеста в далеких Алтайских горах петербург-

¹ Розен, М.Ф. Библиография Алтая: географические, геологические и прочие исследования досоветского периода. – С. 66.

² Екеев Н.В. Указ. соч. – С. 28.

³ Сперанский, Б.Ф. Нерудные ископаемые Ойротии / Б.Ф. Сперанский // Ойротия. Труды сессии СОПС по изучению производительных сил Ойротской автономной области. – М.; Л.: Изд-во АН, 1937. – С. 123 – 140, С. 125.

ская компания не решилась. В 1905 г. концессию на разведку и разработку горного льна получил дворянин М. М. Имшенецкий, который вместе с братом основал «Южно-Алтайское асбестовое товарищество» и продолжил в 1906 – 1907 гг. выяснение промышленных запасов асбеста по обе стороны Катуня в горах Терехтинского и Катунского хребтов. Геологоразведчики выявили много месторождений горного льна¹. Самые большие месторождения отмечались по Казнахте и Околу. Проведенная разведка выявила невысокое качество асбеста почти во всех месторождениях, за исключением Казнахтинского, самого интересного по всем промышленным и геологическим показателям. Казнахтинский минерал специалисты называли высокосортным, отборным. Но из-за отсутствия каких-либо путей сообщения к этому месторождению, расположенному в отвесных горах Терехтинского хребта, его крайне сложно было разрабатывать. Привлекательным являлось и Батунское месторождение, расположенное на одноименном ключе, притоке Окола. Оно отличалось большими размерами, и было сравнительно удобным для разработки.

Имшенецкий попробовал наладить добычу асбеста из самого лучшего Казнахтинского месторождения. Из него было добыто полторы тонны высокосортного асбеста, который с трудом спустили на вьюках, от дальнейшей промышленной разработки казнахтинского асбеста Имшенецкому пришлось отказаться. Зато на более доступном Батунском месторождении предпринимателю удалось организовать небольшое производство. Здесь он построил небольшую сортировочную фабрику, действующую при помощи конного привода. В 1912 г. Имшенецкий продлил договор с Кабинетом на разведку и добычу асбеста по Катуню. Но развернуть дело как ему хотелось, не удалось. В начале Первой мировой войны фабрика сгорела².

Промышленная история асбестовых месторождений Горного Алтая на этом не закончилась. Алтайский асбест стал объектом пристального внимания со стороны акционерного общества «Треугольник», которое в 1917 г. отправило геолога О.М. Аншелеса в Горный Алтай для выяснения перспектив промышленной добычи асбеста. Аншелес подверг сомнению мнение о богатстве асбестовых месторождений, он пришел к заключению об убыточности асбестового производства в Алтайских горах. Но заключение эксперта, содержащее отрицательный отзыв, вышло уже после революции 1917 г.³

Алтайские горы отличались значительными запасами известняка, мрамора, которые в небольших размерах использовались местным населением для собственных нужд. В начале XX в. несколько мелких предпринимателей разрабатывали песчаники возле бийского притока Тулоя. В районе Мунов и в некоторых других местах крестьяне пережигали известняки на известь. Частично разрабатывались мраморы в бассейне Катуня. Торговое население Чуйской долины использовало бурые угли Чуйской степи.

¹ Там же. – С. 126.

² Там же. – С. 125.

³ Там же. – С. 126.

Таким образом, хотя по социально-экономическому облику дореволюционный Горный Алтай был сельским краем, но в конце XIX – начале XX вв. в его северо-восточной части в небольших размерах развивалась золотопромышленность. Кроме этого, горнопромышленное производство было представлено частными единичными предприятиями по разработке асбеста в юго-западной части Алтайских гор. Горнопромышленная политика Кабинета по освоению полезных ископаемых Горного Алтая свелась к выдаче редких концессий отдельным лицам.

2.4. Земельная политика и землеустройство Кабинета в Горном Алтае в конце XIX -начале XX вв.

До 1917 г. собственником земли в округе был императорский Кабинет. В дореформенный период население могло пользоваться землей в каких угодно размерах и формах.

Рубежом в истории земельной политики в Горном Алтае стала реформа 1861 г. Крестьянская реформа в кабинетском округе не решила вопрос о земле. По закону 8 марта 1861 г. крестьяне и «инородцы» получили занятые ими земли не в собственность, а только в пользование, до проведения землеустройства. Кабинетская администрация неоднократно подчеркивала временный характер своих земельных отношений с крестьянским и «инородческим» населением до осуществления землеустроительных работ. Но поскольку у Кабинета на том момент отсутствовала хозяйственная заинтересованность в создании собственного земельного хозяйства, то кабинетские чиновники откладывали на неопределенный срок проведение землеустройства, ссылаясь на большие затраты, необходимые при межевании огромного пространства округа, отсутствие земельного учета и на другие причины. а также крайне запутанные земельные отношения, обусловленные длительным пользование крестьянами землей в неограниченных размерах и недостатком точных сведений о количестве земли. Кроме того, Кабинет не располагал данными о конкретном землепользовании алтайских крестьян и инородцев.

Итак, после реформы 1861 г. за жителями округа временно были оставлены их земельные участки в рамках дореформенного пользования. Такие временные земельные отношения Кабинета и населения сохранялись до землеустройства, которое необходимо было осуществить во время отмены крепостного права.

Во второй половине XIX в. в связи с возникновением оседлых поселений и под влиянием социально-экономических реалий в алтайском социуме стали создаваться новые земельные отношения. Начался процесс обособления в пользовании угодьями различными сообществами. Алтайский социум этого времени отличался многообразием форм землепользования, обусловленным разницей в полукочевом или оседлом образе жизни, проживанием аилами по урочищам, или в миссионерских поселках и другими причинами. На складывание земельных отношений влияли такие факторы, как административная неупорядочен-

ность, пожизненное или краткосрочное пользование земельными угодьями, влияние социальной среды. Вместе с тем, и во второй половине XIX в. алтайское население по-прежнему придерживалось принципа давности своих прав на занимаемые земли. В его среде широко бытовал принцип вольного захвата. Сохранилось и понимание общности владения землей всем народом. Это видно на примере угодий, пользование которых сопровождалось продолжительной отлучкой из дома как кочевников, так и оседлых алтайцев. В первую очередь, это промысловые угодья для охоты, сбора кедрового ореха и отгонные пастбища. Эти земли находились в общем пользовании всех алтайских этнотерриториальных групп Горного Алтая.

В алтайском социуме признавался факт того, что каждый коренной житель имеет право охотиться, собирать орехи, пасти скот на всем пространстве занимаемой алтайцами территории. Для этого не требовалось ни разрешения зайсана, ни устного заявления.

Алтайское сообщество максимально старалось сохранить свои права на земли. Поскольку во второй половине XIX в. количество пришлых старожилов из предгорных волостей и крестьян-переселенцев увеличивалось, то это привело к обострению вопроса об использовании промысловых угодий. Для некоторых этнотерриториальных групп Горного Алтая доходы от промыслов были основными источниками оплаты податей, многие коренные жители ясак платили с орехового промысла. Поэтому вторжение крестьян-переселенцев в промысловые угодья ими воспринималось враждебно. К тому же местные жители жаловались, что чужаки из новоприбывших нарушали правило сбора ореха, начинали бить его раньше времени, срубали плодоносные ветки и даже кедры¹. В целях предотвращения таких негативных моментов, в алтайском социуме стала создаваться система контроля над использованием промысловых угодий.

Во второй половине XIX в. наследственное пользование встречалось редко даже в районах с оседлым образом жизни, старшее поколение по-прежнему отстаивало право свободного поселения. Но все же в пользовании пастбищными, сенокосными, пахотными землями происходили изменения. В первой половине XIX в. алтайские кочевники жили отдельными аилами, далеко разбросанными друг от друга, и не имели между собой связи. С 70-х гг. XIX в. жители срединной части Алтая стали группироваться в небольшие поселения. Соответственно появились новые формы землепользования. В первую очередь, стали складываться новые порядки пользования пастбищами и сенокосами.

Определенное место в хозяйствовании алтайских кочевников занимало земледелие, которое в течение XIX в., эволюционировало от мотыжного к пашенному. Наиболее ранней формой пользования пашнями являлась вольнозахватная, когда каждый кочевник мог захватить в свое пользование столько земли и там, где ему казалось удобным и нужным, никого не спрашивая, и,

¹ Карих Е.В. Межнациональные отношения в Горном Алтае в XIX – начале XX вв. // Горный Алтай Исторический сборник. Вып. шестой. – Бийск: НИЦ БГПИ, 1998. –С. 22.

пользуясь, сколько нужно. По нормам обычного права это был захват, ничем не регулируемый. Во второй половине XIX в. скотоводы-алтайцы под влиянием русских крестьян расширили пашенное земледелие. В последней трети XIX в. алтаец-кочевник уже практиковал переделы пахотных земель, когда ему было нужно.

Особая система землепользования существовала в Чулышманской долине, на территории которой в 1864 г. возник монастырь. При создании монастыря его основатель купец Мальков убедил начальство в том, что долина Чулышмана является свободной, но на самом деле она была занята кочевками алтайцев. В результате здесь сложились земельные отношения на арендном праве. Монастырь являлся землевладельцем, а местные теленгиты – арендаторами. Размер арендных платежей за пользование землей был следующим. За пашню теленгиты расплачивались одной десятой частью урожая, за пастьбу скота платили 4 коп. с головы мелкого скота и 20 коп. головы с крупного скота. За место под аиллом арендаторы платили 1 рубль в год, за право рубить дрова – тоже 1 рубль¹. В результате здесь сложились земельные отношения на арендном праве. Монастырь являлся землевладельцем, а местные теленгиты – арендаторами.

Своя система землепользования сложилась в смешанных по социальному и этническому составу оседлых селениях, к которым относились также переселенческие и миссионерские поселки. Состав таких поселений был очень пестрым, кроме русских крестьян здесь селились крещеные алтайцы, казахи, мещане, сохранявшие свои сословные права. Между ними по вопросам землепользования часто возникали разногласия. Зачастую складывалась спорная ситуация, в которой обе стороны в своих притязаниях на одни и те же земли были правыми. Алтайские кочевники обладали правами на эти земли, на стороне крестьян-переселенцев, поселившихся не самовольно, а в рамках организованного правительством заселения Алтайских гор, был закон «Правила заселения Горного Алтая» 1879 г. Но подобные явления имели место не во всех районах. В тех местностях, где вопросы, связанные с использованием земли, были налажены, крестьяне и алтайцы жили между собой мирно. Основной формой поселения крестьян и мещан в Алтайских горах была захватно-заимочная, при которой старожилы и переселенцы селились заимками, со временем превращавшиеся в селения. Русских заимок было много в черновом районе и в Уймонской степи. Основатели заимок заключали договоры с местными зайсанами, получая от них приемные приговоры за деньги и несколько ведер вина.

Итак, у населения Горного Алтая в XIX в. исторически существовало многообразие форм пользования пашнями, сенокосами, выгонами, отгонными пастбищами. Под влиянием различных социально-экономических факторов к концу XIX в. земельный вопрос стал главным во внутренней политике Кабинета в Горном Алтае.

Верховным собственником оставался царь. Царскими землями на Алтае управлял императорский Кабинет. На всем пространстве округа земельные пра-

¹ Горный Алтай и его население: В 3-х т. Т.1. Вып.1. – С. 163 – 164.

ва населения носили временный и неопределенный характер. В результате, в земельных отношениях между Кабинетом и населением нарастала путаница. Но из-за отсутствия в округе системы земельного учета Кабинет не смог приступить к землеустройству до конца XIX в. Горный Алтай как и округ в целом до конца столетия остался не размежеванным, а коренное, старожильческое крестьянское и переселенческое население – неустроенным в земельном отношении. Земельная политика кабинетского ведомства в XIX в. по отношению к коренным жителям и другим категориям населения Горного Алтая в основном сводилась к попыткам определения площади алтайских кочевий, регулирования, в том числе законодательного, вопросов переселения в Алтайские горы и решения земельных споров между различными группами населения.

Но к этому времени земельный вопрос стал осложняться начавшимся массовым переселенческим движением. Хозяйственное освоение Горного Алтая сдерживалось земельной неустроенностью русского, алтайского и казахского населения. Здесь следует отметить, что аграрный вопрос являлся одним из самых сложных и актуальных вопросов дореволюционной России. В Сибири и на Алтае он осложнялся еще и переселенческим фактором. Необходимость землеустройства населения всего округа, в том числе и Горного Алтая, было связано с общими задачами кабинетской политики в сибирских округах и серьезными социально-экономическими изменениями, происшедшими в социально-экономической жизни Алтая во второй половине XIX в.

Непосредственной причиной проведения землеустроительной реформы в Алтайском округе явилась переориентация в 1890-х гг. экономических интересов Кабинета с горнорудной и металлургической промышленности на земельное, лесное хозяйство и арендное дело. До этого Кабинет, занятый в 1860 – 1880-х гг. стабилизацией горного производства, находившегося в состоянии кризиса и упадка, земельными лесными, арендными вопросами практически не занимался, особенно применительно к Горному Алтаю. Но в конце XIX в. экономические позиции кабинетского ведомства радикально изменились. Кабинет решился на создание собственного земельно-лесного и арендного хозяйства. Помимо этого важнейшего фактора кабинетской экономической политики конца XIX – начала XX вв. значительный поток переселенцев, увеличивавшийся с каждым десятилетием пореформенного периода, тоже требовал разрешения и законодательного оформления земельных отношений, очень запутанных в округе и в Горном Алтае в особенности.

По мере падения горного производства в округе в экономической политике императорского Кабинета на Алтае все больший удельный вес стали занимать земельно-лесной и арендный вопросы. В 1890-х гг. Кабинет полностью переориентировался на земельно-лесное хозяйство, так как доходы от него стали главными. Тогда же началась конкретная подготовка к землеустройству на кабинетских землях Сибири.

Как уже упоминалось в разработанный Кабинетом в 1890-х гг. проект о землеустройстве крестьян были включены вопросы, касающиеся землеустройства инородческого, старожильческого, переселенческого населения Горного Алтая, которое тоже нуждалось в урегулировании земельных отношений.

Первая попытка определения площади земельных угодий Горного Алтая относилась к 1870-м гг. В 1873 г. томский губернатор Н.С. Супруненко совершил поездку по Горному Алтаю с целью выяснения вопроса о возможности колонизации данных земель. В результате проведенных работ он пришел к выводу о наличии свободного фонда колонизационных земель и возможности заселения данной территории русским населением, прибывающим на кабинетские земли Томской губернии.

В 1897 г. С.П. Швецов пришел к выводу о необходимости решения земельного вопроса в Горном Алтае, но при этом он считал, что землеустройство применимо только к русскому и оседлому алтайскому населению. На основании рекомендаций экспедиции, в 1898 г. на территории Горного Алтая началось наделение земельными участками жителей трех селений: Черного Ануя, Белого Ануя, Онгудая. Но эти работы вскоре были прекращены до выработки основных положений землеустройства на кабинетских землях Алтая.

Первым законодательным землеустроительной политики Кабинета стал закон 31 мая 1899 г., который в основных чертах повторял главный аграрный закон Сибири 1896 г. «О поземельном устройстве сибирских губерний». Землеустроительный закон 1899 г. предусматривал отведение земельных наделов старожилам и инородцам, наделение земель переселенцев и устройство на оставшихся землях собственного кабинетского земельно-лесного и арендного хозяйства. Норма земельного надела составляла 15 десятин земли на одну душу мужского пола в крестьянских селениях, не считая трехдесятинного лесного надела, и 18 дес. земли на одну душу алтайского населения, что в общей сумме должно было составить около 20 млн. дес.

Землеустройство на кабинетских землях Алтайского округа началось со второй половины 1899 г. Начатые землеустроительные работы затронули и Горный Алтай. Согласно положениям землеустроительного закона 1899 г. кабинетская администрация начала землеотводные работы в старожильческих поселениях Горного Алтая, находившихся в составе крестьянских волостей. Тогда же был поставлен вопрос о земельном устройстве миссионерских и переселенческих поселков и кочевого населения. Но, принимая во внимание выводы экспедиции С.П. Швецова о неподготовленности кочевого населения к наделению землей, Кабинет отложил землеустройство алтайцев на неопределенное время, за исключением кумандинцев Верхне-Кумандинкой и Нижне-Кумандинской волостей и Тогульской волости второй половины. В итоге, из русского населения до 1903 г. землю в Горном Алтае получили только жители переселенческих поселков.

Землеустроительные работы обеспокоили местное население. Алтайцы боялись распространения на них воинской повинности, уравнивания в правах с русскими крестьянами и прочих бед, которые, по их мнению, несла земельная реформа. В регионе началось движение протеста алтайского населения против землеустроительной политики. Против землеустройства высказалась и Алтайская духовная миссия. В результате, 12 мая 1904 г. были приняты «Правила устройства кочевых инородцев Бийского уезда», которые запрещали переселе-

ние в Горный Алтай крестьян из европейских губерний и приостанавливали по-земельное устройство населения Горного Алтая.

В середине первого десятилетия XX в. в землеустроительной политике Кабинета наступил новый этап, связанный с действием указа 19 сентября 1906 г., имевшего для социально-экономического развития Алтая большое значение. Уже в первые годы столыпинской реформы число переселенцев резко возросло. Кабинетская администрация с раздражением констатировала, сто основной поток переселенцев, двигавшийся в Сибирь и на Дальний Восток, оседал на алтайских землях. Для новых переселенцев администрация округа в 1907 г. передала полмиллиона десятин земли в северной части округа.

В 1907 г. окружная администрация Алтая вновь поставила вопрос о полном земельном устройстве населения горной части округа, располагавшей земельными и значительными лесными угодьями. Но губернская администрация, ссылаясь на то, что значительная часть алтайцев стоит на низкой ступени культурного развития и до сих пор ведет кочевой образ жизни, рекомендовала не проводить на территории Горного Алтая никаких землеустроительных работ. Томская администрация предложила разработать новый землеустроительный закон, отвечающий бытовым условиям кочевников. Томский губернатор барон Нолькен высказался за приостановку русского переселения в Горный Алтай.

К 1908 г. землеустроительные работы в основном были закончены в Томском уезде и в северной части Бийского уезда. Настала очередь наиболее многоземельных районов округа: самого населенного Барнаульского уезда и малолюдного Горного Алтая. Говоря о многоземелье Горного Алтая, нужно иметь ввиду, что пашенных угодий в горах было немного. Поскольку стихийное переселение в Горный Алтай продолжалось, то окружная администрация еще в 1906 г. решила приступить к поземельному устройству населения на всей территории Горного Алтая. В связи с этим «Правила 12 мая 1904 г.» были отменены. Предполагалось провести землеустроительные работы в тех частях Горного Алтая, где население окажется подготовленным к переходу в оседлое состояние. Отправным пунктом работ послужила р. Красноярска, правый приток р. Коксы, где отсутствовали алтайские кочевья и имелось русское население. Работы было решено начать в январе 1908 г.

Так как, начиная с 1908 г. вопросами землеустройства на территории Алтая стало заниматься Переселенческое Управление Томской губернии, то оно в том же году организовало собственное статистико-экономическое исследование горной части Алтайского округа на предмет выяснения возможностей образования в Алтайских горах переселенческих участков для нуждающихся в наделении землей. Исследование Горного Алтая, организованные Переселенческим управлением проводилось и в последующие годы: в 1909 и в 1910 гг. Экспедиции обнаружили в Алтайских горах 900000 десятин земли, пригодной для переселенцев. Кабинет эти земли сначала уступил Переселенческому управлению, но весной 1910 г. распорядился вернуть большую часть в фонд округа, оставив для переселения только 130000 десятин. Подобное решение было обусловлено кабинетскими планами создания на землях Горного Алтая собственного аренд-

ного хозяйства для крестьян-заимочников и состоятельных скотоводов. Между Переселенческим управлением и кабинетским ведомством наблюдалась несогласованность действий в этом горном крае, обусловленная тем, что Переселенческое управление стремилось все свободные земли Горного Алтая передать в переселенческий фонд, а Кабинет оставлял их за собой, чтобы в будущем иметь возможность создание здесь собственного арендно-оброчного хозяйства.

Что касается землеустройства кочевого населения, то было решено еще раз детально изучить этот вопрос, что и было поручено назначенному начальником Алтайского округа В.П. Михайлову. Причины его экспедиции заключались еще и в том, что между переселенцами и кочевниками обострились земельные споры. Он должен был выяснить причины обострившихся земельных споров между старожилами, переселенцами, кочевниками и предложить способы снятия земельной напряженности, принимавшей характер межэтнических споров, что для пограничного района было нежелательным явлением. Кроме этого, В.П. Михайлов должен был изучить все вопросы об юридических основаниях участвовавших заявлений алтайских зайсанов о праве алтайского народа на все земли Горного Алтая. Он совершил поездку в Горный Алтай в 1910 г.

Заключение экспедиции В.П. Михайлова сводилось к следующим выводам:

- Горный Алтай, обильный естественными богатствами, пригоден для самого широкого развития скотоводческого, лесного, промыслового хозяйства;
- все земли, леса и недра Горного Алтая являются собственностью Кабинета;
- формы быта и хозяйствования алтайского населения не являются препятствием к землеустройству, так как часть алтайцев перешла от кочевого быта к оседлому, а часть к полuosедлому;
- свободные земли после землеустройства и размещения переселенцев должны быть открыты для заселения крестьянами, по предложению начальника округа экономически сильными и уже адаптированными к природно-климатической и социальной среде горного края.

Начальник Алтайского округа высказал мнение, что все работы, связанные с переселением и землеустройством, должны быть сосредоточены в руках Кабинета. Предложения В.П. Михайлова поддержал целый ряд кабинетских чиновников, опасавшихся изъятия Переселенческим управлением обширных пространств из фонда свободных земель и снижения в результате этого доходности кабинетского хозяйства округа.

Выводы и предложения В.П. Михайлова были положены в основу землеустроительной политики в Горном Алтае с 1910 г. администрация округа, сосредоточив в своих руках руководство землеустроительными работами, отвела на их выполнение три года. Землеустройство алтайского населения началось в 1911 г. При проведении работ по землеустройству в Горном Алтае кабинетская и окружная администрация придерживалась принципа последовательности и постепенности. Первые землеустроительные работы решено было провести в тех районах, население которых окажется наиболее подготовленным к проведению подобной реформы. В 1911 г. кабинетские земли в Горном Алтае были

поделены на 5 лесничеств и Верх-Бухтарминский район. Летом этого же года была организована особая расширенная землеустроительная партия по проведению землеотводных работ в горной части округа под наименованием «Горный Алтай» под руководством исполняющего обязанности начальника землеустройства Алтайского округа П.М. Юхнева. Поземельное устройство возлагалось на землеустроительные партии.

При проведении землеустроительных работ и хозяйственной оценки иногородческих земель при необследованном земельном фонде Горного Алтая требовались капитальные вложения на оборудование местных дач и землеустройство коренного, старожильческого населения и переселенцев. Поэтому кабинетское начальство увеличило расходы на землеустроительные работы в Горном Алтае почти на 144400 руб. по сравнению с другими регионами округа.

Землеустройство русского и алтайского населения проходило с мая 1911 г. по 1913 г. Началась земельная реформа с Уймонской долины. Уймонский край находился на правом берегу Катуня за границей алтайских кочевий. Межевые чиновники отмежевали в данном районе все земли, фактически занятые русским старожильческим населением и переселенцами и образовали на них оброчные статьи, независимо от того, хотели крестьяне и переселенцы этого, или нет. Там же, где при устройстве таких оброчных статей могло быть нарушено землепользование алтайцев, с устройством которых могли создаваться трудности для предстоящих землеустроительных работ, то межевые чиновники воздерживались от формирования оброчных статей.

Одновременно с обследованием мест в Уймонском районе были собраны предварительные сведения по прошениям русских крестьян и местных алтайцев, касающихся земель по рекам Песчаной, Семе, Аную, Караколу и Шибете. Земельной комиссии при образовании оброчных статей в Горном Алтае приходилось считаться как с топографическими условиями местности, так и с расположением на них угодий, оказавшихся в фактическом пользовании населения. Как следует из отчетов начальника Алтайского округа за 1913-1916 гг. во избежание самовольных захватов земель и в целях увеличения доходов от уже арендованных земель, участки формировались с таким расчетом, чтобы не нарушать прав землевладения и землепользования местного населения.

Землеотводные работы в 1911 г. происходили в бассейне рек Кокши, Пыжи, Уйменя, на побережье Телецкого озера. Опорным пунктом землеустроителей в северной части Горного Алтая был поселок Новотроицк. В Черневом районе работать приходилось в трудных условиях. По описаниям землеустроителей приходилось жить неделями в палатках. Эти земли отличались многочисленными топями, болотами, обилием водоемов, рек и речек, через которые приходилось перебираться. Частые проливные дожди размывали дороги, речные переправы, превращали землю в грязь. Землеустроители пробирались через высокие травы, которые скрывали всадника на лошадях.

Горно-алтайское землеустройство продолжилось в 1912 г. и закончилось в 1913 г. В 1912 г. по просьбе чуйских казахов было проведено землеустройство на Укоке. Они получили земельный надел на 672 души, составив одну Киргизскую волость с административным центром в поселке Юстыд.

Землеустроительными работами, проведенными в 1911-1913 гг., был сделан первый шаг к рациональному использованию земель Горного Алтая на рыночных началах. По сведениям официальных источников, имевшая место попытка некоторых зайсанов сорвать эти работы на том основании, что все эти земли принадлежат только коренным жителям, не увенчалась успехом. Томское губернское присутствие дало весьма определенное и категорическое разъяснение о правах Кабинета на земли, оставшиеся после проведенного землеустройства.

Всего в Горном Алтае в результате землеустроительных работ было занято 122000 дес. земли и образовано 328 оброчных статей.

Таблица 5

Общее количество земли по категориям, находящиеся в Алтайском округе с 1912 по 1913 гг.

Категория земли	К 1.01.1912 г. состояло	В 1912 г. Прибыло + Убыло -	К 1.01.1913 г. Состоит
В распоряжении крестьян-инородцев, устроенных по закону 31.05.1899 г. в Бийском округе и в Горном Алтае	2707601 248430	- +1667408	2707601 1915838
Всего	16560634	+2844198	19404832
В пользовании крестьян-инородцев, не устроенных в земельном отношении в Горном Алтае	1667408	1667408	-
Всего	4344198	-2844198	1500000

Таблица составлена на основе данных: ГААК Ф.4. Оп.1. Д.446. Л.86.

Из анализа таблицы следует, что у коренных жителей Горного Алтая по закону 31.05.1899 г. к январю 1913 г. имелось 1915838 дес. земли. Всего же в Алтайском округе к этому времени находилось 19404832 дес. земли.

Итак, сложная земельная реформа на огромном пространстве Горного Алтая была завершена. По конечному подсчету в Горном Алтае получили полное поземельное и административное устройство 630 населенных пунктов. Из них 264 селения было образовано с общим количеством алтайцев мужского пола 28621 человек и 2763 русских с общим запасом свободной площади на 1005

душ, а всего 32389 душ. В надел поступило 2195606,06 дес. земли. Из них 1599500,78 дес. удобной земли. Общие результаты обеспеченности наделных единиц земли выразились в таблице 2.

Таблица 2
Душевые наделы в Горном Алтае по итогам 1913 г.

Надел на одну душу мужского пола в десятинах	%
От 5 до 6	0,04
От 8 до 10	0,12
От 10 до 13	3,06
От 13 до 15	8,54
Свыше 15	32,01.

Таблица составлена на основе данных: ГААК Ф.4.Оп.1. Д.224. Л.189.

Всего повышенной душевой нормой было наделено 8326 душ. Таким образом, к концу 1913 г. землеустройство Горного Алтая в общих чертах было завершено. Были произведены землеустроительные работы в русских поселениях и инородческих управах. Все оседлые инородцы были наделены участками земли, но вместе с тем огромные пространства угодий остались незанятыми.

Таблица 3
Душевые нормы поземельного устройства сельского населения Бийского уезда с Горным Алтаем по закону 31 мая 1899 г.

Число наделенных единиц	Из них душевой нормы в земельных наделах		
	Менее 15 дес. неудобной земли	По 15 дес. удобной земли	Более 15 дес. удобной земли
523	155	257	111

Таблица составлена на основе данных: ГААК Ф.4.Оп.1. Д. 224. Л.189.

К 1915 г. все землеустроительные работы в Алтайском округе были закончены, в том числе и лесоустроительные. Но проверка точности снятых земель продолжалась еще в 1916 г. В результате землеустроительных работ в 1911-1913 гг. общая площадь Алтайского округа составила 4170747000 дес. земли. Из общей территории Алтая в 41 991 823 дес. земли 25 288 677 дес. отошли старожильческому, инородческому населению, казакам, городам, переселенцам, общественным учреждениям. Остальные 16703146 дес. земли остались в частной собственности. В Горном Алтае Кабинет наделил землей крестьян-старожилов, местное алтайское население и переселенцев, оставшиеся свободные земли он передал под создание арендного земельно-лесного хозяйства. Таким образом, императорский Кабинет остался крупным земельным собственником на Алтае.

Заключение

Вхождение Горного Алтая в состав России с последующим оформлением его в систему кабинетского хозяйства предопределило его особый статус. Кабинет приступил к серьезному изучению горной страны, ее ресурсов и населения. В ХУ111-Х1Х вв. Кабинет организовал ряд исследовательских экспедиций и поисковых работ по геологическому и геогностическому изучению этого края. Здесь были обнаружены рудопроявления золота, серебра, меди, железа и других металлов. Экспедиции П.И. Шангина в западной части Горного Алтая открыли месторождения и проявления цветных поделочных камней: порфиров, ямш, брекчий, пригодных для промышленной разработки. Наряду с этим Кабинет оказывал содействие научной общественности в деле изучения природы, животного и растительного мира, культуры и истории местного населения. Горный Алтай являлся объектом изучения со стороны таких видных ученых, как К.Ф. Ледебур, К.Риттер, Г.И. Спасский и других.

Освоение Горного Алтая происходило через разведку, и частичную разработку небольших месторождений полезных ископаемых, а также через заселение алтайских гор со второй половины XVIII в. беглыми староверами, скрывающимися от религиозных преследований, и переселение в этот заповедный край русских крестьян и старожилов из европейской России. На новых землях крестьяне-старообрядцы создали своеобразный уклад жизни, быта, культуры. Именно здесь стал складываться особый социально-психологический и культурологический тип русского староверия, известных под названием алтайские каменщики. С конца XVIII в. алтайские каменщики были включены в сферу действия кабинетской политики.

Ввиду специфичности особенностей Горного Алтая – особого природного горно-таежного ландшафта, высокогорного климата, пестрой племенной структуры населения, устойчивых родовых отношений, развитие региона происходило более медленными темпами по сравнению с другими регионами Алтая. Начавшееся с середины XIX в. переселенческое движение наложило своеобразный отпечаток на развитие экономики и социальной структуры Горного Алтая. Вследствие миграционных процессов численность населения, в том числе русского, стала медленно увеличиваться. Но практически до конца XIX в. Горный Алтай оставался закрытым для общих сибирских процессов переселения и экономического развития. Кабинетская политика не предусматривала его промышленного и сырьевого освоения.

С начала XX в. в связи с переориентацией интересов Кабинета с горного дела на земельно-лесное, кабинетская администрация включила Горный Алтай в сферу своей аграрной и арендной политики. В начале XX в. в Горном Алтае было проведено землеустройство русского и алтайского населения. Местное население получило земельные наделы, остальная земля осталась в собственности Кабинета.

Учебное издание

МУКАЕВА Л.Н.

**ПОЛИТИКА КАБИНЕТА В ГОРНОМ АЛТАЕ
В ДОСОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ**

Монография

РИО Горно-Алтайского государственного университета
649000, г. Горно-Алтайск, ул. Ленкина, 1.

Подписано в печать 01.12.2014 г. Формат 60x84/16.
Бумага для множительных аппаратов. Печать ризо.
Печ. л. – 7,0. Тираж 50 экз.
Заказ № 202.

Отпечатано полиграфическим отделом
Горно-Алтайского госуниверситета.
649000, г. Горно-Алтайск, ул. Ленкина, 1.

